

Америка привет!

Тригорий
Хайт

18+

Григорий Хайт

Америка. Приехали!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70479403

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказы. Эмигрантские, американские и даже советские, случившиеся еще в СССР. Юмор, смех, сатира и просто улыбка, Что это? Это когда результат совсем не такой, как ожидаемое событие. Когда человек уезжает в другую страну, он не только берет с собой чемоданы с нужными или не очень вещами. Но человек безотчетно тащит в себе груз своего опыта, багаж понятий, и расстаться с этим гораздо тяжелее, чем с вещами. И вот столкновение ожиданий, старых понятий с реальностью приводит к смешным или грустным, глупым или бесценным, но всегда к неожиданным ситуациям. Их надо просто запомнить, а потом выплеснуть на страницы книги.

Содержание

Шаман	17
Извращенец	65
Смотрины	83
Забастовка	148
Кто Ленского убил?	168
Корпоратив по-американски	186
Задача	234
Справка	286

Григорий Хайт

Америка. Приехали!

О вреде американских улыбок и пользе русской водки

О пользе американских улыбок мы всё хорошо знаем. Ну хотя бы потому, что создают они приятное настроение. Идешь, к примеру, по улице в своем нэйборхуде – добрососедство в переводе, а навстречу тебе мужик или баба. И широко улыбается. Ты хоть и знаешь, что улыбаются-то фальшиво, и до тебя им никакого дела нет. Но всё равно приятно. Гораздо приятней, я вам скажу, чем в родном русском автобусе, где тебя от чистого сердца обложат матом. Или ещё пример. На перекрёстке с четырьмя стопами. Ты подъехал, он подъехал. Кто раньше – непонятно. Посмотрел на водителя, а он тебе улыбается, ручкой машет – проезжай, мол. Ну и ты, соответственно. Улыбнулся в ответ, ручкой помахал. Нет уж! Только после вас. И совершенно невдомёк вам, что улыбается-то он не по доброте душевной, а из осторожности. Потому как совершенно не знает, что случится, ежели он вас не пропустит. Может, у вас там рядышком на пассажирском сиденье револьвер системы наган отдыхает. Может, вы как раз в психиатрическую больницу торопитесь на еженедельные курсы "Энгэр мэнаджмэнт" – укрощение злости в переводе. И так вот, из-за какой-то ерунды, вы на эти самые курсы можете и не доехать. Задержитесь слегка, пока всю обойму не расстреляете. Такие вот мысли. Но всё равно, приятно. Разъехались. Он по своим делам, а вы на свои Энгэр мэнаджмэнт классы. Или ещё куда. Хорошо, приятно. Тут, знаете ли, даже дело до того дошло, что какой-нибудь деятель, устроивший "мас шутинг" – стрельба куда попало в переводе

– тоже сначала подойдёт, улыбнётся, поинтересуется: "Хау ар ю" ("как дела?" – то бишь). И лишь после этого стрельнёт. Воспитание такое – доброе и правильное. Не портить человеку настроение. В школе этому учат.

Ну а, собственно, к чему всё это? – вы, вероятно, скажете. – Кто ж спорит-то. Улыбка – вещь приятная.

И опять-таки вопросом зададитесь: рассказ вроде о вреде улыбок, а тут всё о пользе да о пользе.

Ладно, поясню, в чём же вред. А вред-то в том, что, выкинув из обихода мимику и заменив её на все случаи жизни дежурной улыбкой, мы как бы отрезали возможность передать и пояснить свои истинные чувства. Собеседником оказывается некто, типа Джокера с вечно наклеенной улыбкой из боевика «Бэтмен». И результаты сего часто бывают не совсем лицеприятные.

Ну вот, к примеру, история, приключившаяся с одним моим приятелем. Повезло ему как-то. Получил работу в какой-то огромной американской корпорации. Проработал там честно лет пять. И даже продвинулся по службе. Получил должность микро-менеджера и человека три подчинённых. Ну, личное общение в американских корпорациях сами знаете какое. По утру радостная улыбочка и вам уже известная фразочка из трёх слов "Хау ар ю". Впрочем, моего приятеля сие вполне устраивало. Говорить по душам с негром, китайцем и жирной тёткой неопределенного возраста у него особого желания не было. А потом вот случилось, что в его груп-

пу перевели весьма симпатичную молодую особу. Так сказать, в подкрепление на какой-то важный проект. Ну, проект проектом. Что с ним делается. Но тут другое. Стало вдруг казаться моему приятелю, что этой вот молодой особе он как-то понравился. То есть улыбалась она ему по утрам как-то сердечней, чем остальные. А хорошо известную фразу "Хау ар ю" произносила с каким-то любовным трепетом. Так что как-то раз, взглянув на себя в огромное зеркало в огромном туалете той самой огромной американской корпорации, он увидел там – умного, красивого, в меру упитанного мужчину в самом расцвете лет. После чего мой приятель решил, что, по всей видимости, эта вот новенькая симпатичная девушка, присланная на усиление его группы, бесконечно влюблена в него, и решил при первом удобном случае как-нибудь всё это прояснить. Так что как-то раз пригласил он эту вот новую сотрудницу в ресторан на ланч – обед в переводе. В больших корпорациях очень даже поощряется ходить с подчинёнными на обед в ресторан, дабы выслушивать их скромные пожелания и далеко не отрываться от коллектива. Короче говоря, где-то в перерыве между стэйком и пирожным, он изложил своё мнение по поводу перевода их производственных отношений в отношения менее производственные. На что она ему, как обычно, широко улыбнулась и произнесла громко с любовным трепетом "Оф корс", что в переводе означает "непременно". Впоследствии мой приятель мне жаловался, что ничего особенного он ей не ска-

зал. Но проблема-то состоит в том, что "ничего особенного" имеет разное значение в Америке, а также в России и Занзибаре. Короче, вы уже догадались, что когда на следующий день, счастливый и окрылённый, мой приятель явился на работу, то его уж там поджидали миниатюрная китайка из персонального департамента, а также здоровенный, двухметровый негр из секьюрити, напоминающий двухстворчатый шкаф. Его всегда присылают в случаях, когда кого-то увольняют. Впрочем, не для того, чтобы он как-то обижал работника, а для того чтобы за ним миниатюрной китайке было удобно прятаться на случай, если очередной неудачник окажется сильно строптивым и крикливым. Впрочем, приятель мой не был ни строптивым, ни крикливым. Кроме того, он находился в состоянии шока. Так что он безропотно отдал свой бадж – пропуск в переводе. И последовал в сопровождении миниатюрной китайки и двухстворчатого негра к выходу. Даже толстый жёлтый конверт с инструкциями для безработных, который полагается в таких случаях, он не получил. По дороге миниатюрная китайка всё сокрушалась, что не успела этот самый конверт приготовить, потому как получилось вроде как эмэрдженси – дело срочное. Увольнять, то есть, как красиво выражаются американцы, – "позволять уйти", – пришлось вне очереди. Впрочем, на выходе из корпорации, китайка опять-таки ласково улыбнулась, пожелала успехов и пообещала выслать конверт по почте, причём самой большой скоростью.

Лишь неделю спустя, придя в себя после шока и наведя кой-какие справки, приятель мой сообразил насчёт своей новой сотрудницы. Дело в том, что прибыла она из соседнего штата, где по статистике улыбка на 30% шире, утреннее «Хау ар ю» произносят на 20 децибел громче и на 10% трепетней. Он же, к сожалению, принял всё за чистую монету.

Ну вот, собственно, так вот быстро и неожиданно завершилась карьера моего приятеля в той самой американской корпорации. Впрочем, как говорят, нет худа без добра. Приятель мой впоследствии говорил, что чувствовал себя там, как в тупике. Ибо при той скорости, с какой он продвигался по службе, ему следовало проработать там лет 500, чтобы достичь какого-то приличного места. И кроме того, не свет же клином сошёлся на этой сверкающей стеклом и бетоном корпорации. Две недели спустя он устроился на работу в одну компанию, размерами хоть раз в 100 поменьше, но зато с работой раз в 100 поинтересней, с перспективой и с нравами не такими крутыми, как в той самой, как он выражался "факин корпорэйшн". Надеюсь, понятно без перевода. Работал мой приятель на новом месте с рвением, удовольствием, хотя, впрочем, урок, поданный ему в большой корпорации насчет «Хау ар ю», он запомнил надолго. Зарубил себе на носу – как говорится.

И ещё. Сотрудница там одна в новой компании работала. Итальяночка симпатичная. Недалеко, за соседним столом сидела. Итальяночка ему время от времени, можно ска-

зять, ежедневно глазки строит и произносит с любовным трепетом: «Хау ар ю». Итальяночка эта моему приятелю тоже очень нравилась. Но он обжётся однажды. И посему говорит в ответ вежливым спокойным голосом: «Вэри гуд». И таким же безынициативным тоном обратно: «Хау ар ю».

Ну, собственно, такие вот отношения. И продолжались они так примерно с полгода. Я, кстати, забыл вам сказать, что приятель мой к нам на работу в июле устроился. А это важно. Потому что спустя 6 месяцев после июля наступает Новый год. И Новый год этот решило руководство нашей компании весело отпраздновать. Сняли конференц-зал в армянской церкви. Это чтоб подешевле и подальше от полиции, на тот случай, если народ в нашей компании сильно разгуляется. Я тут вам не упомянул, что в нашей компании половина русских работала, причём не так уж давно прибывших. Так что было, о чём беспокоиться. Ну и кроме того, кто-то из наших русских активистов предложил порадовать наших американских и прочих коллег каким-нибудь русским сюрпризом. Так сказать, осуществить смычку между городом и деревней. Даже круче бери – смычку между континентами.

Дальше – всё, как обычно. Перед празднеством потолкались с бокалами шампанского в руках. Потом, опять-таки как водится, президенты с учредителями нашей компании выступили. Речь толкнули про успехи, да перспективы. Похлопали им слегка. Ну, а после – официальные речи закончили и говорят:

– Просим всех в обеденный зал откусать тем, что лучший в нашем районе ресторан нам послал.

Переходим мы в обеденный зал, и там, значит, становится народу несколько кисло. Потому что тот самый лучший в нашем районе ресторан послал нам два вида салатов и куриные ножки с крылышками. Не густо, прямо-таки скажем. Но тот наш русский активист, который наш сюрприз организовывал кричит:

– Минуточку внимания! – И дальше на хорошо ломанном английском языке поясняет: – Мы тут вам приготовили маленький сюрприз!

Туш! Та-ра-рам-там-там. И вкатывает в обеденную залу столик. Сдёргивает с сюрприза покрывало. И предстаёт там на столе такой нехилый поросёнок, весом так килограммов в 100. Всё, как положено. Ушки торчком, улыбается всем своим свинским рылом, а во рту наливное яблочко. Дальше аплодисменты.

Русские кричат: «Ура!» Американцы кричат: «Харрэй!» Это тоже "ура" по-ихнему, и было уже бросаются с пластиковыми ножичками наперевес к поросёнку. Но тут слышим мы вдруг визгливый голос одной нашей американской "бич". Бич – это сучка в переводе.

– Всем стоять! К свинье не приближаться! Это ещё что такое? Издевательство над животными! Над чувствами вегетарианцев! – И прочее, прочее, прочее ...

Тут же вокруг неё образуется группа активистов и с кри-

ками направляется к нашему руководству с петицией. Сви-
нью убрать или праздник прекратить. Руководство, конечно,
перепугалось. Кому ж охота с этими ненормальными свя-
зываться. Но тут другая инициативная группа образовалась,
уже с русской стороны, – в защиту поросёнка. Слава богу
уж по 100 граммов выпили, закусить хочется, а эта сучка со
своими прихлебателями не даёт. Но так вот просто сказать
в Америке нельзя. Надо подвести политическую базу. Тут,
значит, один американский студент "ло скул" (место такое,
где будущих адвокатов-лойеров готовят) идею подал. Поро-
сёнок – это вовсе не жратва, а русская национальная тради-
ция. И посему – имеем право. Ну, а кому ж охота связывать-
ся с нацменьшинствами и нацтрадициями. Короче, наше ру-
ководство – туда-сюда, сюда-туда. Мечется между Сциллой и
Харибдой. А потом дипломатично постановляет – поросён-
ка в угол отодвинуть и шторкой загородить. Так что теперь и
овцы целы, и волки сыты. Это я так фигурально говорю, по-
тому что салатиками не сильно-то насытишься. Вот если вы
не религиозный еврей и не мусульманин, то на вопрос: «Что
лучше? Шмат свинины с листиком салатика, или листик са-
латика без свинины?» – ответите однозначно. Потому народ
в основном потянулся в уголок за свиньёй. К тому же, туда
заодно укатали и всю выпивку. У корыта же с салатом оста-
лась лишь та самая крикливая американская сучка и пароч-
ка её вегетарианских прихлебателей. Но сучка эта больше
не кричит и не воеет. Руководство наше тут же воспряло ду-

хом. Как хорошо производственный конфликт разрешился. И объявляют: «Спасибо нашему вице-президенту, который организовал такой замечательный праздник. А теперь музыка и танцы».

Вскоре выяснилось, что за сюрприз нам приготовил американский вице-президент, которому мы по гроб жизни должны быть благодарны. На сцену взбирается какой-то мужик с волынкой и скотском наряде. "Скотский" – это я так, для каламбура сказал. Потому что шотландец по-английски – это "скот". Ну, а что такое волынка, вы и сами знаете.

Короче, этот самый мужик в своей скотской клетчатой юбке начинает дуть в свою волынку, издавая самые что ни есть непотребные звуки. Тут даже сами американцы возмутились. Сколько ж можно. Одну песенку, если это вообще песней назвать можно продудел, пора и честь знать. Так нет. Этот скот только разошёлся. Короче, русские опять взбунтовались. Тем более, что опыт политической борьбы уже есть. Опять к руководству с петицией. Национальные традиции ущемляют! У нас как принято – выпил, закусил, поплясал, подрался. А этот вот – "ни то ни сё", мужик в юбке... Волынит и волынит. Начальство возражать не смеет.

– А, – говорит, – делайте, что хотите!

На счастье наше. Это я уж без иронии говорю. Праздновали мы наш Новый год за неделю до Нового года настоящего. Как водится, из экономии. Поэтому наш русский активист обзвонил наших русских музыкантов и нашёл свободного на

этот вечер одного классного мужичка. Миша Ягодин. "Человек-оркестр" – как он себя в объявлениях называет. А Мише вот собраться – только подпоясаться. Да и он совсем рядышком живёт. Десять минут езды. Короче, прибыл через четверть часа Миша. Волынщика того уж со сцены прогнали. Место для Мишиных инструментов освободили. Ну, Миша все свои инструменты разложил. Пианино электрическое подключил и грянул. Там весь наш известный русско-еврейский ресторанный репертуар. "Конфетки-бараночки" вперемешку с "семь-сорок" и "очи чёрные". И много чего ещё.

Кое-кому из наших американцев всё это не понравилось, но другим праздник пришёлся по вкусу. Ну не все же они там идиоты. Половина-то американцев вполне нормальные. Прыгали, плясали, веселились. Только без мордобоя. Это у них – "ни-ни". Ну, а самое главное-то оказалось, что среди этой половины нормальных американцев оказалась и наша симпатичная итальяночка. Приятель мой к этому моменту уж выпил бутылку водки, свои хау-ар-юшные страхи подрастерял и начал всерьёз ухлёстывать за итальяночкой. То по попке невзначай погладит, то в шейку поцелует. А итальяночка-то сама покраснелась. Временами делает вид, что негодует. Но на самом деле всё это ей нравится.

А потом куранты пробили полночь. В смысле не куранты, а местный охранник-секьюрити вышел и говорит – пора, мол, сворачиваться. Валите отсюда. Ну, в общем, с грехом пополам всё свернули. А приятель-то мой не то что ехать,

идти почти не может. Ну, тут итальяночка ему и говорит. А может, даже и не говорит, просто поясняет: поехали, мол, я тебя до дому доведу. Ну и довезла. Правда, к себе домой. Дальше у них там дома произошёл так называемый сексуал асолт – атака сексуальная в переводе. Впрочем, не знаю, кто напал на кого. Итальянки же, они такие – бесшабашные. Так что будем считать, что сексуал асолт там был взаимным. Ну и приятель мой в результате в доме этой вот симпатичной итальяночки слегка задержался. Лет на 15.

Так что всё у них теперь хорошо. Любят друг друга. Рукаются временами. Ну, в семье не без этого. Тем более итальянки – вы же знаете, какие... Не знаете? Так по фильмам представьте. Огнемётные, зажигательные, скандальные. Временами во время ссор она его свиньёй называет. Ничего личного. Просто как воспоминания о том самом весёлом Новом Годе. Ну, а он её, соответственно, называет шлюхой. Тоже ничего личного. По тем же воспоминаниям.

Потом они мирятся. И она его тогда любовно называет "май литл пиг". Это такое вот сочетание, уменьшительно-ласкательное от свиньи. Он же называет её "Хани". Это тоже уменьшительно-ласкательное от шлюхи. Но ссорятся и мирятся они редко и на редкость спокойно. Без мордобоя, не дай бог. И даже не повышая голоса. Всё-таки дочь за стенкой. Воспитывать надо, а не травмировать своё чадо. Тем более в самом что ни на есть переломном 13-летнем возрасте. Впрочем, дочке на все эти родительские разборки наплевать. Она

всё равно их не слышит и не видит. На ушах – наушники, а пальчики на телефоне. "Текстает" – как тут говорят, с социальной сферой общается.

Приятель мой изредка жалуется. Ну как же это можно! 10 тысяч текстов в месяц. Я успокаиваю. А он опять: «Русский язык знать не желает! Последний раз по-русски говорила лет десять назад. На дне рождения поставили её на стол, и она декламировала: "Тише, Танечка, не плачь. Не утонет в речке мяч." А потом всё. Ни слова, ни звука. Я к ней обращаюсь, а она делает вид, что не понимает. Только для бабушки исключение делает. А с текстами, текстами-то что делать? Едем в машине куда-нибудь на природу. Я ей: «Прекрати текстать. Давай поговорим о чём-нибудь. Как у тебя дела в школе?» Молчок. Вся в телефоне. Бип да бип. Текст туда, текст сюда. Я из себя тогда выхожу и кричу: «Спрячь телефон немедленно, иначе я его в окно выброшу». Ну, она прячет телефон в карман. Так представляешь, какие способности. Она в кармане, вслепую, одной рукой текстать продолжает. Я так через минуточку отойду от злости. Приду в себя и говорю жене: «Способная всё-таки у нас дочка. Пальчики уникальные. Наверное, нейрохирургом будет!» А жена отвечает: «Если так и дальше будет в школе учиться, то станет она шлюхой!» А я ей отвечаю: «Такой же, как её мама!»

И мы все смеёмся. А потом задумается мой приятель на секундочку и скажет: «И всё-таки счастливая у нас семья».

Шаман

Интересная всё же вещь – память. Какие-то, казалось бы, незначительные эпизоды оказываются словно гвоздями,

прибитыми в мозгу. Другие же, наоборот, важные вехи жизни вдруг оказываются словно водой с мылом и хлоркой, вымытыми из головы. Сколько раз приходилось слушать задушевные, словно звуки электрической пилы, речи жён моих приятелей.

"И ты не помнишь, в каком платье я была на свадьбе? В белом ... Не выкручивайся. Все знают, что невесты в белом. И за такого неблагодарного, чёрствого человека я вышла замуж. Подарила ему лучшие годы своей юности". Ну и так далее.

Не буду кривить душой. И за мной тоже водятся грехи по забыванию великих дат. На следующий день после свадьбы я забыл про день рождения своей тёщи, а заодно и тестя, и вообще всех родственников на свете. Зато вечно я помню, по определению моей жены, всякую никому не нужную ерунду.

Так вот недавно я у неё спросил: "А ты помнишь историю с шаманом?"

Она так нахмурила лобик и сказала: "Да, вот что-то припоминаю. Что-то в шубе".

И тут же взяла реванш: "Поезжай-ка лучше в магазин. Не забудь купить то и это, это и то. И ещё десять ингредиентов для особой греческой диеты. И ещё лучше запиши, потому что память у тебя дырявая, а без какой-то чёртовой травинки уже диета не диета, весь эффект пропадает".

Потом я ещё у всяких своих знакомых поспрашивал, не помнят ли они этого шамана. Не помнят. Вообще ничего не

помнят. Или, в лучшем случае, рыжую лисью шубу. Ну и захотелось мне тем, кто шамана этого видел да забыл, кой-чего напомнить. А тем, кто на том замечательном представлении не присутствовал, просто рассказать, мемуарами поделиться. Как говорится, чем богаты – тем и рады.

На дружескую встречу, сеанс-лечение с шаманом-экстрасенсом (это так называлось представление) с билетами по двадцать долларов мы явились втроём: я, жена и тёща. Потом тёща кивала на жену. Говорила, что это она всё затеяла. Жена кивала на тещу, говорила, что мама её уговорила. Я не кивал ни на кого, потому что меня туда просто притащили, поставили перед фактом, припёрли к стенке билетом тёщиной подруги, которая то ли заболела, то ли передумала.

Пришли мы вовремя, даже заранее, потому что на шамана-целителя опаздывать нельзя – всё равно, что провести неполный курс лечения от какой-то заразы. Этот сеанс с шаманом должен был состояться в Масоник аудиториум, это который как раз напротив величественного "Grace Cathedral". Для тех, кто живёт или бывал проездом в Сан-Франциско, это как раз о многом говорит. Для тех, кто не бывал и не в курсе, я быстренько поясню, что Масоник аудиториум – это такое вот сооружение для всяческих мероприятий, концертов и прочее. Тысяч на пять посадочных мест. Наверное, слегка побольше Большого Театра, хотя намного поаскетичней. Ничего не поделаешь. Закон гнивающего капитализма. Аудиториумы должны деньги зарабатывать, а

не тратить их на настенные росписи и десятитонные люстры.

Сама история с Масоник аудиториум заслуживает отдельного рассказа, и я слегка отвлекусь на это, потому что отдельный рассказ про какое-то серое здание я писать не стану, а к сумасшествию, которое там потом произошло, это имеет самое прямое отношение.

"Открыли" этот аудиториум русско-еврейские эмигранты совсем недавно. Славное всё же слово – "открыли". Это всё равно, что гулял 20 лет какой-то парижанин по Елисейским полям, заглядывал в парк на берегу Сены и вечно натыкался на какие-то здоровенные, толстенные железяки, торчащие из-под земли. Ну вот, он гулял, гулял. А потом как-то раз поднял глаза и сказал самому себе: "Баа.. Это ж надо. Так это ж Эйфелева башня." Ну вот то же самое с Grace Cathedral и Масоник аудиториум. Про супермаркет Калафуд, который там рядышком, знают все. А про всё остальное только догадываются. И то, только потому, что едешь вот, например, в Калафуд на сэйл [распродажа], а тут тысяча машин дорожку перегородила. Ну вот злишься и догадываешься, что вот какое-то там американское дурачье на какой-то концерт поехало. Дурачье – это потому, что на сэйл они не ходят, а две сотни долларов за какой-то там концерт берут и выкидывают. Русские эмигранты, конечно же, умнее американцев. Во-первых, потому что сэйлов не пропускают, а на концерты там и прочее, для удовлетворения своих растущих культурных потребностей ходят в совсем другое место, где всё в десять

раз дешевле. Место это среди приезжих эмигрантов известное, и называется оно Рузвельт мидл скул. У некоторых эмигрантов там дети учатся. Но учатся они с утра, а по вечерам, по субботам, раза два в месяц, а то и чаще, идут концерты, лекции, встречи с интересными людьми. Естественно, с нашими русскими, бывше-советскими. А с кем ещё? Не с китайскими же или, упаси боже, американскими. Я тоже бывал там частенько. И вдвоём с женой, и с тётшей, и с семьёй, и с друзьями. И пересмотрели мы там столько артистов и людей интересных, что никогда, ни в каком Советском Союзе даже и не снилось. Бывало так в Союзе, в наш маленький, миллионный, захолустный уральский городок приезжает Алла Пугачёва или Леонтьев, или ещё кто. Так там криков и визгов на всю уральскую область. Билеты достаём по блату. По блату – это потому что билеты в кассах никогда не продавали во избежание давки и людских потерь. Распространялись они исключительно по особым каналам. Партийно-комсомольским, или через магазин «Гастроном». У работников гастрономов почему-то всегда водились билеты, причём на всё.

Ну вот, на концерт идём как на праздник, а потом ещё полгода обсуждаем великое событие. Ну и как часто заезжали к нам наши советские звёзды? Достаточно редко. Раз-другой в год какая-нибудь советская звезда, часто весьма подозрительной величины, посетит нас. А здесь, в нашем любимом Сан-Франциско. Советские звёзды точно с цепи сорвались.

Все норовят заехать в наш любимый городок на берегу Тихого океана. И дело не только в том, что каждой звезде, особенно восходящей, хочется вписать в свой послужной список тур по всем известнейшим городам Америки, но и то, что платят тут зелёными, а не деревянными. По такому случаю можно отплясать, отпеть, отшаманить где угодно, даже на потёртых подмостках Рузвельт мидл скул.

Нам хорошо – задёшево удовлетворили свои культурные потребности. Им хорошо – улучшили своё материальное благосостояние. Прямо сплошной симбиоз, по-научному.

И кто ж только не отметился у нас. Кого только не пропустила через себя изрядно потрёпанная сцена достаточно средней американской школы имени господина Рузвельта. И Леонтьев, и Газманов, и Шуфутинский, и Лолита с её тогдашним мелким мужем. И Иосиф Кобзон заезжал. Успел до того, пока его американские чиновники в бандиты не записали. Целители разные приезжали, само собой. Фамилий не помню, один из них воду энергией заряжал. Всем было велено принести по бутылке воды. Так вот мой бывший лэндлорд [хозяин квартиры] побывал на сеансе. Потом вечерком выпил водичку и исцелился. Так на следующий день он поехал за этим кудесником вдогонку в Лос-Анджелес, прихватив сто галлонов воды на зарядку. Потом мой лэндлорд бизнес купил – дом престарелых и до сих пор поит этой волшебной водичкой постояльцев. За дополнительную плату, конечно. Настоящий бизнесмен. Мне моя жена его всегда в пример

ставит.

Но это я отвлёкся немножко. Короче, история с концертами в Рузвельт мидл скул тянулась достаточно долго и начала потихоньку надоедать и заезжим артистам, и благодарному зрителю. Благодарному зрителю особенно. Это потому, что мы привыкли ходить на концерт почти как на праздник. Одеваться прилично, цеплять на себя драгоценности, в крайнем случае, поддельные. Мазаться лучшими духами. Утирать нос соседям, в переносном смысле, конечно, шикарными платьями из лучших магазинов по сэйлу. А в результате сажают тебя в раскуроченное кресло, на котором ещё местные хулиганы нацарапали известное слово из трёх букв, только по-английски. Некрасиво, нехорошо, не гармонично. По-научному такое вот отсутствие гармонии между духовным и материальным называется диссонанс. Желание ходить в Рузвельт мидл скул поубавилось, что, естественно, сказалось на доходах заезжих звёзд. Короче, вся наша культурная жизнь покатила под гору. И катилась бы она себе вниз и дальше, если бы наши эмигранты не начали потихонечку получать американское гражданство. То есть, если прожил ты в Америке пять лет, ничего плохого не совершил – хорошее здесь никого не волнует, сдал коротенький экзамен про Америку, умеешь отличить "добро пожаловать" от "пошёл вон" и расписаться по-английски, то тебя записывают в американские граждане и отправляют принимать присягу в большой и красивый аудиториум. Вот вы и догадались куда – в тот самый

Масоник аудиториум.

С американской присягой у нас проблем нет. Во-первых, мы привычны. В Советском Союзе присягали на верность всему, чему угодно. На жаре, морозе часами простаивали возле красного знамени. Клялись защищать свою отчизну от всяческих врагов, причём до последней капли крови. А тут так хорошо и приятно. Никто тебя строем не гоняет. Лейтенанты с полковниками на тебя не орут. Автомат на шею не вешают. Про кровь вообще молчок. Обещай, что своим старым бывшим князьям, королям да членам политбюро подчиняться не будешь. Сиди себе в прекрасном зале, в мягком кресле и смотри на сцену. А на сцене за столиками сидит начальство местное. Речи толкают. Ласково улыбаются. Потом пионеры выходят. Скауты называются. Всё, как положено, – с горном и барабаном флаги несут. Американские звёздно-полосатые и калифорнийские с медведем. Ну, а на закуску поясняют, что мы, все без исключения, теперь граждане, и потому китайцы, индийцы, евреи, арабы должны взяться за руки, поздравить друг друга и, положив руку на сердце, спеть американский гимн. Ну, все встают. Кто поёт, кто просто рот открывает. Но главное тут – акустика. Некоторые наши знающие эмигранты уверяли, что в Америке есть аппаратура специальная, которая все звуки и ноты фальшивые подавляет, а правильные звуки, наоборот, усиливает. И вот стоишь ты посреди этой замечательной аудитории, положив руку на сердце, поёшь, как можешь, безо вся-

кого музыкального образования, и ощущаешь себя Шаляпинным или, в крайнем случае, Иосифом Кобзоном.

Естественно, что слухи о таких замечательных возможностях аудитории быстро достигли организаторов наших местных концертов. Ну а дальше, естественно, артистов из бывшего Советского Союза. И захотелось многим попробовать себя на приличной сцене. Ну не всю же жизнь писать статейки, типа «Радостно и весело со сцены Рузвельт мидл скул лилась песня Льва Лещенко "До свиданья, Москва"». Только вот легко сказать – "захотелось". Снять такой вот зал стоит денег и довольно больших. Тысяч тридцать, я думаю. И не рублей, конечно. Короче, много чего на кон надо поставить, выражаясь карточным языком. Тем, кто считает свои денежки, явно не под силу. Боязно. А вдруг пролечу. Ну а тем, кто тратит чужие деньги, папины или мамины, – это раз плюнуть. Так что, как вы правильно догадались, первым, кто оказался на этой замечательной сцене в этом замечательном аудиториуме, был Филипп Киркоров. Взял у мамы, то есть жены Аллы, нужную сумму и ухнул на покупку зала на один вечерок. Бизнесмен, как выяснилось, он был никудышный, явно не мой бывший лэндлорд Сёма, который своих постояльцев из дома престарелых заряженной водой лечит. У организаторов концертов тоже опыта никакого. Тут явно объявлениями на дверях русских колбасных магазинчиков не обойдёшься. Потом ещё загнули они такую несусветную цену в 100 долларов за один билет. Это, видно, последствия звёздной болез-

ни Филиппа. Ну сами подумайте, кто может такие цены осилить? Жена моя работает ассистентом у дантиста на 7 долларов в час. Я на грузовике мотаюсь по мотелям. Из прачечной бельё развожу – 12 долларов. Расходов всяких, сами понимаете, выше крыши. И рэнт, и апартмэнт мебелью обставить, и за лоан плати, и билеты самолётные в долг, и дочку на танцы. Есть, конечно, и здесь богатеи. Врачи да программисты. Или бизнесмены. Например, мой бывший лэндлорд Сёма. Хотя навряд ли. Бизнесмены – они на то и бизнесмены, чтобы лишнюю копейку не выкинуть.

Но билеты мы всё же купили, тогда в синагоге, с 50% скидкой. 100 долларов за два билета получилось. И то чувствительно. Но это мы достали у рэбая по блату, а другие и не думали покупать. Так что за два дня до представления почти все билеты оказались нераспроданными. Тогда Филипп с организаторами начали цены на билеты снижать. Но было уже слишком поздно. Потом бросили клич по городам и весям, что билеты перед входом за двадцатку. Вот тут и начался скандал перед представлением. Прибывшие зрители требуют справедливости – вернуть деньги за дорогие билеты и поменять их на дешёвые. Кончилось тем, что билеты просто швырнули возле входа. Бери, кто хочет, заходи за бесплатно. Молодец, Филипп! Понял, что коли бизнес не получился, что коли пропадать, так с музыкой. А с музыкой – это он умеет. Был тот концерт одним из лучших, который я смотрел в своей жизни. Филипп раскрепостился и, наверное, все

члены его группы тоже. На часы не смотрел. Ног, рук, глотку не жалел. Разливался соловьём, ну и члены группы тоже под стать. Видимо, Филипп решил, что коли это его последний концерт в жизни (жена-мама по приезду точно убьёт), то пусть запомнят его в лучшем виде. Так и разошлись после концерта. Кто-то жалел глупого Филиппа, кто-то наоборот злорадствовал по поводу Филиппа-дурачка.

Но правда оказалась в том, что Филипп-то первым протоптал дорожку в этот замечательный аудиториум. А потом уж все остальные туда ринулись – вторым эшелонем. Тут уж и организаторы сообразили, как себя вести, как рекламу давать, какие цены назначать. Зрители тоже сообразили, что 100 долларов можно изредка выкинуть за удовольствие никогда больше не видеть эту обгаженную Рузвельт мидл скул. Ну и артистам, у которых воспоминания о Рузвельт мидл скул вызывали непроходимую икоту, тоже приятно было выйти на сцену приличного зала. Кстати, потом жена-мама Филиппа – Алла – тоже заезжала. По стопам своего непутёвого мужа.

Тут я, видно, сильно отвлёкся насчёт аудиториума. Но кажется мне, что не зря, потому как вы теперь понимаете, почему шаман наш оказался не на учебной скамье в Рузвельт мидл скул, а на сцене Масоник аудиториум. Почему зал на 5 тысяч человек был практически полон. Почему женщины надели свои лучшие платья и фальшивые драгоценности. Ну, а почему дамы сполоснулись двойной порцией француз-

ских духов, вы и сами догадались. Это для дезинфекции и создания арома – ауры, потому что мы, эмигранты, люди начитанные и знаем, что шаманам полагается мыться не больше двух раз в жизни. Дальше, как водится, минут пятнадцать по фойе побродили, платья драгоценности продемонстрировали, знакомых повстречали, новостями местными эмигрантскими невероятными поделились и расселись по местам, указанным в билетах. Сидим, ждём. Минут через пятнадцать, прямо рекорд точности, из-за кулис появляется какая-то дама. Дальше, как обычно, навешивает комплиментов нашему замечательному городу Сан-Франциско, а также нам, зрителям, лично и переходит к делу. То есть берёт быка за рога.

“Шамана, – говорит, – пока на сцене нет. Он потом появится, тихонько войдёт. Но вы, пожалуйста, не аплодируйте, не отвлекайте его, не мешайте сосредоточиться. Он с залом будет знакомиться, в транс впадать, искать места сосредоточения живой хорошей энергии и закоулки, где тёмная энергия прячется. А пока, – продолжает, – я познакомлю вас с товарищем шаманом заочно. Биографию его поведаю, вехи жизни и так далее”.

Ну рассказала она нам о жизни этого алтайского племени со времён царя Гороха. Про революцию нашу Великую Октябрьскую упомянула. Как явились революционные солдаты и матросы открывать забитому народу глаза и освободить его от нетрудового элемента, то бишь местных лекарей – шаманов. И о том, как увели и, видимо, расстреляли пра-

дедушку нашего шамана. Охотно в это верю. И о том, как родился необычных сил и способностей мальчик, то бишь этот вот самый шаман, которого нам вскорости предстоит лицезреть. Рассказала нам также, что шаман наш не только шаман, богом помазанный, но также, что шаман он учёный. Ездил в Китай и Непал. Знакомился с секретами тамошних монахов. Потом путешествовал по чёрной жаркой Африке. Заезжал во все африканские племена, оттачивал своё шаманское мастерство. Не забыла упомянуть, что шаманской силой его пользовались все члены нашего политбюро. И в это тоже легко верится. Выжившие из ума и дрожащие за своё бесценное здоровье коммунистические вожди втихую выкидывали что угодно. Пока женщина эта – доверенное лицо шамана – нам всё это излагала, действительно из-за кулис тихонько вышел шаман. Всё, как полагается, – в шубе до пят, с посохом, но без шапки. Стал скромненько в уголке. Под нос себе что-то бормочет, руками помахивает. Я так понимаю, это у него что-то типа разминки перед представлением. Ну мы на него как бы внимания не обращаем. Просили ж не отвлекать. Потом шаман начал причитать погромче. Женщина-ведущая, наконец, обратила внимание на шамана и говорит нам: шаман, мол, говорит на небесном языке, а я, как лицо доверенное, буду язык этот на земной, человеческий, вам доступный переводить. Так сказать, осуществлять связь между шаманом и вами – существами бренными, земными. Шаман после этого вышел на середину сцены и на-

чал уже громко вопить что-то и махать в сторону зрителей руками. Ну а женщина эта, не совсем в такт, но переводит задушевым голосом. «Чувствуете, – говорит, – как в животе появляется жар. Как тепло разливается по рукам и ногам, как глаза застилает серый туман». За точность слов не ручаюсь, но что-то в этом духе. Смотрю по сторонам. Люди в соседних креслах и в зале зашевелились, руками животы трогают, в креслах ёрзают. Жена меня тоже в бок толкает. «Чувствуешь, – спрашивает, – тепло?» Я говорю, что ни фи-га я не чувствую, поскольку, во-первых, по её определению, я человек бесчувственный, во-вторых, я во всё это не верю, а в-третьих, меня не могут загипнотизировать даже продавцы подержанных автомобилей, не то что этот неизвестно откуда взявшийся шаман. Но это меня сложно загипнотизировать. А вот жену мою с тётшей, да ещё три четверти зала – шаману это удалось. Это я так сужу по зрителям вокруг, которые животы, ноги, головы радостно потирают. Тётка на сцене приободрилась достигнутым успехом и говорит: ну что, убедились, мол, в силе шамана, Фомки неверующие. То-то, мол, знай наших. Ну а теперь, говорит, мы переходим ко второму номеру нашей программы. Мы открываем наш шаманский магазин. Тут я вспомнил книжку Булгакова "Мастер и Маргарита". Тоже по поводу магазина. Хотел с женой поделиться, но что с неё возьмешь, гипнотизированной.

А тётка со сцены продолжает. «Товары у нас, – говорит, – есть разные и очень полезные для здоровья, потому как

после представления вы по домам разойдётесь, шаманский дух из вас вылетит, здоровье, которое только-только пошло на поправку, вернётся обратно. А с помощью товаров наших сумеете поддержать его в надлежащем виде. Товаров у нас немного, но все необычайно нужные. Значит так. Товар номер один – самый ходовой. Фотография шамана. Недорого, всего десять долларов. Работает очень эффективно – снимает боль». Тут я сообразил, почему в русских газетах объявление про шамана давалось без его фотографии. Это что б русские эмигранты не хаявили и не пользовались вырезками из газеты вместо настоящего шаманского фото. «Второй товар, – продолжает тётка, – это амулет. Камешек, согретый-пригретый нашим шаманом-волшебником. Тоже недорого. Всего-то 50 долларов, но зато работает покруче фотографии. И боль утоляет, и заразу отгоняет, и от сглазу бережёт. Ну а третий товар – самый крутой. Браслет из трёх камушков. Над ним шаман наш особо потрудился. Всё делает, что нужно. И отгоняет, и утоляет, и бережёт, и в дополнение ко всему ещё и лечит. Только для вас, только со скидкой – 100 долларов за браслетик. Дальше, – говорит, – всё просто. Двое наших помощников, то бишь коробейников, пойдут по проходам, чтоб вам полегче было. Ну а вы организованно товары и разбирайте». Действительно, спустились со сцены двое помощников. Один – мужчина относительно средних лет, другая – женщина лет относительно молодых. В руках у каждого по здоровенному баулу, ну и пошли тихонечко по

проходам. Думал я, что номер этот с коробейниками у шамана не пройдёт. Ан нет. Прошёл, да ещё как. Тут я действительно и в массовый гипноз, и в экстрасенсов, и в потусторонние силы поверил. Представляете, наши эмигранты, у которых двух копеек в базарный день не вытянешь, как ненормальные бросаются к этим мошенникам. Орут, толкаются. Ну, точно очередь у нашего советского ГУМа за импортными сапогами. Швыряют десятки, двадцатки, сотни долларов, хватают бумажки-фотографии, камешки на ниточках и возвращаются, счастливые, на свои места. Соседям ещё это барахло показывают, точно браслеты с бриллиантами. Смотрю, жена моя тоже встала и бочком, бочком к коробейникам.

"Куда?" – говорю.

"Да вот, – скромненько отвечает, – пойду посмотрю, что там делается".

Я спорить, скандалить не стал. "На меня только ничего не покупай – прошу».

Она даже ничего и не ответила. Юркнула в толпу. Потом минут через пять возвращается, счастливая.

"За сто долларов, – говорит, – взяла браслетик и две фотографии. Для себя и для мамы. Целых двадцать долларов сэкономила".

Ругаться я опять не стал. Ну чего с неё возьмёшь, гипнотизированной.

А в это время тётка на сцене стала пояснять, как всем этим шаманским барахлом пользоваться. Вещи серьёзные, слож-

ные – почти что компьютер. И ко всему опасные, поскольку заряжены особой энергией. Так ведь и навредить можно. Точно инструктаж по технике безопасности.

Достаёт тётка фотографию шамана и начинает пояснять. Если, к примеру, болит голова, то прикладываемой стороной фотографии к голове. Если болит нога, то прикладываемой к ноге. Если болит рука ... Вы правильно догадались – прикладываемой к руке. Но оставлять на ночь нельзя, поскольку боль должна быть контролируемой.

Потом перешла к амулетам с браслетами. Несёт всякую дребедень по поводу, когда надо браслеты носить, когда снимать, чтобы энергию свою они попусту не расходовали. Самое смешное, что эмигранты наши, зрители, которых вроде бы на мякине не проведёшь, сидят и эту чушь собачью записывают, а потом ещё и вопросы задают, в основном, конечно, экономического характера.

"Скажите, пожалуйста, – кто-то с места интересуется, – а можно купить один амулет на семью и носить по очереди? А то как бы дороговато".

Но у тётки нашей на этот счёт ответ уже давно заготовлен.

"Ни в коем случае! – говорит. – Амулет, он как живой, настраивается на определённый организм, ритм биологический. Передавать друг другу нельзя, а то не польза будет, а сплошной вред. Сами выбирайте, что важнее здоровье или 50 долларов".

Ну тут я тоже вопрос задал, как раньше писали в моих

комсомольских характеристиках, из хулиганских побуждений.

"А если у меня, – говорю, – геморрой. Куда фотографию прикладывать?"

Вокруг люди зашушукались, зашевелились, точно обиделись. Жена в бок толкает – веди, мол, себя прилично. Но тётка на сцене ушлая, тут же нашлась. И не в таких переделках бывала. Интеллигентно, культурно отвечает: "Если боль в труднодоступных местах, то прикладывать надо к животу, к пупу". Там, мол, начало жизни. Потом сообразила, что с инструкциями по пользованию надо завязывать. Торговля шаманскими товарами идёт хорошо, бойко, с огоньком. Так что можно двигаться дальше.

"А теперь – внимание! – завопила тетка. – Мы теперь переходим к следующему пункту нашей программы. Единственное в мире, массовое шаманское излечение народа! Нужно, – говорит, – двенадцать волонтеров, добровольцев то бишь, в меру больных, но и в меру здоровых, чтоб могли на сцену эту без носилок подняться. Просим, просим – не стесняйтесь".

Поначалу люди особо на сцену не рвались. Мало ли что будет. Может, танец шаманский заставят плясать. Срамно будет, неудобно перед знакомыми. Так что тётка с трудом с десяток добровольцев из зала наковыряла. Чуть ли не силком, не под руки тащила на сцену. В конце концов ей самой это надоело и говорит она в сердцах: "Ещё два местечка пока

есть, хотя, впрочем, как знаете. Вижу кучу людей, которые там ходить, говорить не могут. Был шанс у вас исцелиться за бесплатно, да все профукали".

Зря она это сказала, не подумавши, потому как такое тут началось....

Вы случайно не смотрели ещё в Советском Союзе старую-престарую кинокомедию "Праздник Святого Йоргена"? Фильм до того древний, что он ещё не просто чёрно-белый, он к тому же немой. Все, конечно, забыли, а я помню. Это потому что я уже говорил, что голова у меня дырявая. Что нужно купить в магазине забываю, а что не нужно – помню. Но всё-таки позвольте мне своей дырявой памятью поделиться.

Речь в фильме о том, что в каком-то заграничном городке, в какой-то малообразованной стране, типа Италии, есть церковь – храм, в котором ежегодно справляют день покровителя этого городка и окрестностей Святого Йоргена. Съезжаются, сходятся к этому дню к этому храму толпы людей, верующих во всякие предрассудки. И богатые, и бедные, и молодые, и старые, и больные и здоровые, и калеки, и бог ещё знает кто. Как водится, в преддверии праздника идёт так называемый сэйл. Продаётся всё духовно-церковное. И водичка святая в пузырьках, и свечи, и статуэтки, и, естественно, самый ходовой товар – печатные картинки святого. Ну всё, прямо как у нас. Деньги, как водится, льются рекой. Гребут вёдрами – в прямом смысле. Вёдра, полные денег, та-

шат внутрь церкви. На это празднество являются двое воришек, чтобы ночью грабануть церковь – кой-чем поживиться. Ну вот ночью, прямо перед праздником, один из них забирается в церковь, а другой остаётся на "шухере". Так уж получается, что главный воришка оказывается запертым, а подельник его остаётся снаружи, притворившись инвалидом, дабы смешаться с толпой калек и юродивых. На следующее утро начинается сам праздник. Приводят невесту для Святого Йоргена. Главный поп начинает кричать: "Йорген, дорогой, слышишь ли ты нас, спустись к нам, благослови нас грешных..." – и так далее. По привычному сценарию, поп должен покричать, помолиться. Потом сообщить собравшемуся народу, что у Йоргена неотложные дела в раю, спуститься на грешную землю ну никак не может, но на следующий год он непременно явится. Так что, дорогие граждане, тут собравшиеся, ждём всех на будущий год в тот же день, в то же время, в том же составе.

Ну а что получилось? После первых криков: "Йорген, дорогой, слышишь ли ты нас..", – воришка этот начал отзывать.

"Слышу, слышу!"

На призыв спуститься, он действительно спустился и предстал перед толпой. Естественно, все присутствующие обалдели от такого. Особенно граждане священнослужители, поскольку на самом деле они-то и есть самые большие атеисты и точно знают, что такого быть НЕ может. Но про-

стые-то люди не знают и верят. И вот толпа нищих, калек, юродивых, бухнувшись на колени, поползла к воришке с криками: "Чуда, Чуда!"

Утомлять вас больше не буду, скажу лишь, что воришка номер два, затесавшийся в толпу калек, сыграл роль исцелившегося. Кое-как вполз на помост. Похромал, поковылял, походил. Потом вообще сломал костыли о колено и в довершение всему исполнил матросский танец.

И вот, нежданно-негаданно тот самый эпизод, когда толпа калек с криками "Чуда, чуда!" ползет к Святому Йоргену, в точности материализовался в нашей Масоник аудитории. Услышав слова шаманьей помощницы о двух оставшихся местах, ощутив ускользящую возможность исцелиться, несчастные старики, разбитые параличами и инсультами, хромые и косые, на вокерах и костылях, снялись с мест и двинулись, поползли в сторону шамана. Последней своей надежде. Тётка уж и сама перепугалась. Пара словечек, брошенных в виде шутки, теперь уже оборачивались нешуточными последствиями. Тётка уже обалдело смотрела на эту движущуюся массу и визжала как ненормальная.

"Назад! Только два места свободных. Завтра приходите. Всех примем в порядке очереди".

Толпа медленно и страшно приближалась к ступеням, соединяющим зрительный зал со сценой. Впрочем, тётка тоже была "не лыком шита." Она метнулась к ступеням и заняла оборону, сталкивая в сторону несчастных калек, посмевавшихся

ступить на ступени. Всё, что происходило, теперь уже напоминало не комедию "Праздник Святого Йоргена", а трагедию, исторический эпизод "Взятие Киев-града татарскими полчищами".

Тётка истерически звала подмогу: "Василий, Марианна. Сюда!"

Василий и Марианна – шаманские коробейники – ничего не слышат. В кои веки такое счастье подвалило. Кругом толкаются, беснуются ненормальные эмигранты. Швыряют доллары, десятки, сотни. Буквально друг у друга вырывают кармешки и карточки. Тут не только тётку-начальницу не услышишь, на бомбу многотонную внимание не обратишь.

Один вход тётка кое-как отстояла, но в пылу боя она позабыла о втором входе на сцену, по которому уже взобралась пара старушек. Теперь тётка воевала на два фронта. Сбросив инвалидов со ступеней одного входа на сцену, она бросалась к другому, где проделывала то же самое. Наконец, по дороге она сообразила, что делать. На бегу, ухватив микрофон, она заорала со всей мочи: "Василий, Марианна, сюда, на помощь. Кончай лохов разводить!"

Я так даже и не обиделся. Может, другим это и не понравилось. А я лично считаю, что она правду сказала. Ну, может, не вполне вежливо. Ну что поделаешь, кто как умеет.

Василий с Марианной наконец-то призывы начальницы услышали. Ухватили свои баулы, теперь уже набитые деньгами, и рванули по проходам обратно – спасти тётку-началь-

ницу. Тётка в это время воевала с каким-то дедулей. Дедушка поступил умней прочих инвалидов. Доковыляв до входа, он отбросил свой вокер в сторону и пополз по-пластунски вверх по ступеням. Наверняка бывший фронтовик. Знает, как цепляться за каждую пядь земли. А тётка поделаться ничего не может, потому как человека ползущего сбросить вниз в сто раз тяжелее, чем человека идущего.

Тётка столкнуть его не может, только орёт благим матом: "Гражданин, вы куда? У вас же органические изменения. Шаман вам не поможет. Вам уже ничего не поможет!" Тут, наконец, и Василий с Марианной – опричники шаманские – подоспели. Перекрыли два входа. Отогнали страждущих инвалидов. А тётка всё с дедушкой воюет. Тут уж людям в зале, наверное, недогипнотизированным, это не понравилось.

"Пустите дедушку! – стали орать. – Ему тоже вылечиться хочется".

Тетка тут же переменяла тактику. Опытная в таких делах. Знает, что такое толпа. Сейчас тебя на руках носят, а через секунду разорвут на куски. Стала она прямо как ангелочек и лепечет ласковым, елейным голоском:

"Конечно, конечно, поможем. Проходите, пожалуйста, не оступитесь".

Помогла на сцену подняться, вокер в руки дала. Потом двенадцать подопытных, которые уже на сцене стояли, поделила. Поставила двумя рядами по шесть человек друг напротив друга, на расстоянии одного шага. Ну и туда же дедуш-

ку прислонила, тринадцатым номером. Потом говорит своим подопытным:

"Тут вот между вами наш шаман шаманить будет. Всем стоять как вкопанным. Не вздумайте никуда бежать, даже если очень страшно".

Потом дала знак шаману, который в уголке сцены отирался, что всё, мол, готово. Шаман неспешно доковылял до своих подопечных и вдруг мгновенно преобразился. Завизжал, затопал, между ними прыгает, посохом машет. Я понимаю теперь, почему тётка предупредила, чтоб не пугаться. Такое зрелище только в сумасшедшем доме увидишь, в отделении для буйных. И то там санитары таких вот "шаманов" тут же в смирительную рубашку. А тут этот ненормальный скачет, того гляди посохом по голове огреет. А этого только не хватает ко всем своим болячкам. Ну вот попрыгал шаман, попрыгал. Недолго. С минуту, не больше. Потом затих и удалился в свой уголок на сцене. Тётка тут же к своим подопечным подскакивает.

"Ну как, болит? – спрашивает. – Честно отвечайте, как на духу".

Ну вот, подопытные наши на сцене руками себя ощупывают.

"Нет, – говорят, – не болит".

Тётка к следующему, микрофон в морду суёт.

"Болит?"

"Нет, ничего не болит! Шёл на концерт – всё болело, а

сейчас нет".

Тётка к другому, третьему, пятому. И все честно говорят, что все болячки как рукой сняло.

"Так-то вот, – тётка говорит, – за одну минуту вас шаман исцелил".

Потом к залу обращается победным голосом. Ну что, мол, убедились в великих силах шамана. Так что завтра шаман может заняться вами индивидуально, за небольшую плату, конечно. Долларов сто-двести в зависимости от болезни. Начала объяснять, куда ехать, чтоб шамана увидеть завтра. И тут тот самый дедуля, которого тринадцатым на сцену запустили, всю малину испортил. Как грохнется на пол. Это он всерьёз решил, что шаман его исцелил. Отставил вокер в сторону и попытался пойти ногами, как здоровый. Тётка всё мгновенно поняла. Сделала знак своим опричникам – Василию и Марианне. Те подхватили дедушку за руки, за ноги и утащили за кулисы. Тётка же сама вокер взяла и туда же за дедушкой вокер выбросила. И тут же начала пояснять народу неудачный эксперимент.

Во-первых, у шамана энергия дозирована ровно на двенадцать человек, а он тринадцатым припёрся. Во-вторых, как мы уже знаем, у дедушки изменения органические, которые лечить очень сложно. За один групповой сеанс это не вылечишь, нужно как минимум десять индивидуальных.

Всё правильно тётка говорит. К логике не подкопаешься. Ну, а в-третьих... А в-третьих, шаман сейчас уходит,

представление закончено. И те, кто наши сувениры не купил, имеют последний шанс приобщиться к шаманскому духу. Он по проходу, тучочки, пойдёт и вы имеете шанс шамана коснуться. Потому как кто шамана коснётся, обеспечит себе долгую счастливую жизнь безо всяких болезней и неприятностей на работе.

Ну, конечно, теперь всё внимание на шамана. Про дедушку несчастного за кулисами теперь все забыли. И вот действительно спускается шаман со сцены и медленно вальяжно идёт по проходу. И тут такое началось. Люди с другой половины зала как рванулись за шаманом. Прямо по стульям, прямо по головам. Ещё бы, забесплатно и без особых усилий обеспечить себе долгую счастливую жизнь. Я только этих халывщиков от себя да от жены с тётцей в сторону отталкиваю. Они ж как ненормальные. Затопчут насмерть и даже "Экскюз ми" не скажут. Мне тётка какая-то локтём в глаз заехала, а жене моей прическу испортили. Потом шаман в фойе прошёл. Толпа за ним. Слава богу, уже кого-то другого топчут. Наконец, он совсем из аудиториума свалил. Посмотрел я на сцену. Ни тётки, ни коробейников уже нет. Это, я так понял, был такой отвлекающий манёвр, как у фокусников. Пока у нас всё внимание на шамана, его помощники баулы с деньгами похватали и бежать, пока народ не опомнился.

Ну, а потом все потихоньку начали в себя приходиться. Гипноз шамана, видно, улетучился.

Слышу нормальную человеческую речь: "Софа, давай по-

торапливайся. На сэйл опаздываем. А вы, Наум Маркович, уж сами как-нибудь домой, на автобусе. А то ж сэйл – дело неотложное".

Ну и мы тоже выбрались из аудитории. Наконец-то и у моей жены гипноз из головы вылетел.

"Зря, – говорит, – я сто долларов на шамана истратила".

"Точно, зря", – говорю.

"А чего ж ты меня не остановил?"

Это как обычно. В результате я во всём виноват.

Ну а потом рассказали эту историю своим друзьям, знакомым. Посмеялись да забыли, пока однажды этот шаман опять не вспомнился. А дело было так.

Сидели мы дома и смотрели по русскому телевидению кино. "Семь невест ефрейтора Збруева" называется. Очень хорошая кинокомедия. Лирическая, сентиментальная. Мы это кино уж раз десять смотрели. Там, значит, речь о том идёт, что один солдатик – ефрейтор списался, будучи на службе, с семью девушками. И как закончил службу, едет этих невест навещать. Выбирать самую-самую. Так вот, когда этот солдатик очередную невесту бросает и едет к другой, моя жена начинает плакать. Она у меня тоже очень сентиментальная. А когда, наконец, солдатик приезжает к седьмой невесте, к чёрту на рога, и выясняется, что никакой невесты-то нет, а заманил его председатель колхоза вырезкой актрисы из журнала, то моя жена всегда говорит: "Так ему, козлу, и надо!"

Ну так вот, смотрим мы это самое кино, и где-то между

второй и третьей невестой у меня вдруг голова начала болеть от всего этого невестиного калейдоскопа. Жена у меня сразу диагноз поставила. "Мигрень это у тебя», – говорит. Она у нас как бы домашний доктор. Всё-таки не зря ассистентом у дантиста работает.

"Ну ничего, – говорит, – не страшно. Пройдёт. Таблетку только прими".

Пошла искать таблетку и спрашивает:

"Тебе какую таблетку дать? Русскую, беленькую, пирамидон – от головы. Или американскую, красненькую, эдвил – от всего".

Пока я решал, что лучше – от головы или от всего, она вдруг кричит:

"Смотри, что я нашла. Фотография шамана. Может, попробуешь?"

Я говорю: "Давай попробуем".

Примотали мне шамана на лоб, как тётка учила, лицевой стороной внутрь. Таблетки я принимать не стал, для чистоты эксперимента. Потом пошли дальше кино досматривать. Ну, смотрим дальше. И вот когда ефрейтор этот шестую, последнюю невесту бросил и едет к седьмой, то бишь к председателю колхоза, я вдруг почувствовал, что у меня ничего не болит. Полчаса назад голова болела так, что хоть на стенку лезь, а сейчас ничего. Не болит, не стучит, не тянет. Излечился полностью. На все сто.

Ну прямо чудеса в решете.

Приключения в городе С

Наш поезд остановился в городе С. Мы должны были пересесть на поезд, направляющийся в город Ч., переехать потом к озёрам, где нам предстояло загорать, купаться, копать-

ся в земле, ходить по лесам и лугам и, пожалуй, много ещё чего. Только вы, пожалуйста, не завидуйте. Мы направлялись не на дачу, не в деревню к бабушкам и дедушкам. Мы – это три сотни студентов Н-ского университета, направляющиеся на сборы и сопровождаемые двумя десятками офицеров нашей военной кафедры.

Позагорать означало поработать под палящим солнцем. Покопаться в земле значило рытьё окопов. Гуляние по лесам и лугам – было не что иное, как марш-бросок. А многое другое, полезное и интересное, включало в себя марш по плацу, ползание по-пластунски, изучение уставов, сдача нормативов и масса других интересных и нужных вещей, призванных заполнить военный досуг.

Мы высыпались из вагонов и собрались вокруг наших командиров, готовые принять очередную порцию мучений и неприятностей, связанных с пересадкой.

Было ещё достаточно раннее утро, около 9 часов. Поезд на Ч. должен был прибыть к 7 вечера. Что делать в течение 10 часов, чем занять три сотни человек на вокзале было загадкой не только для нас, но и для наших военных преподавателей. Поначалу они попытались отгородить какой-нибудь закуток в зале ожидания на вокзале, но прибежала какая-то тётка-дежурная и начала кричать на нашего главного полковника, чтобы он прекратил самоуправствовать. Слегка ошарашенный начальник нашей кафедры полковник Зубов стоял рядом с нами на платформе и, по всей видимости, пы-

тался мыслить. Рядом с ним вертелся полковник Крылов, с жаром убеждая его в чём-то. Я прислушался.

– ... точно, я говорю – ничего не будет! – доносились отзвуки речи полковника Крылова. – Посмотри на них, – продолжал полковник, – это же будущие учёные, преподаватели, командиры производства. Да я за них головой ручаюсь!

Слышать подобные похвалы в свой адрес, особенно из уст полковника Крылова, который иначе как "сборищем безмозглых идиотов" нас не называл, было, по меньшей мере, странным. Впрочем, у полковника, видимо, был здесь свой интерес. Так же, как и нам, Крылову абсолютно не хотелось торчать на вокзале.

– Ты-то головой ручаешься, только кому, нах.., нужна твоя голова, – слегка отбивался начальник кафедры Зубов от полковника Крылова, – отвечать-то мне.

Но в конце концов он согласился с доводами Крылова. Полковник Зубов поднял свой здоровенный кулак, сунул под нос полковника Крылова и угрожающе произнёс:

– Будь по-твоему. Но учти, случись что, я с тобой по-мужски поговорю.

Полковник Крылов с довольной ухмылкой отошёл в сторону и скомандовал:

– Командиры взводов, ко мне!

По тому, как минутой спустя с довольными физиономиями возвращались наши командиры, мы поняли, что сегодня у нас будет маленький праздник.

– Сейчас отпустят, – услышали мы от нашего командира. – Речь только Зубов скажет, и все свободны до шести.

Полковник Зубов действительно вышел вперёд к нашему весьма неровному строю. Потом своим громовым голосом сообщил, что нам оказывается высокое доверие в виде общей увольнительной, но в шесть быть надо здесь "как штык". Потом, слегка понизив голос, продолжил:

– Не могу приказывать, но советую – походить по местам боевой и трудовой славы города С... Посетить музеи, встретиться с ветеранами войны и тыла ...

Договорить ему уже не дали. Мы рывкнули троекратное «ура», хоть никто нас об этом не просил, и бросились врассыпную.

Трехсотголовая галдящая толпа летела, уносила ноги от железнодорожного вокзала, от наших майоров и полковников. Но среди всего этого гама можно было явственно слышать одно, словно заклинание, слово – "магазин".

Наша "сионистская группировка" (по остроумному определению полковника Крылова), состоящая из двух с половиной евреев и полутора русских, в одночасье развалилась. Стопроцентно русский Володя Котельников уходил вместе со всеми в тот самый магазин. Паша Цукерман разрывался. Еврейская половина тихонько скулила, пытаясь не пустить. Но пятая графа, в которой было прописано "русский по паспорту", звала на подвиги. В конце концов, пятая графа победила, и Паша побежал нагонять гудящую толпу.

Мы с Мишкой остались вдвоём. Уже никуда не торопясь, решали, куда пойти. Магазин из рассмотрения был исключён на все 100 процентов. Извиняюсь, но я не понимал этого странного удовольствия бежать в магазин с утра, хватать и звать тёплую водку, чтобы ею же блевать спустя два часа.

Ходить, по совету полковника Зубова, по местам боевой и трудовой славы.... Вам смешно? Нам тоже!

Так что ничего мы, собственно, не придумали и просто двинулись куда глаза глядят. Так мы и шли в непонятном направлении и неожиданно вышли к какому-то современному кинотеатру. Перед ним была площадь, а на осветительных столбах развевались флажки и висели плакаты с надписями: "Неделя французского кино". Подобные же плакаты, но большего размера висели на фасаде здания. Мы подошли поближе. Так и есть, плакаты не обманули. Вовсю шла неделя французского кино. Длинные четырёхчасовые сеансы начинались в одиннадцать – прямо, прямо сейчас. Мы подошли к кассе, всё ещё сомневаясь в удаче. Но билеты были и абсолютно без очереди. Впрочем, это было понятно. На утренний детский сеанс, да ещё в будний день, да ещё с билетами по три рубля – охотников было немного. Схватив билеты, мы бросились в кинозал. Народу никого. Практически пустой, лишь на 10 процентов заполненный зал. Потом вышла какая-то образованная тётка в очках, слегка поговорила о достижениях французского кинематографа и сообщила, что нам предстоит увидеть эти достижения в виде двух пол-

нометражных картин. Потом свет в зале погас, и по экрану поползли титры на французском языке.

Первый фильм был комедийный с участием известного французского комика Пьера Ришара. Сюжет простой, но оригинальный. Некий наёмный убийца должен застрелить президента Франции. Ничего не поделаешь, такие вот у них кинокомедии. Президент должен прибыть на бронированном лимузине и пройти с десятков метров от авто до входа в здание. Убийца расположился напротив в отеле на каком-то высоком этаже и должен из снайперской винтовки отработать свой гонорар. В соседнем же номере поселился неудачник Пьер Ришар, решивший от всех свалившихся ему на голову неудач, свести счёты с жизнью. К сожалению, этот вот невезучий гражданин оказывается невезучим не только в жизни, но и в смерти. У него всё никак не получается спокойно закончить своё существование. Он пытается повеситься на водопроводной трубе, труба обрывается, начиная заливать комнату водой. Наёмный же убийца не хочет привлекать внимание полиции и работников отеля и пытается спасти самоубийцу хоть на несколько часов, чтобы самому спокойно закончить дело с президентом. Он успокаивает самоубийцу, достает чемоданчик со снайперской винтовкой, собирает её, прилаживается. И тут начинается всё сначала. Сосед пытается выпрыгнуть из окна и застревает там, пытается застрелиться, но промахивается, и так далее. В общем, смешно. И приятно также то, что президента ему таки убить

не удаётся. В последний момент Пьер Ришар подтолкнул его под локоток. А в заключительной сцене, пока полиция бежит хватать наёмного убийцу, излагает свой план. Пока убийца будет сидеть в тюрьме, он будет туда носить передачи, а когда он из тюрьмы выйдет, они поселятся в деревне. Такая вот комедия. Мне понравилась. Мишке тоже.

Потом в зале зажётся свет. Тётка-конферансье объявила перерыв. "Антракт" – как она выразилась, дабы подчеркнуть значимость события, и пригласила проследовать в буфет. Опять же всё было культурно, красиво, без очереди. Будь всё это в моем городе Н-ск, да ещё в компании симпатичных девушек, я бы вообще был бы на седьмом небе от счастья. Впрочем, и тут было совсем неплохо. Перекусив недешёвыми буфетными бутербродами, мы опять прошли в зрительный зал, где вновь прослушали мини-лекцию женщины в очках.

Теперь нам предстояло посмотреть французскую психологическую драму. Некоторые сцены этой замечательной ленты, как культурно выразилась тётка, адаптированы к советской аудитории. По-простому говоря, вырезаны. Но ничего не поделаешь – я вздохнул и приготовился наслаждаться резаной драмой.

Итак, сюжет фильма. Всё тот же настырный любовный треугольник, встречающийся даже в советских кинофильмах.

Он – не очень молодой, но очень талантливый писатель.

Ещё один Он – не очень талантливый, но очень красивый молодой музыкант.

Она – молодая, красивая и, судя по всему, безмозглая истеричка.

Естественно, она бьётся между Ним и Ним, не в состоянии решить – с кем. В конце концов она решает. На шикарной машине они едут в шикарные апартаменты, где в конце концов предаются большой любви. Естественно, вся большая любовь была вырезана заботливой советской цензурой, и потому всё, что мы увидели, это был страстный затянувшийся поцелуй, а затем через мгновение большая кровать со смятыми простынями. Потом у девушки начинается истерика. Одета в свой прозрачный пеньюар, она рыдает на кровати, затем перемещается на кухню, где всё так же рыдает и швыряет дорогую посуду на пол.

В следующей сцене – на паршивой машине с другим Ним она едет в мерзкий апартамент, где они уже предаются большой любви на узкой кровати. Впрочем, сцена эта также была заботливо вырезана, и о том, что там происходило, также приходилось только догадываться. На следующее утро повторяется то, что происходило днём раньше. Разница лишь в том, что кухня в этом апартаменте отсутствует, а посуда пластиковая и потому не бьющаяся.

Затем ещё парочка сцен с истерикой в шикарном ресторане, под укоризненные взгляды женщин в вечерних платьях. Потом сцена с истерикой в мерзкой забегаловке под понима-

ющие взгляды обитающей там публики.

Но в результате всё кончается хорошо. В заключительной сцене мы видим три пары голых ног, торчащих из-под одеяла широкой кровати талантливого писателя. Что и как они там творили под одеялом, опять же оказалось вырезанным. На этом наше культурное мероприятие по знакомству с французской культурой было завершено. Мы выбрались из тёмного зала на непривычно светлую улицу. Потом ещё часика два погуляли по городу, обсуждая превратности судеб и достоинства обеих картин. Ну, а потом повздыхали и направились к железнодорожному вокзалу – в объятия наших вояк.

Пришли мы даже раньше установленного часа. Попавшийся по дороге полковник Крылов где-то даже обрадовался, похвалив нас словами: "Молодцы, прибыли первыми", – но, тут же опомнившись, скривился и добавил: "Трезвые, ну что от вас ещё можно было ожидать!"

Потом потихоньку-полегоньку начали подтягиваться наши поддатые или слегка протрезвевшие товарищи. Новостей, приключений было много. Выше крыши. Я было хотел рассказать о нашем культурно проведённом дне с посещением французского кинофестиваля, о нестандартных и невиданных приключениях Пьера Ришара и плотоядной девушки. Но никто не хотел слушать эту лабуду. Мои рассказы явно не каналы. Ребята сами желали поделиться не киношными, а настоящими приключениями. Кто-то догонял, кого-то нагоняли. Кто-то бил морду, кто-то, наоборот, в морду полу-

чал. Кто-то набрался водкой, а у кого-то хватило денег лишь на бутылку "чернил". Но всё это было весело, легко и, главное, оптимистично.

Весёлый гам продолжался дальше. И вдруг он стих. Мы увидели Володю Петрушина, неспешно продвигающегося к нам по платформе в сопровождении какой-то крепко сбитой, но не без симпатичности девахи. Деваха обеими руками держалась за локоть Петрушина, словно не желая его отпустить. Наконец, они остановились метрах в пятидесяти от нас. Последовал долгий жаркий поцелуй, после чего уже Петрушин проследовал к нам, а деваха, последний раз махнув рукой, развернулась и пошла восвояси.

Володя Петрушин, наш сокурсник, был богатырь. Причём настоящий богатырь, из породы Ильи Муромца. Любой силач нашего курса даже близко не мог сравниться с необыкновенной силой Петрушина. Так, для примера, когда мы оказывались на сельхозработах, Петрушин мог взять под мышки два тяжелых куля с зерном и нести их с такой лёгкостью, как кто-нибудь из нас нёс бы пару авосек с бутылкой кефира и палкой колбасы. К тому же он занимался культуризмом, наращивая и без того огромную гору мышц.

Под любопытные взгляды он подошёл к нам и стал в как бы строй. Напряжённое молчание наших ребят говорило о том, что появление его в компании женской особы произвело желаемый фурор, и публика уже готова слушать. Петрушин помолчал ещё несколько секунд, словно желая насладиться

произведённым эффектом, и начал повествование.

После того, как полковник Зубов отпустил нас на все четыре стороны, Петрушин хоть и пошёл в сторону магазина, но с совершенно другими намерениями, чем у прочих наших алкашей-любителей. Он занял стратегическую позицию неподалёку от магазина и начал опрос проходящих мимо, по его мнению, подходящих кандидатур.

"Девушка, а девушка. Который час?"

Примерно с пятидесятого раза к нему пришла большая любовь. Это была ОНА, которая с первого взгляда, не хуже судейской коллегии на соревнованиях по культуризму, оценила бицепсы, трицепсы и всё прочее нашего богатыря.

После короткого знакомства и взаимных признаний в любви, деваха сразу сказала, что к ней нельзя, потому как стерва-свекруха дома и никакой жизни от неё уже нет. А куда ж идти? В ту пору отелей на час не существовало, да и одного часа для настоящей большой любви было б, пожалуй, мало. Но девица была опытной, разбитной и сказала, что знает одно хорошее место.

По дороге в хорошее место она посвятила Петрушина в свои личные дела, пояснив, что она не девушка и чтобы на целкость Петрушин не рассчитывал. Петрушин сказал, что всё равно будет её любить.

Потом она ещё немножко рассказала Петрушину о себе. Она замужем, но муж в тюрьме. Два года за хулиганку. Живёт со свекровью. Работает в трамвайном депо. Посменно.

То днём, то по ночам, что очень удобно. Свекрухе же, наоборот, очень неудобно, но она всё равно бдит и стучит сыну. Сын шлёт из зоны такие вот нежные и ласковые письма: "Валюха! Мама мне докладывает, что ты по мужикам шляешься. Кончай б***овать, сука. Выйду, убью!"

"Это мы ещё поглядим, кто кого убьёт!" – со смехом пояснила Валюха и продемонстрировала свой мощный кулак девушки из трамвайного депо.

"Хорошим местом", куда направлялись Петрушин с Валюхой-Валентиной, был скверик с редкими деревьями и поухлой травой в центре города.

Валентина нашла более-менее раскидистое дерево и присела возле него. Петрушин, всё ещё ничего не понимая, тоже присел рядышком. Валентина же, удовлетворённо глянув на оттопыривающуюся ширинку штанов, лёгким незаметным движением стянула свои трусики. Петрушину же она велела просто лечь на спину и достать ... Остальное Валюха пообещала сделать сама. Петрушин, пока ещё слегка стесняясь, подчинился. Валюха же опытным движением ухватила член и водрузила его в нужное место, при этом раскинув свою юбку и прикрыв Петрушина от живота до колен.

В ту пору девушки штанов не носили. Заграничные джинсы были прерогативой продвинутых девушек лёгкого поведения. Девушки же тяжёлого поведения носили элегантные юбки пониже колен.

Проходящие мимо редкие прохожие вообще ни о чём не

догадывались. Дело в том, что в Советском Союзе секса, как известно, не было, а всяким там ханжам объявил войну советский кинематограф, штампуя один за другим лирические, романтические фильмы типа "Романс о влюблённых". К тому же 90 процентов советского населения даже не предполагали, что в, как говорили тогда, половом акте существуют какие-то иные позиции, кроме строго классической – "он на ней".

Так что всё выглядело пристойно и весьма невинно. Двое влюбленных отдыхают в скверике под деревом. Он просто лежит на травке, а она, чтобы культурно не запачкать юбку, просто присела на своего суженого.

Валюха поглядывала по сторонам, выжидая момента, когда народу будет поменьше, после чего начинала совершать, как пишется в медицинской литературе, поступательные и вращательные движения.

"Не вздумай только спускать!" – строго предупредила Валентина лежащего без движения Петрушина. Впрочем, у мужиков, как известно, дело это контролируется очень плохо, и Петрушин не выдержал.

"Спустил-таки, сволочь! – зло сказала Валюха. – И распробовать-то не успела."

На что Петрушин заметил, что себя он знает. Через полчаса всё восстановится.

"Перекусить бы только!" – пожаловался Петрушин.

Влюблённые поднялись и двинули в магазин. Купили там

бутылку водки и нехитрую закуску – батон, да пирожки с мясом. Подкрепившись, слегка погуляли вокруг скверика и вернулись на своё старое место к раскидистому дереву. Что делать – Петрушин уже знал. Валентина – тем более. Проходящие люди, как обычно, ни о чём не догадались.

На второй раз Петрушин продержался слегка подольше, но не сдержался опять. Валентина, хотя слегка расстроилась, но пожалела Петрушина и пообещала не скакать и быть впредь осторожней.

Ещё часок ушёл на восстановление сил. Валентина кормила Петрушина пирожками, нетерпеливо тиская член Петрушина, выжидая момента, когда же он наконец окрепнет и восхищённо выговаривала: "Ну, жеребец, ну даёшь! Авось и я сегодня кончу!"

Под занавес, когда время уже двигалось к шести и близился момент расставания, Валюха уже потеряла всякую осторожность. Она-таки решила достичь того неизвестного среднему советскому человеку иностранного слова "оргазм", который почему-то очень плохо достигался в двухкомнатной перенаселённой хрущёвке на скрипучей раскладушке.

Богатырский член Петрушина после многократного употребления потерял свою чувствительность, но, тем не менее, не потерял свою стойкость. Валентина же от выпитой водки и неудовлетворённого желания уже совсем потеряла всякую осторожность и скакала со всей мочи, сопровождая всё оханьями и стонами.

Теперь уже редкие прохожие замедляли шаг и вертели головами в направлении резвящейся парочки. Некоторые уже даже останавливались, всё так же не понимая, что происходит, с интересом наблюдая за игрой в "прыгалки". Наконец, Валентина испустила заключительный вопль. Замерла на секунду без движения. Потом, точно по-собачьи, встряхнулась и вскочила на ноги. Смущённый Петрушин тоже вскочил на ноги и, повернувшись к дереву, начал засовывать в штаны своё богатство. Бесстыжая же Валюха обвела глазами собравшуюся толпу, оправила юбку и объявила: «Всё! Кино кончилось. Расходитесь». А потом, уже подхватив Петрушина под руку, потащила его какими-то задворками к вокзалу. Тут мы и увидели прощальную сцену Валентины с Петрушиным.

Рассказ Петрушина почти не перебивали. Помалкивали даже наши самые большие авантюристы и искатели приключений, которым удалось за сегодняшний день нажраться, набить кому-то морду и получить по морде самим. Изредка вставлял слово какой-нибудь сгорающий от зависти Фома-Неверующий, пытающийся подловить Петрушина на вопросах физиологии. Впрочем, какая там физиология. Это вам не лежащая на кровати в студенческом общежитии пьяная целочка-филологиня. Девушка из трамвайного депо разбиралась в вопросах физиологии не хуже профессора сексопатолога.

Казалось бы, было уже невозможно побить чем-то более

удивительным рассказ нашего богатыря Петрушина. Но ...

***

– Кого не хватает? Чижика! – орал начальник кафедры Зубов, сунув под нос Крылова свой здоровенный полковничий кулак. – Говорил я тебе, нельзя было отпускать.

– Подумаешь, – отбрехивался полковник Крылов, совершенно не чувствуя за собой ни капли вины. – Всего-то один не пришёл. Я думал, больше не явится.

– А с этим что? – не унимался полковник Зубов.

– Ничего страшного, – отзывался Крылов. – Спишем как дезертира.

Перебранку эту Зубов-Крылов неожиданно прервал стрекот мотоцикла. Прямо на перроне появился милицейский мотоцикл с коляской. Два милиционера сидели на самом мотоцикле. В коляске же находился тот самый пропавший студент-рядовой Чижик. Мотоцикл подкатил к нам и остановился неподалёку от полковников. Сидящий на заднем сиденье милиционер наклонился к обитателю коляски и поднял его за шиворот.

– Ваш? – гаркнул милиционер.

– Наш, наш, – нестройно закричали студенты нашего взвода.

– Наш! – подтвердил полковник Крылов.

– Ну, раз ваш, тогда получайте, – отозвался милиционер.

После этого он, как-то удивительно изогнувшись, залепил своим сапогом такого пенделя студенту Чижиху, да с таким

профессиональным оттягом, что Чижик пролетел по воздуху метра три и шлёпнулся прямо к ногам полковника Зубова. Мотоцикл лихо развернулся и уехал.

– Я же говорил, всё будет нормально, – тут же встрял полковник Крылов. – Ребята ответственные.

Полковник Зубов ничего не ответил. Он подошёл к студенту Чижикю. Приподнял его за шиворот, подвёл к нам и поставил в строй.

Чижик попытался тут же упасть. Но ребята его уже подхватили, поддерживая на ногах обессиленное тело несчастного Чижика.

***

А с Чижиком произошло вот что. Как и все, с утра он бросился в магазин. Как и все, сбросился на троих. Но дело в том, что, перефразируя известную поговорку, "что нормальному русскому здорово, то русскому масипусенького роста и веса – смерть". Ноги Чижика подкашивались. Идти или бежать за ребятами он был не в состоянии. Ребята наши Чижика бросили. Что поделаешь – законы волчьей стаи. Каждый сам за себя. Оставшись в одиночестве, Чижик нашёл какую-то скамейку и лёг на ней отсыпаться. Здесь его уже обнаружили милиционеры. Недолго думая, погрузили Чижика в коляску милицейского мотоцикла и отвезли в вытрезвитель. Там, соответственно, начали процедуру "вытрезвления", начинающуюся с того, что из карманов извлекается всё твоё имущество, и начинается опись. В тот момент, когда

карманы Чижика были уже вывернуты, а протокол описи уже составлен, Чижик неожиданно очнулся. Увидев перед собой дежурного по вытрезвителю, он сообщил: «Е..ать я хотел вас всех в рот. Ничего вы мне не сделаете. Я в армию еду».

В то время в милиции существовал строжайший приказ. Призывников и всяких там других направляющихся на службу не трогать и доставлять к месту сбора. Так что своим заявлением про армию Чижик насмерть сразил милиционера.

– Что ж ты раньше-то мне не сказал, – взвился дежурный, – я ж из-за тебя протокол испортил. Они ж у меня по счёту. – Потом милиционер перегнулся через стол и зазвездил Чижика в глаз своим здоровенным кулачищем. Чижик свалился со стула. Дежурный подошёл к нему, пытаясь учинить допрос: – Где часть, куда едешь?

– Вокзал, поезд в семь! – сумел лишь прошептать Чижик.

– Мать твою, – выругался милиционер, – уже полседьмого. На автобусе не успеть, хотя какой, к чёрту, тебе автобус!

Милиционер развёл руками, не зная, что делать. Но в эту же секунду дверь вытрезвителя распахнулась и показались два линейных милиционера, волочащих очередного алкаша – клиента вытрезвителя.

– Как раз вовремя! – обрадовался дежурный по вытрезвителю. – Бросайте этого хмыря сюда, – он указал на стул, только что так неудачно освобождённый Чижиком. – А этого отвезёте на вокзал. Срочно давайте. У этих сраных вояк поезд в семь.

– Будэ зроблена, начальнык! – схохмил один из милиционеров, видимо, хохол по национальности.

Потом привычно, по-деловому, милиционеры ухватили под мышки Чижика и поволокли его к стоящему во дворе мотоциклу с коляской.

– Только перед вокзалом не бросайте! – крикнул вдогонку дежурный. – Сдайте с рук на руки.

– Знаем, не впервой, – отозвался милиционер, заводя мотоцикл. – Доставим в лучшем виде.

Мотоцикл тронулся, разворачиваясь настолько резко, что коляска с Чижиком поднялась на полметра в воздух. Потом мотоцикл выскочил на дорогу и резво помчался в сторону вокзала. А ещё через четверть часа студент Чижик стоял в строю, потирая фингал под глазом и свою задницу, – подарки на добрую память от работников вытрезвителя.

***

Всё складывалось как нельзя лучше. По лицу полковника Зубова расплылась довольная улыбка. Весь личный состав в сборе. Состав для посадки подали вовремя. По железнодорожному полотну ползли вагоны. Наконец, машинист поезда нажал на тормоза. Вагоны лязгнули, покачались и наконец замерли на месте.

– Слушай мою команду! – зазвучал бас начальника кафедры полковника Зубова. – Посадку осуществлять строго в порядке очерёдности. Повзводно, по отделениям.

Но полковника уже никто не слушал. Студенты, бросив

строй, уже атаковали открывшиеся двери вагонов, пытаюсь забраться первыми и занять лучшие места.

– Ну что вы творите! – услышали мы уже отчаявшийся голос полковника Крылова. – Ей богу. Стадо баранов.

Извращенец

В детстве я очень любил читать. Собственно, иных культурных способов проведения досуга и не было. В ту пору никто особенно не рассуждал, как отвлечь внимание ребёнка от телевизора. На телевидении было всего две программы. Причём трансляция утренних программ заканчивалась в 12. Затем следовал перерыв часиков до пяти. Затем трансляция

возобновлялась по обыкновению новостями о достижениях животноводов. Изредка мультфильмы минут на десять. Ну, а потом с новой силой политические новости, плавка стали, удои молока, свинарники и коровники, птицефермы и свинофермы. Так что, хочешь не хочешь, а ищи, что хочешь, дабы занять свой досуг. Чтение книг, например. Ну, а книги у нас дома были. Полный шкаф. Даром, что я вырос в семье медицинских работников, где вопрос с алкоголизмом и прочим, ему сопутствующим, не стоял.

Книг в шкафу было много. И детских, и юношеских, и взрослых, и сугубо профессиональных. К сожалению, книг с картинками было мало. Детские, само собой, которые вскоре надоели. Была превосходная книга о вкусной и здоровой пище. Та самая, ещё сталинского издания. Выпущенная, даже не знаю, с какой целью, потому что рецепты там содержались совершенно удивительные. Например, рагу из рябчиков. Книга тоже в конце концов надоела. Я перебирал, искал и неожиданно совершил открытие в виде Большой Медицинской Энциклопедии, пылящейся на верхней полке книжного шкафа. Там я обнаружил огромное число разнообразных цветных и чёрно-белых картинок, выполненных на великолепной глянцевой бумаге. Потом я стал потихоньку почитывать подписи под картинками, а потом и целиком статьи, посвящённые этим картинкам.

Содержание этих статей откладывалось в голове, и потому к двенадцати годам я стал большим специалистом, нако-

пив огромные знания по медицине. Я знал о существовании массы инфекционных болезней, лихорадок и симптомы, их сопровождающие. Оспа, чума, малярия особенно нравились и привлекали своей таинственностью. Да и во всех прочих болезнях я был, безусловно, силён. Приведи ко мне любого пациента, и я, пожалуй, просто глядя на него, мог бы со 100 % вероятностью поставить правильный диагноз.

Родители к моему странному пристрастию относились с удивлением, но в общем-то не препятствовали, вероятно, полагая, что я в конце концов стану светилом советской медицины. Ну, а светиле, видимо, лучше всего начинать в детском возрасте со штудирования Большой Медицинской Энциклопедии (БМЭ).

Впрочем, искал я в энциклопедии не только болезни. Как известно, в возрасте 12-13 лет у мальчиков начинает проявляться интерес к противоположному полу. А также ко всему прочему, с этим связанному. Никакой информации в этой области, естественно, не существовало. Процесс появления детей на свет в литературе был описан весьма схематично. Причём главным действующим лицом в этом процессе был аист.

Половое воспитание школьников заканчивалось в 6-ом классе на уроках ботаники, на примере цветочков, пестиков, тычинок и пчёлки. В 7-ом классе к процессу размножения кратко возвращались, используя в качестве примера гидр, размножающихся почкованием, а также птичек, высидиваю-

щих неизвестно откуда взявшиеся яйца. Далее следовал провал в образовании. А точнее, большая чёрная дыра, заполнить которую было абсолютно нечем.

А мальчики тем временем влюблялись в девочек. Однако, не зная, каким же образом привлечь внимание предмета своего обожания, действовали абсолютно варварскими методами. Безнадёжно влюблённый мальчик имел привычку дёргать девочку за косички или, того хуже, подкладывал дохлую крысу девочке в портфель. За что и получал этим самым портфелем по голове, испытывая при этом своё самое первое удовлетворение.

И ещё время от времени мальчики делились своими познаниями, полученными во дворе или через занавеску в родительскую спальню. Знаний было здесь тоже немного. Потом в наш класс из детской колонии вернулся наш главный школьный хулиган, обладающий значительно более развёрнутыми знаниями, чем шпионы через занавеску. На переменках или после уроков он просвещал всех любопытных, попутно награждая тумачами всех тех, кто сомневался или переспрашивал. К сожалению, эти внеклассные занятия проводились на не совсем понятном языке – "фене" – и многочисленный сленг затруднял понимание. На всякий случай, я попытался найти эти слова в Большой Медицинской Энциклопедии. Безрезультатно, что в общем-то и не удивило. Потом нашего главного хулигана в очередной раз посадили. На этот раз за групповое изнасилование, и тонкий источник

наших знаний иссяк окончательно.

Правда, через некоторое время кто-то из наших мальчиков узнал, что то самое, о котором много раз говорил наш главный хулиган, на самом деле называется секс, или половой акт. В тот же вечер я пошёл искать эти два слова в энциклопедии. К сожалению, и здесь меня ждала неудача. Ни секса, ни полового акта в энциклопедии и, следовательно, в Советском Союзе не существовало. А что же было? Были многочисленные открытки в киосках с аистами, распластавшими крылья, или просто на ногах, держащими в клюве колыбель с младенцем.

От всех этих неудач я даже начал сомневаться в прежних убеждениях и стал подумывать, что советские учёные изобрели какой-то новый способ наращивания народонаселения с помощью аистов.

А потом всё как-то разрешилось само собой. В тот вечер я, по своему обыкновению, листал Большую Медицинскую Энциклопедию. И вдруг между статьями о волосатом языке и жёлтой лихорадке я обнаружил статью, отмеченную жирным словом Coitus. Я прочёл несколько первых строк и тут же сообразил, что это оно и есть. Тот самый секс, или половой акт, скрытый от простого народа латинским написанием. Оглядевшись по сторонам, я тут же начал поглощать эту статью.

Начало статьи, очевидно, писали специалисты-медики, и потому само начало было абсолютно медицинским. Там со-

общалось, что так называемый "коитус" начинается с того, что кровь заполняет некие пещеристые тела, какие-то мышцы, названные по латыни, сжимаются, затрудняя отток крови, в результате чего этот самый пенис приобретает затвердевшее состояние. Факт затвердевания пениса мне был уже знаком, но я порадовался новым знаниям.

Кроме того, медики пояснили, что в это же время какие-то две железы выделяют некую вязкую жидкость – секрецию, что смазывает затвердевший пенис, таким способом облегчая введение его в какое-то латинское слово. Ритмичные движения пениса заканчиваются выбросом семенной жидкости, которая определёнными путями попадает в определённое место, где уже и происходит процесс оплодотворения. Далее следовала ссылка на то, куда смотреть, если кого-нибудь заинтересует, что случится потом.

На этом месте медики закончили, и слово взяли другие учёные. Прежде всего, нам сообщили, что в соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма тот самый коитус осуществляется между супругами, состоящими в законном браке, хотя и бывают досадные исключения. Вкратце поговорив об исключениях, учёные остановились на длительности полового акта, установив для него норматив в 2-3 минуты. Продолжительность коитуса от одной до пяти минут считалась неким отклонением, но, тем не менее, где-то в норме. Раннее семяизвержение, а также невозможность закончить половой акт в течение 5 минут считались болезнен-

ным отклонением с рекомендацией обращаться к врачу. При этом особо подчёркивалось, что так называемый "продолгованный коитус", при котором продолжительность полового акта сознательно продлевается партнерами, относится к категории сексуальных извращений, о которых пойдёт речь в конце статьи.

Положение партнёров при проведении коитуса определялось единственно правильным, когда мужчина находится сверху, а женщина снизу. Партнёрам предписывалось занять удобные позиции, которые не препятствовали бы ритмичным движениям, по-медицински – фрикциям. Нерожавшим женщинам предлагалось расставлять ноги как можно шире. Рожавшим же женщинам позволялось держать ноги на ширине плеч.

Дальше шла речь о существовании и иной сексуальной позиции (в простонародье – по-собачьи), которую гуманно было разрешено использовать, однако исключительно по медицинским показаниям. Как-то: в случае, когда партнёры страдают ожирением, в результате чего пенис не может дотянуться до того самого латинского слова. Исключение также могло быть сделано для миниатюрных женщин, когда хрупкое создание, находящееся внизу, могло быть раздавлено слишком тяжёлым партнером. Этот момент именовался в БМЭ превентивным коитусом. Там же статья предупреждала, что эта сугубо медицинская позиция несёт в себе определённые опасности, часть из которых даже покрывается Уголовным

Кодексом СССР, и было, в частности, предложено решать этот вопрос обучением и медицинскими консультациями.

Далее по поводу позиций были упомянуты различные развивающиеся страны. Прежде всего, Индия, в которой по сей день практикуют половые отношения в многочисленных непонятных позах. Здесь авторы статьи позволили себе даже недолгую полемику с невидимым индийским противником, наголову разбив его и пояснив, что неудобные позиции увеличивают длительность полового акта и, кроме того, часто приводят к серьёзным травмам, разрывам и растяжениям мышц, вывихам конечностей и прочим неприятным последствиям.

По поводу ласк перед сексом авторы статьи опять же имели своё авторитетное мнение. Естественно, поцелуй до и поцелуй после полового акта поощрялся и невидимо значился в моральном кодексе строителя коммунизма. Тем не менее, здесь опять были упомянуты некие европейские страны – Франция и Италия, в которых до сих пор практикуются длительные сексуальные игры. После недолгой и незлой полемики с незримым итальянским противником, все итальянские доводы были разбиты, и выводы советских учёных были абсолютно однозначны. Длительные предсексуальные игры могут привести к ослаблению определённых групп мышц, отливу крови из пещеристых тел, делая тем самым половой акт невозможным. Тем не менее, французов с итальянцами ругали не очень сильно, отнеся их сексуальные игрушки к

чуждачествам и предрассудкам.

Насчёт частоты проведения полового акта, советские учёные и здесь имели своё прогрессивное мнение. Нормой считался один половой акт в 3-5 дней. Иное расписание было отнесено к болезненным расстройствам. Ну а коитус, проведённый несколько раз за ночь, покоился в категории сексуальных извращений.

На этом описание обычного коитуса закончилось, и пальму первенства окончательно перехватили учёные-общественники. Речь шла о сексуальных извращениях, и наши учёные абсолютно справедливо отметили, что вся эта гадость абсолютно не свойственна советскому человеку и процветает на западе. Прежде всего, в США. Далее кратко перечислялись эти извращения.

Прежде всего – это педофилия, при которой половой акт осуществляется с партнёрами младшего возраста. Затем шла геронтофилия, при которой предпочтение отдавалось людям старшего возраста. Затем шла отвратительная некрофилия, в которой суррогат полового акта осуществлялся с трупом. Завершал весь этот кошмар садомазохизм, заключающийся в причинении страданий и боли себе или партнёру. Об иных сексуальных извращениях было сказано то, что существует их множество, но ознакомиться с ними могут лишь узкие специалисты в этой области.

Итак, всё стало на свои места. Никаких журавлей и аистов. Никаких тычинок и пестиков. Никаких басен и побасёнок.

Всё ясно как божий день.

Статью эту из БМЭ я проштудировал от корки до корки. В дальнейшем время от времени я возвращался к этой статье, с целью освежить знания, но для себя решил, что коитус – это дело нелегкое и, судя по тяжёлой судьбе нашего главного школьного хулигана, даже весьма опасное.

Потом время прошло. Я закончил школу. В медицинский институт я не пошёл. Уехал из нашего маленького украинского городка в большой русский город. Поступил в университет на физический факультет. Имена великих физиков – Эйнштейн, Ландау, Нильс Бор – привлекали меня больше, чем светила медицинских наук.

Место в студенческом общежитии мне не досталось, поскольку хорошо известный советский дефицит ощущался абсолютно везде. Общежитие давали лишь остро нуждающимся студентам. Я же не очень нуждался в комнате студенческого общежития с четырьмя кроватями. Проживал у своей тёти в гораздо более комфортабельных условиях, хотя и под неусыпным надзором.

Мои сокурсники, обитающие в общежитии, наслаждались жизнью в полной мере. Праздновали и отмечали всё, что только можно было праздновать и отмечать. Знакомились с девушками. Вступали в беспорядочные половые связи, посещали кожно-венерологический диспансер, пропускали занятия, заваливали сессии, вылетали из университета. Восстанавливались и вылетали опять. Мне же приходилось лишь

вовремя сдавать зачёты и учиться на пятёрки.

При таком поведении и хроническом отсутствии на физическом факультете симпатичных лиц слабого пола, мне приходилось лишь кусать губы и завидовать моим продвинутым товарищам из общаги. Впрочем, всё это продолжалось не до бесконечности. Телефон в уютной квартире моей тётки начал изредка позванивать, а тётка, слыша в трубке голоса каких-то девушек, начала потихоньку беспокоиться. Ей очень не хотелось, чтобы меня "окрутила" какая-нибудь шалава. Поэтому время от времени тётка начинала знакомить меня с хорошими девочками из приличных семей. Я не возражал. Ну кому не хотелось бы познакомиться, а там, гляди, и жениться на симпатичной девушке. Тем более, что приличность семьи гарантировалась. К сожалению, как физик-математик, я очень скоро вывел эмпирический закон. Симпатичность девушки всегда была обратно-пропорциональна приличности семьи. Ну, а после знакомства с одной «очень хорошей девушкой из очень приличной семьи», родители которой обещали подарить на свадьбу Волгу, от дальнейших знакомств я начал отказываться.

Так что после всех коллизий со знакомствами я приобрёл небольшой житейский опыт. Как говорят в Америке, да и, впрочем, по всему миру, – «бесплатных завтраков не бывает». Так что, перефразируя эту пословицу на случай коитуса, описанного в БМЭ, следует сказать, что за удовольствие надо либо платить, либо расплачиваться.

Ну вот, собственно, такая вот, не самая ужасная, но ситуация. Так что я потихоньку смирился с мыслью, что никаких связей, никакого коитуса на горизонте не предвидится.

И текло себе время потихоньку дальше и дальше до одного, по жизни незначительного момента, когда у меня заболел зуб. Событие, как вы понимаете, неприятное. Так что пришлось, пропустив утренние занятия, выстаивать очередь в зубной поликлинике за талончиком, глотать анальгин и сразу же после занятий отправляться на процедуру зубного врачевания.

С детства я боялся двух имён. Первое имя – Варвара, перед которым я особенно трепетал. Из детских книг я помнил некую уродливую и страшную Варвару, грозу детей, стоящую с ухватом возле печи. Второе страшное имя было Степан. Несмотря на доброго милиционера дядю Стёпу, помогающего всем и вся, вид высоченного милиционера вызывал у меня почти животный ужас. И так уж получилось, что зубной доктор, к которому я был прикреплён, носил сразу два этих имени. Моим зубным врачом оказалась высокая, мощная, грудастая тётка средних лет с именем-отчеством Варвара Степановна.

Вначале приняла она меня не очень приветливо, грубо приказав сесть и открыть рот. Потом долго охала и негодовала по поводу того, что я не соблюдаю гигиену рта и довёл себя чёрт знает до чего. Мой зуб был приговорён, и единственным способом избавить меня от мучений было удале-

ние. Сначала Варвара Степановна попыталась удалить зуб просто так. Но потом, увидев мои мучения, сжалилась и вколола дефицитный новокаин, заметив при этом, что поступает не по инструкции, а исключительно по доброте сердца. Потом уже, пока я сидел с окровавленными ватками во рту, она выписала талончик на лечение очередного зуба и предупредила, что лечить кариес следует непременно, если я не хочу расстаться с десятком прочих зубов. Ходил я к Варваре Степановне долго, едва ли не целый семестр. Принимала она меня хорошо, точно старого знакомого, что так, собственно, и было. Пыталась лечить меня нежно, без боли, что, впрочем, было практически невозможно. Иногда, заметив, как я трепыхаюсь в кресле и не даю ей аккуратно выпилить бор-машиной очередное отверстие, Варвара Степановна наваливалась на меня своим мощным бюстом, вдавливая в кресло. Чувствуя важность момента, я тихонько затихал, давая Варваре Степановне качественно закончить работу. Потихоньку зубы мои излечивались, обрастая пломбами. Я же таскал Варваре Степановне конфеты, не зная, каким иным способом выразить благодарность.

Наконец, работа была закончена. Точнее, почти закончена. Варвара Степановна объявила мне, что всё практически сделано, но осталась самая малость, которую она доделать не успела. К тому же она уезжает в отпуск, но может всё доделать сегодня же у себя дома. Меня же она грозно предупредила, что закончить надо обязательно, иначе вся работа пой-

дёт насмарку.

Так что тем же вечером я направился по адресу, выданному мне Варварой Степановной. В голове время от времени появлялась мыслишка "а вдруг", сопровождающаяся всяческими видениями. Впрочем, эти видения я гнал от себя, логически полагая, что столь доброе и сердечное отношение ко мне, безусловно, связано с коробками конфет, которыми я снабжал свою спасительницу.

Варвара Степановна, открывшая дверь своей однокомнатной квартиры, предстала передо мной в ярком китайском халате с драконами. На кухне, как я заметил, был накрыт стол, стояла бутылка «Столичной». Я подумал, что Варвара Степановна кого-то ждет.

"Скорее всего, это домашнее лечение закончится в течение получаса», – решил я.

Однако Варвара Степановна выдала мне домашние тапочки и предложила пройти на кухню перекусить. В этот момент видение вернулось. В том, что произойдёт дальше, я больше не сомневался.

Пока я ещё сидел на краешке стула, стесняясь новой обстановки. Но Варвара Степановна налила по рюмке, сообщив при этом, что водка – это лучший наркоз и лучшее средство, чтобы освоиться в непривычной обстановке.

Здесь, по всем правилам эротического жанра, следует затянуть возбуждающую песнь на тему "Соски её бархатных грудей набухли как почки на деревьях. Он ощутил свою

твердеющую плоть. Они бросились в объятия друг к другу. Их уста слились в бесконечном поцелуе. Подхватив на руки, он понес её ... " Так вот, эту лабуду я писать не намерен.

Во-первых, на Прозе.ру наберётся видимо-невидимо эротических произведений, писанных сексуально озабоченными пенсионерами и юными психопатками, ожидающими прибытия красавца-принца на крыльях любви.

Во-вторых, всё это было уже давно, и, кроме того, детали ужина и прочего стёрлись 40-градусным наркозом.

Ну, а в-третьих, подхватить роскошное стокилограммовое тело Варвары Степановны на руки, учитывая то, что она была на полголовы выше меня, физически не представляло никакой возможности.

Единственное, что я помню, это охватившее меня волнение. За неимением практического опыта я судорожно перелистывал в голове страницы Большой Медицинской Энциклопедии, пытаюсь вспомнить нахождение того самого латинского места, а также пытаюсь вычислить, нужно ли Варваре Степановне максимально расставлять ноги, либо же в соответствии с рекомендациями БМЭ следует держать их на ширине плеч. Впрочем, на моё счастье, все технические детали наших постельных приключений более опытная Варвара Степановна взяла на себя. Я лишь исполнял приказы моего знающего командира.

Через какое-то время, уже за полночь, вновь перелистав в голове статейку из БМЭ, я вдруг с ужасом понял, что мы

нарушили абсолютно все заповеди этой статьи, оказавшись при этом последними извращенцами. Даже если отвлечься от Морального Кодекса Строителя Коммунизма, наши действия обязаны были быть проштампованы клеймом "извращенцы". Тут вам и сознательно продолженный и многократный коитус, и развратные игры в непонятных позициях. Явная педофилия ко мне со стороны Варвары Степановны, и геронтофилия с моей стороны к ней. Не знаю насчёт некрофилии, но, судя по всему, она тоже присутствовала в наших отношениях. Одно то, что Варвара Степановна громко и истошно орала: "Ой, Иосик, помираю ..." – должно было перевесить весы советского правосудия в сторону обвинительного приговора.

На следующий день в шесть тридцать утра Варвара Степановна подняла меня с постели. Наскоро напоив меня на кухне чаем со вчерашними бутербродами, она пояснила, что вообще-то она "не такая ..." и всё, что случилось, следует забыть.

"Нет у нас с тобой будущего, Иосик», – пояснила Варвара Степановна, сказав по секрету, что, наверное, она скоро выйдет замуж, поскольку есть тут один хороший человек с достатком, который уже давно обхаживает её. Ну а то, что было вчера, то это вроде как её последний "девишник". Я кивал, молча соглашаясь с доводами Варвары Степановны. Уже возле входной двери как-то враз растерявшая свою привлекательность Варвара Степановна смахнула наворачнувшу-

юся слезу и словно выдохнула: "Люблю я тебя, Иосик. С первого дня, что тебя увидала. Будь я помоложе ..." После чего вытолкнула меня за дверь.

Вскоре я сидел в аудитории на очередной лекции по теоретической физике. Сосредоточиться на квантах и уравнении Шредингера я был не в состоянии. В голове прокручивался вчерашний день, точнее, ночь. Профессор стучал по доске мелом, с жаром выписывая какие-то уравнения. Мысли же мои витали где-то в другом месте. И вдруг я испугался. По голове словно грохнула мысль. А вдруг всё это записывалось и прослушивалось! Они же всегда говорят: "У нас везде уши!" А вдруг всё это серьёзно. Зачем-то же указана в Большой Медицинской Энциклопедии эта статья уголовного кодекса. Не зря же здесь сажают – неизвестно кого, неизвестно за что.

Однако испуг через секунду растворился. На смену пришло смешное видение. Я представил себе милицейского следователя. Непременно женщину, габаритами с Варвару Степановну, проводящую со мной в постели следственный эксперимент.

Я не выдержал и рассмеялся вслух. Достаточно громко, чтобы сидящие рядом со мной студенты, оторвавшись от конспектов, с удивлением посмотрели в мою сторону. Я сделал вид, что просто закашлялся. Кашлянул пару раз. Ребята вернулись к своим конспектам. Я ещё раз взглянул на доску. Профессор уже закончил вывод и доказательство уравнения

Шредингера.

"Чепуха это всё, – лишь подумал я, – скучно, неинтересно, бессмысленно, бездоказательно. И вообще, в этой жизни надо что-то менять ..."

По закону жанра, в конце рассказа следует сказать, что все персонажи вымышлены. Так что не подумайте чего... Ну и я тоже скажу. Все персонажи почти что вымышлены, кроме одного и самого главного – Большой Медицинской Энциклопедии.

Смотрины

Вообще-то слово "смотрины", конечно, неправильное. На невесту смотрят до свадьбы, а не потом. Но так уж получилось, что Мишка привёз невесту из России, тайно на ней здесь женился и теперь собирался нам её представить, познакомиться, ввести, так сказать, в свой круг.

"Тайно" – опять-таки плохое слово, потому что тайны-то особой не было. Он просто никому не сообщил, когда собирается зарегистрировать брак в Сити-Холле и никого соответственно не позвал. А потом он неожиданно объявился, обзвонил всех и пригласил домой к себе всех "наших" знакомиться. Ну пока мы тут собирались, перезванивались, договаривались, кто какой подарок несёт, кто-то ляпнул "смотрины", ну так слово это и приклеилось к сегодняшнему событию.

Я тут всё говорю "мы" да "наши". Чтобы понятно было, я вам расскажу о нас.

Мы все друзья "не разлей вода" из Москвы. Не совсем из одного двора, но почти. Кто-то был знаком по школе, кто-то по институту. Потом пошли девушки, невесты, жёны, и в результате получился круг из четырёх семей и двоих одиночек, сбитых вместе общими интересами и воспоминаниями едва ли не с самого детства. А потом уже, в 90-х, мы все один за другим перебрались в Америку. Не забывали, тянули друг друга, делились чем могли, и в результате все оказались в одном месте, в "golden state" – в Калифорнии, в силиконо-

вой долине. Я этим ужасно горжусь, и все мы гордимся, что мы вместе, что пронесли нашу дружбу через не один десяток лет. Только вот в нашем сплочённом коллективе неожиданно появилась трещинка. С полгода назад мы узнали, что Мишка развёлся, и теперь такая прекрасная, весёлая семья – Мишка, Ольга, дочка и собака – выпала из нашего коллектива. Теперь уже Мишку не пригласишь, вроде Ольгу жалко. А Ольгу звать – так без Мишки она нам и вовсе ни при чём.

Ольга во всём винит паршивую Америку и эту хай-тек компанию, в которой Мишка работает. Оно, конечно, "и да и нет". Но, наверное, она в чём-то права. Но давайте-ка я всё расскажу по порядку.

Мишка работает в здоровенной, известной во всём мире компании "World Informatik". Наверняка слышали о такой. Жена работает... Чёрт побери, не помню, где жена работает. Точно, все мы порядочные эгоисты. О каждом из наших парней всё знаю, а о жёнах практически ничего. Потому что когда мы собираемся, то только и слышишь – "я да я". А жёны вроде так, сбоку припёку, обуза, тратящая деньги на причёску да маникюр. Впрочем, где работает Ольга, действительно не важно, потому что речь как раз о Мишке.

Работает Мишка в "World Informatik" в QA департаменте уж давненько. QA расшифровывается как «кволити ашуранс». Проверяет на ошибки выпускаемую продукцию, в данном случае программное обеспечение для компьютеров. Привык к своему месту, к коллективу, кофейной машинке. И

вдруг в один прекрасный день разнеслись неприятные слухи, что в компании грядут сокращения. То есть выгонят процентов 5 наиболее ненужных работников. Хотя Мишка считал себя очень нужным и незаменимым работником, по крайней мере, он нас в этом уверял, тем не менее он напрягся. На работу стал приходить вовремя, с обеда больше не опаздывал, а после работы стал даже задерживаться на час-полтора. Возил по экрану компьютера окна, изображая большую занятость. Действительно слухи оказались правдой. Время от времени он встречал в коридорах каких-то людей с понурыми лицами и большими жёлтыми конвертами в руках – верный признак увольнения. Потом, через недельку, число таких людей поубавилось – видимо, кампания увольнений успешно прошла. Мишка было вздохнул с облегчением, как в понедельник с утра, открыв электронную почту, он увидел письмо из персонального департамента, помеченное красным цветом, что означало необыкновенную важность послания. Душа у Мишки ушла в пятки. Дрожащей рукой он "кликнул" на письмо и начал читать, ожидая самого худшего. Но никаких благодарностей за ударный труд и сожалений по поводу невозможности и дальше держать Мишку в компании там не было. Было лишь сухое сообщение, что Мишке следует завтра к 10 утра явиться на митинг, на котором будут присутствовать несколько человек, включая вице-президента компании. Первая волна испуга у Мишки прошла. Но тут же нахлынула вторая. Незнание пугала даже больше,

чем плохонькая правда. Особенно непонятно было присутствие на этом митинге вице-президента компании. Выгнать? Тогда зачем здесь вице-президент. Тут прекрасно обходятся прямым менеджером, человеком из отдела кадров, на худой конец, секьюрити-персоналом из охраны, для наиболее крикливых и строптивых неудачников. Повысить в должности, поднять зарплату? Опять же – при чём тут вице-президент. Всё прекрасно решается на нижнем уровне. А может, он, Мишка, случайно выдал какую-то важную тайну компании? Мишка буквально похолодел от ужаса. Сколько раз на наших посиделках он кричал, что без его резолюции компания не имеет права выпустить свою продукцию. Швырялся именами всяких там заслуженных-перезаслуженных, известнейших людей и всяческих миллиардеров. Нет, опять же не то. Не в ЦРУ же он работает, а фамилии этих людей и так всем известны. Ну тогда что же? Выручил его менеджер, хороший мужик. Проходя мимо Мишкиного кубикла, увидев Мишкино серое лицо и открытое письмо – email, менеджер остановился, потрепал Мишку по плечу и сказал: "Не волнуйся, Майкл. На этом митинге будут обсуждаться только позитивные новости."

– А что там будет? – Мишка попытался выудить какую-нибудь информацию.

Но менеджер лишь бросил:

– Майкл, я и так сказал тебе больше, чем имею право. Завтра всё узнаешь.

Мишка повеселел. Съездил пообедать в китайский ресторан, опоздав по старой привычке с обеда на полчаса. Ничего умного по поводу завтрашнего митинга в голову не шло, и поэтому он наконец сконцентрировался на работе. Ушёл домой уже вовремя, в шесть, чтобы успеть обо всём переговорить с женой и выбрать одежду для предстоящего митинга. Ольга также ничего умного не предположила, лишь резонно посоветовала не ходить на митинг в старых драных джинсах, а надеть брюки и нейтральную рубашку, но без галстука, дабы вице-президент не подумал, что Мишка лебезит и боится его.

На следующий день в 10 утра Мишка в компании менеджера и представителя отдела кадров сидел в конференц-зале – комнате для митингов, – дожидаясь вице-президента. Вице-президент опоздал минут на 10. Не здороваясь, он прошёл к своему месту во главе стола, потом бросил на Мишку оценивающий взгляд. Судя по всему, Мишкиным внешним видом он остался доволен, после чего сказал, обращаясь только к Мишке: "Привет".

"Привет" он сказал по-русски. Мишка прямо подскочил от удивления.

– Здравствуйте, – заговорил он тоже по-русски, – а я и не знал, что вы знаете русский язык.

Вице-президент не перебивал, дождался, когда Мишка остановится, и с улыбкой продолжил уже на английском.

– Извини, Майкл, но я совершенно не понял, что ты ска-

зал, потому что «привет» – это единственное русское слово, которое я знаю. Но начал я говорить по-русски не случайно. Как ты, как мы все знаем, дела в нашей компании идут замечательно, но тем не менее инвесторы желают, чтобы дела шли ещё лучше. Перед нами стоит задача уменьшить затраты и ещё больше увеличить производительность.

Все сидящие в комнате согласно кивали, хотя подобные откровения слышали постоянно на каждом общем компанийском митинге.

– Так вот, – продолжал вице-президент, – мы стали думать над тем, кто же может нам помочь в этом деле, и решили, что Майкл – это тот человек, на которого мы должны положиться.

Мишка согласно кивал вице-президенту, хотя никак не мог взять в толк, каким же образом он может помочь этой корпорации в деле повышения производительности труда.

– Нам пришлось пойти на необычайные лишения, – продолжал вице-президент, – и расстаться с большим числом нужных и преданных работников.

Мишка всё так же согласно кивал вице-президенту, внутренне поражаясь лицемерию этих американских бизнесменов.

– Мы сумели освободить значительные средства, – гордо подчеркнул вице-президент, – и деньги эти будут вложены в открытие офисов и бизнеса в России.

"Так вот оно что, – наконец-то сообразил Мишка и мгно-

венно повеселел, – как же я, идиот, сразу не догадался, о чём этот сыр-бор с митингом и вице-президентом. Вероятно, надо будет осуществлять связь с этими русскими отделениями. Класс! Тут уж точно никакой китаец или индеец не составит конкуренции».

Поймав искру ликования в глазах Мишки, вице-президент утвердительно хмыкнул и сказал:

– О вас, Майкл, здесь ходят самые лестные отзывы, включая характеристику вашего менеджера. В вашем резюме написано, что вы руководили большим коллективом в России.

Здесь Мишка нагло наврал в своём резюме. Указал этот невинный факт биографии для солидности. Никаким начальником ни в Советском Союзе, ни в России он не был. Последние два года перед отъездом в Америку, в 90-х, чтобы выжить и прокормить семью, он торговал свитерами на рынке. А в вычислительном центре числился для проформы.

– Так вот, мы открываем офис в Москве и предлагаем вам, Майкл, отправиться туда, – закончил фразу вице-президент.

Блеск ликования в Мишкиных глазах мгновенно потух. Мишке нравилось в Америке, и возвращаться в Россию, даже в качестве американского представителя, ему очень не хотелось. Этот исчезнувший блеск и выражение лица не укрылись от вице-президента, и потому он немедленно подсластил пилюлю.

– Вы понимаете, Майкл, что расходы мы сокращаем только лишь на иностранных работниках. К своим же специали-

стам мы продолжаем относиться по высшей категории. Вы продвинетесь в должности, ваша зарплата также значительно увеличится. Кроме того, вы получите компенсацию за все неудобства. Все это объяснит вам представитель персонал департамента. Так что, Майкл, советую вам хорошо подумать и в течение нескольких дней, а лучше 24-х часов, дать нам ответ.

После чего вице-президент поднялся, пожелал всем "гуд лак" и так же быстро ушёл, как и появился.

«Итого, – подвёл черту Мишка, уже сидя за своим столом. – Как бы командировка на 2 года. Зарплата выше в полтора раза, должность начальника – директор – такая же, как у моего менеджера. Двухкомнатная квартира в центре Москвы. Каждый год дозволено дважды бесплатно летать в Америку, не считая просто рабочих поездок. Совсем даже неплохо. И это ж не завербоваться на Север или на БАМ на пять лет и жить там в нечеловеческих условиях. Так что, пожалуй, надо соглашаться. А может, ну его к черту, – мелькнула мыслишка. – Денег, что ли, не хватает. Приятно всё-таки здесь, в красивом офисе, не сильно напрягаясь по поводу работы».

Мишкины размышления прервал его менеджер. Остановившись возле Мишки, он просто, без обиняков сказал: "Надеюсь, ты понял, Майкл, что это не предложение, от которого можно отказаться. Так что я советую тебе долго не думать. Ну, а когда созреешь, приходи ко мне, приноси своё ответное письмо. Поправим всю твою грамматику. К вице-прези-

денту должны приходиться письма без твоих обычных ляпов: "which" и "witch".

Мишкина жена также встретила эту вице-президентскую новость со смешанным чувством. С одной стороны, хотелось "утереть нос" друзьям и знакомым, в том числе из нашего сбитого коллектива. С другой стороны, потеря мужа, подмоги на целых 2 года. Ещё и нехорошее предчувствие зудело под ложечкой. Впрочем, Москва не Антарктида, тем более что там живут мама с папой. В отпуск летом и так летаем в Москву. Так что пришлось все свои беспокойства спрятать подальше и заняться сборами мужа в совсем не страшную дорогу, взяв с него обещание заходить к маме каждое воскресенье на обед.

По приезде Мишка тут же влился в работу. Работы действительно было "выше крыши". Переезд в новый офис. Добывать, устанавливать оборудование. Обучать работников системам от World Informatik. Избавиться от идиотов и бездельников. Рассортировать людей по группам. Поставить в руководство серьёзных работников, а не блатников и папиных сыночков. Заставить людей серьёзно относиться к запросам из американского центра, а не шаляй-валяй, как принято в России. Короче, Мишка работал и вечерами, и в субботу, и в воскресенье, изредка выкраивая несколько часов, чтобы съездить, как обещал жене, к теще на обед. Мишка действительно оказался великолепным руководителем, в противоположность когда-то едким замечаниям су-

пруги: "Куда уж тебе людьми руководить, если даже свитера продать не в состоянии». Продолжалась эта нервотрёпка с полгода. А потом всё заработало, всё пошло как по маслу. Оставалось лишь проводить еженедельные митинги, слушать доклады подчинённых и распекать кого-нибудь по мелочи, больше для проформы, для поддержки трудовой дисциплины. И тогда Мишке уже удалось поднять глаза, и он наконец обратил внимание на одну очень симпатичную девушку. Когда она проходила или задерживалась возле его стеклянного кабинета, Мишка подолгу пялился на неё и тоже иногда ловил её быстрые взгляды.

И вот однажды вечером, когда уже все разошлись, он увидел эту девушку, сидящую возле своего компьютера с заплаканным лицом. Мишка подошёл к девушке, поинтересовался.

– Мне поручено это сделать до завтра, а я не успеваю и не понимаю, – ответила она.

Мишка посмотрел на задание. В принципе, конечно, это задание было "плёвое", и, конечно, кому другому Мишка врезал бы по полной. Но сейчас Мишка лишь улыбнулся и начал легко, с азов пояснять проблему.

– Спасибо, Михаил Аркадьевич, огромное спасибо, – радостно лепетала девушка, – вы меня спасли, а то начальник нашей группы очень строгий. Я тут посижу, закончу, – сообщила она.

– Да не стоит, – Мишка вдруг обрадовался подвернувше-

муся случаю. – Я завтра скажу Алексею чтобы он дал вам еще несколько дней. Это не к спеху. Кстати, как вас зовут? – поинтересовался Мишка.

– Лена.

– Лена, – повторил Мишка, – какое замечательное, нежное имя. А давайте, Лена, я вас подвезу домой.

– Ну, может, не стоит, – слегка запротестовала Лена, – я ведь далеко живу.

– Ничего страшного, мы ж на машине. А пробок уже нет.

Мишка домчал Лену домой за полчаса, сэкономив ей час времени от общественного транспорта.

– Ну как я вам благодарна, Михаил Аркадьевич, – щебетала Лена, – как вы меня сегодня выручили.

– Зовите меня просто Майкл, – произнёс Мишка, желая слегка прихвастнуть своими американскими корнями. – Знаете ли, в Америке даже президента фирмы называют по имени.

– Хорошо, – согласилась Лена и игриво добавила, – я буду называть вас Майкл Аркадьевич, но только когда мы будем наедине.

Это последнее замечание приятно кольнуло Мишку. Но он лишь галантно пожал Лене руку и пожелал спокойной ночи.

Дальше сердечные события стали развиваться как снежный ком. Через несколько дней Лена, дабы отблагодарить Мишку, пригласила его на поэтический вечер. Дабы отбла-

годарить Лену, Мишка пригласил её в Большой театр, едва ли не на самые дорогие места. Чтобы отблагодарить Мишку, Лена пригласила его ещё куда-то. В качестве ответной благодарности Мишка пригласил её в субботу вечером в ресторан. Ну и дальше пошло-поехало. Встречались они уже часто, по субботам и воскресеньям. Мишка уже поднимался в её квартирку на кофе, где он уже пытался обнять, поцеловать и чего-то расстегнуть. Лена не очень сопротивлялась, но придерживала Мишкину руку и словно напевала своим нежным голоском.

– Майкл Аркадьевич, вам порааа... домой.

Ну а потом, подрассчитав, когда клиент созреет окончательно, Лена пригласила его к себе домой на ужин со свечами, который уже гармонично закончился в спальне.

Ну вы, наверное, поняли, что эти "сердечные приключения" я придумал. Меня не было ни в их спальне, ни в Мишкином офисе. И поэтому всё могло произойти куда проще: на каком-то корпоративе Мишка упился до чёртиков, и некая Леночка "сволонтирила" отвезти Мишку домой, где, собственно, и задержалась. Это, так сказать, второй вариант. Две совершенно противоположные, полярные последовательности событий. Скорее всего, всё было ни так и ни эдак, где-то посередине, потому что на полюсах никто не живёт, а все интересные события происходят ближе к экватору.

Так что, повторяю. Историю эту сердечную я не знаю, но не думаю, что Лена была какой-то сильно расчётливой. Да и

много тут в делах сердечных не считаешь. Просто любви никакой особой у Мишки к жене не было. Просто в своё время Ольга, тогда ещё Мишкина девушка, "ломалась" меньше других и потому забеременела. Ну а Мишке, как настоящему советскому джентльмену, пришлось из-за этого быстро на ней жениться.

Ну, а события развивались дальше. Мишка посещать тещу бросил, стал звонить жене всё реже. Разговаривал коротко и сухо, больше осведомляясь о собаке, чем о жене и дочке. На звонки почти не отвечал, всё время ссылаясь на занятость и тому подобное. Жена, естественно, заподозрила что-то неладное и решила как-нибудь невзначай попытаться всё выяснить. Но не желая раскрывать маме свои подозрения, просто позвонила ей и сообщила, что, мол, Миша мой так занят, так занят. Жалуется, что не может выбраться на обед к маме, покушать его любимого борща. Естественно, ничего не подозревающая старушка-мама в воскресенье утром отправилась через пол-Москвы к Мишке. Мишка тогда открыл дверь своей замечательной, двухкомнатной квартиры. Совершенно обалдевший, ничего не понимая, выслушал монолог о борще. Тещу в квартиру не пустил, сославшись на беспорядок. Кастрюльку борща всё-таки взял, пообещав вернуть её в ближайший выходной, и потом, разгневанный, звонил жене, ругаясь, что она подсылает к нему шпионов. А ещё через полгода явился в Америку к жене, умоляя её дать развод. Не знаю, что такого мог наобещать Мишка, тем более,

что никаких богатств у него не было. Просто пожалела Ольга, наверное, Мишку, как когда-то давно в студенческие времена, и снова отдала ему то, что он просил...

И теперь, ещё спустя полгода, мы собирались к Мишке то ли на смотрины, то ли "обмыть" Мишкино новое приобретение.

Собрались мы все почти что вовремя, без обычных опозданий на полтора часа, потому что всё ж таки было любопытно взглянуть на то, что Мишка привёз.

Когда я вошёл в его апартамент, почти все уже собрались. И я тогда увидел слегка суетящуюся на кухне девушку. Девушка действительно была "загляденье". Слегка выше среднего роста. На каблуках она была, пожалуй, повыше Мишки. Красивое личико. Тёмные каштановые волосы и очень приятный звонкий голосок. Я немножко даже порадовался за Мишку, потому что боялся, что его "охомутает" какая-нибудь блондинка с сильным пропитым голосом. У меня почему-то идиосинкразия на блондинок. Вероятно, тлетворное влияние американских шуток.

Эту же девушку можно было спокойно выпускать на конкурс "мисс Россия".

"Мальчики" – как называют нас наши женщины – вертелись на кухне, возле Мишкиной новой жены, словно прицениваясь и заодно подумывая на тему, не последовать ли, в конце концов, Мишкиному примеру. Жёны же, напротив, держались в отдалении, словно не принимая похитительни-

цу, выражая солидарность с ушедшей в небытие Ольгой.

Вскоре явился Игорь с женой. Потом ворвался запыхавшийся Женька вместе со своим вечным компьютерным чемоданчиком. Можно было садиться за стол. Мишка не стал испытывать кулинарные способности жены и просто закупил все блюда в китайском ресторане. Так что всё было почти, как всегда. Водка – "Абсолют" – шведская, еда – китайская, вино для дам – калифорнийское. Упились все достаточно быстро. Каждый хотел произнести тост, вручить подарок. Женщины тосты, естественно, не произносили из солидарности к Ольге. Но и они, в конце концов, раскраснелись, разговорились и, пожалуй, уже более тепло относились к Лене. Лена корректно помалкивала. Так что Мишке в пору было праздновать победу – Лену приняли в коллектив.

После еды, но в перерыве перед "сладким", Мишка решил показать фотографии свадеб. Да, свадеб было две. Одна в России, другая – скорее, просто регистрация – здесь, в Америке. Мы сгрудились возле компьютера. Мишка сидел в кресле, листая фотографии. Рядом стояла Леночка, радостно давая пояснения к очередной фотографии.

Вот он, Мишка, в тройке с бабочкой. Вот она, невеста, в белоснежном платье. А вот – её гордость. Лена прямо захлёбывалась от восторга. Леночка и Мишка, счастливые, улыбающиеся, стоят рядышком. Возле неё – православный священник в своей золочёной ризе. А рядышком с Мишкой, по правую руку – раввин. Тоже всё, как положено: в чёрной

шляпе с пэйсами, с талмудом под мышкой. Над ними всеми возвышаются расписные воротца со всякими жар-птицами и тройками, гармонично переходящими в еврейские письмена. Мишка гордо сообщил, что всё это организовывала Лена, и радостно подивился её изобретательности. Конечно, по мне – всё это выглядело слегка weird, очень по-голливудски. Но всё же весьма оригинально.

Потом ещё полистали московские фотографии и перешли к американскому циклу. Завидев Сити-Холл со знакомыми лестницами, кто-то задал вопрос:

– Зачем второй раз регистрироваться? Вы что – не жены?

– Да нет, – сообщил Мишка, – Лена приехала сюда по визе невесты.

– Почему? Женька, объясни! Ты понимаешь что-нибудь?

Женька – это как бы наш адвокат – лойер. В Союзе он закончил юридический. Работал там, правда, непонятно где, особенно в годы разрухи. Но по приезде сюда занялся своей адвокатской карьерой. Без особых успехов, к сожалению. Что-то закончил, но всё никак не может сдать какой-то борд и поэтому работает «лигал-ассистент» – это что-то вроде секретаря у какого-то лойера. Делает работу адвоката, а получает гроши – как постоянно жалуется Женька.

– Всё правильно сделали! – авторитетно заявил Женька.

Он был уже хорошо поддат, но ещё кое-как соображал и был страшно горд, что наконец-то обратились к его лойер-

скому опыту.

– Американскую визу для невесты – Кэй ван – оформить – раз плюнуть, – сообщил он. – А то пока там будешь разбираться со всякими справками, загсами и прочим. Эту ж клоунаду к делу не пришьёшь!" – выпалил он, имея в виду фотографию со священником и раввином.

Его последнее замечание неприятно резануло слух, особенно на фоне той гордости, с какой Леночка описывала свою свадьбу. Лена даже немного осеклась, но потом, пересилив себя, вернулась к своему рассказу. Мишка уже демонстрировал фотографии из местного Стит-Холла. Мишка был в костюме попроще. Лена всё в том же свадебном платье. По общему виду фотографии сходили за папу и дочку перед свадебной церемонией. Собственно, по возрасту это было почти правдой. Мишка был старше своей невесты лет на двадцать. Впрочем, ни Мишку, ни Лену это абсолютно не смущало. Мишка перелистнул ещё фотографию, и мы увидели наших молодожёнов в компании какой-то странной пары. Я бы назвал их weirdo. Растатуированная с головы до ног, парочка была одета в открытую одежду, специально демонстрируя все детали татуировок. В мочки ушей жениха были вставлены здоровенные чёрные кольца, как у воинов африканских племен. Девушка же удовлетворилась небольшой подковкой в носу.

– Неправда ли, очень мило, – щебетала Леночка, – у нас свидетелей не было, и мы попросили сфотографироваться с

нами вот эту вот пару.

– Да-да. Леночка у меня такая выдумщица, – гордо произнёс Мишка, с восхищением глядя на свою жену. Фотографии кончились. Мы вернулись за стол, всё ещё обсуждая оригинальности русской и американской свадеб.

И тут неожиданно-негаданно влез Женька. Он уже практически "не вязал лыка". Но лойерская его сущность никак не хотела засыпать.

– А пренапчуал агримэнт вы оформили? – обратился он то ли к Мишке с Леной, то ли ко всем собравшимся.

– А что это такое? – спросил Мишка.

Женька лишь презрительно махнул рукой, показывая своё лойерское превосходство.

– А это чтоб тебя как липку не обобрали! – победно прокричал Женька. – А то вот столько таких вот случаев было! Дайте я пару историй расскажу из нашей практики.

– Заткнись, Женька, пошёл на хрен! – закричал кто-то из-за нашего стола. – Сейчас по рылу схлопочешь.

Но Женька уже вошёл в раж. Отбиваясь от рук, пытающихся вытащить его из-за стола, Женька продолжал то ли выкрикивать, то ли повествовать свои жизненные истории.

На Лену было жалко смотреть. Она сидела молча, кусала губы, уставившись в тарелку. Наконец-то Женьку выставили из-за стола и отправили в ванную умыться и протрезветь. Однако мир и спокойствие за нашим столом продлились недолго. Через минуту Женька выбрался из ванной и

на подгибающихся ногах опять устремился к молодожёнам. Вероятно, сейчас Женька видел в них своих клиентов и боялся упустить. Он добрался до стола. Шлепнул перед Мишкой свою визитную карточку и заорал:

– Когда будете разводиться, прямо к нам. Оформим всё в лучшем виде.

Лена выскочила из-за стола и бросилась к входной двери. Потом, сообразив, что бежать-то всё равно некуда, рыдая, метнулась в спальню. Наши женщины тоже, как по команде, выскочили из-за стола. Если в начале нашей вечеринки им хотелось слегка наказать самозванку, то теперь женская солидарность оказалась выше семейных неурядиц. Женьке надавали оплеух и выкинули за дверь. Туда же полетели его курточка и бесценный компьютерный чемоданчик. Потом все женщины устремились в спальню. Из-за закрытых дверей лишь доносились сдавленные рыдания и обрывки фраз. "Люблю, люблю, и почему вы мне все не верите!"

Потихоньку рыдания стихли. Наши женщины, словно мамы-наседки, отвели Леночку в ванную, смыли растёкшуюся тушь, привели в порядок и усадили на место. Разговор уже не клеился, но просто подняться и уйти, после того что случилось, было бы неудобно и некрасиво. Да к тому же мы ещё не попробовали сладкое. Леночкину шарлотку, яблочный пирог, который так расписывал Мишка.

Все сидели, перебрасываясь случайными фразами, пока кто-то не заговорил насчёт машины. И опять все тогда загал-

дели, обсуждая оптимальные варианты покупки автомобиля для Леночки. Вариант покупки подержанной машины, "которую не жалко", Мишка сразу отверг.

– Моя жена не будет ездить на старой машине, – отрезал он.

Вариант покупки дешёвенькой и надёжной Тойоты Короллы тоже не вызывал большого восторга.

Обсуждались и другие варианты. Леночка уже совсем успокоилась. Глаза высохли. Она молчала и, наострив ушки, внимательно слушала. Всё происходящее напоминало ситуацию, когда ребёнка только что отшлепали и теперь "провинившиеся" родители решают, какой же новой игрушкой наградить своё чадо.

Наконец, взял слово Лёначка. Лёначка в нашей компании самый "продвинутый", самый успешный. Он вице-президент в одной, как он уверяет, международной корпорации. На самом деле, Лёначка просто любит "пофарсить". Это у него с детства. Вице-президент он только на своей визитной карточке, на которой его имя и должность вице-президента напечатаны большими буквами. Название компании – мелкими. И правильно, потому что в переводе на нормальный язык эта компания есть не что иное как "Рога и копыта". Но для Лёначки это не важно, как не важно и то, что в подчинённых у него нет ни одного человека. Главное – это внешний лоск.

– Так вот, – сообщил Лёначка, – любая уважающая себя семья должна иметь две машины. Первая – семейная – Мер-

седес-внедорожник, на котором не стыдно и по городу поездить, и чисто утилитарно поехать в горы на лыжах покататься. Другая – должна быть хорошая спортивная машина.

По сути, Лёначка сейчас описывал автопарк своей семьи.

– Спортивных машин есть много, разных и неплохих. Но лучше других, конечно же, машина Ауди ТТ!

Лёначка совсем недавно приобрёл эту машину и теперь желал ею прихвастнуть.

– Красивая, надёжная, удобная, мощная. А каков звук двигателя! Над этим немецкие инженеры особо поработали. Подъезжаешь куда угодно, и люди тут же на тебя завистливо оглядываются.

Насчёт этой машины я имею абсолютно противоположное мнение. Машина – дрянь. Катался я на ней, когда Лёначка меня куда-то подвозил. Сидишь низко, задница словно на дороге. И вообще непонятно, ты сидишь или лежишь. Две двери. Влезать, вылезать неудобно.

Но я, естественно, сидел и молчал. Во-первых, у меня никто не спрашивал, а хвалиться своей старенькой Хондой было явно не к месту.

– Машина у меня здесь, внизу, – гордо сообщил Лёначка. – Можно посидеть, посмотреть, сделать тест-драйв.

– Какой ещё тест-драйв! – закричала Лиза, Лёначкина жена. – Ты ж бутылку водки уже выпил. Как домой поедем. Ты что – не мог взять сюда Мэрс? Я твою машину со стыком водить не умею!

– Ладно, – отмахнулся Лёнечка. – Доедем как-нибудь. Сейчас просто посмотрим, посидим в машине.

Несколько человек, включая Леночку, вышли из-за стола и выскользнули за дверь. Ещё через несколько минут мы слышали невозможный ни с чем перепутать рёв удаляющейся спортивной машины.

– Уехал-таки, дурак! – с беспокойством сказала Лиза.

Входная дверь открылась, и на пороге показалась группка наших ребят.

– Маленький тест-драйв, – виновато сообщил Игорь.

Мы посидели ещё минут десять. Мишка начал слегка беспокоиться, прислушиваясь к звукам снаружи.

– Где же их носит! – то ли спросил, то ли объявил он.

В ту же секунду раздался телефонный звонок.

Мишка взял трубку и растянато произнёс: "Ааа-лёоо". Потом его лицо побледнело. Он оторвал трубку с телефоном от уха и лишь прошептал:

– Они попали в аварию.

– Что, где? – наперебой зашумели ребята.

Но Мишка уже ничего не соображал. Он впал в ступор, стоял неподвижно, всё так же держа телефон в полуметре от уха. Первым очнулся Игорь. Он подскочил к Мишке, вырвал у него телефон и закричал в трубку:

– Слушаю, что случилось.

Что произошло, мы не понимали, потому что Игорь лишь отрывисто произносил:

– Хорошо, хорошо, понял, понял... Сейчас выезжаю! – громко сказал он, заканчивая разговор. Потом похлопал себя по карманам и обратился к жене: – Надя, дай ключи.

– Не дам! – закричала Надя. – Ты же пьян, бутылку водки выпил. Куда поедешь?

– Дай ключи! – заорал Игорь. – Спасать надо, срочно!

– Не дам! – отрезала Надя. – Ещё одного трупа не хватает!

Начавший приходить в себя, Мишка завыл дурным голо-
сом:

– Что случилось? Только правду скажите!

– Заткнись, дура! – уже вне себя орал Игорь. – Что ты несёшь! Какие трупы! Все живы! Дай ключи.

Я выскочил из-за стола.

– Поехали. Только дорогу показывай. Я здесь плохо ориентируюсь.

Мы скатились по лестнице, влетели в мою машину и быстро покатали по тёмным улицам. Игорь вкратце пересказывал только что произошедшую историю. Лёничка с Леной погоняли по улицам, по хайвэю. Потом уже собрались домой, и Лёничка тут предложил самой Лене повести машину, оценить, так сказать, все её прелести. Лена начала разворачиваться. Перепутала заднюю скорость с передней и случайно нажала на газ. Машина рванула и впилилась в зад какому-то ржавому минивэну, стоящему перед гаражной дверью какого-то дома. Они не побились, были пристёгнуты, да и скорость-то было никакая. Но достаточная, чтобы переломать

передок и вывернуть переднее колесо. Переднее колесо стояло едва ли не под 90 градусов к движению. Лёничка попытался сбежать с места происшествия. Машина-то спортивная, заднеприводная, задние колёса крутятся. Но переднее колесо не давало ехать. Так что юзом они проехали метров сто, завернули за угол и теперь где-то там прячутся, ожидая, что сейчас явится полиция. Лёничкины проделки тянули на большие проблемы. Пьяная авария, попытка сбежать обеспечивали Лёничке ночь в полицейском участке. Да и Лёничке было б тоже несдобровать. Полиция не будет долго разбираться. Руки за спину, наручники и приятное завершение медового месяца в камере с уголовниками и просто пьяной публикой, прихваченной за Ди-Ю-Ай.

Мы свернули на нужную улицу. Она была пустынной – несколько машин, припаркованных на обочине. А вот и Лёничкина гордость – спортивная машина с четырьмя колёшками, разбитым носом и вывернутым наружу колесом.

Мы остановились рядом. Где же они? В ту же секунду из тени стоящего рядышком дома отделились две тени и устремились к нам. Туфля на высоком каблуке слетела с Лёничкиной ноги. Лёничка попыталась её подобрать, но Лёничка схватил её за руку и едва ли не волоком потащил к машине. Перепуганные до смерти, они влетели в машину, уже на ходу захлопывая дверь.

– Быстрее, быстрее! – истерически орал Лёничка.

– Ну да, – возразил я, – ты хочешь, чтобы нас останови-

ли за спидинг и заодно поинтересовались, кто машину там бросил?

Лёничка осёкся. Мы медленно, останавливаясь на всех стопах, ехали домой. Лёничка лишь тихо бубнил, что нечего садиться за руль, коли водить не умеешь. Леночка молчала и лишь потирала руку. Вот, наконец, уже знакомый нам апартамент-комплекс. Мы въехали внутрь двора.

– Надеюсь, ты хоть сейчас сумел оценить все прелести моей машины, хоты бы в деле эвакуации пострадавших? – попытался сострить я. – Как бы вы запрыгивали в твою машину с двумя дверьми?

– А туфлю можно было подобрать, – в тон мне заметил Игорь, – всё ж таки вещественное доказательство.

Леночка наш юмор уже не оценила. Мы поднялись на второй этаж и вошли в Мишкин апартамент. Мишка бросился к Леночке с криком: "Как я переживал", – и попытался обнять её. Леночка лишь холодно отстранилась, прошла в ванную и заперлась там. По всей видимости, наш "весёлый" вечер, или как мы там его обозвали – "смотрины", был закончен. Это уже понимали все. Гурьбой мы повалили к выходу. Леночкину гордость – сладкую шарлотку – мы так и не попробовали.

– В другой раз, – пообещал Мишка, выпроваживая народ. Здесь можно было бы остановиться и поставить жирную точку или добавить заключительную фразу из русских народных сказок, типа «и стали они жить-поживать и добра

наживать" или что-нибудь другое – «и прожили они, душа в душу, 100 лет и 100 дней и умерли в один день и один час." Но дело в том, что 100 лет с той поры ещё не прошло. Все слава богу живы-здоровы, да и в Америке тебе никто не позволит просто так вот "жить-поживать". Ну и ещё, может, заинтригованный читатель возьмёт да спросит: "Ну а дальше-то что было?"

Так что, давайте-ка продолжим ...

*****

Расплата

Со времени той самой, не очень удачной вечеринки прошло года полтора. Как-то вечером сидел я у себя в апартаментах, щёлкая каналами телевизора, как кто-то позвонил в дверь.

"Кого ещё могло принести?" – удивился я и пошёл открывать.

На пороге стоял Мишка. Выглядел он прекрасно. Намечавшийся ещё несколько лет назад животик полностью исчез. Из-под футболки выглядывала мускулатура. Сказались ежедневные полуторачасовые тренировки в спортзале. Его компания World Informatik имела в своём здании джим, в котором в любое время могли заниматься сотрудники. Мишкины волосы были качественно покрашены в чёрный цвет. Не отличишь от натуральных. Так что Мишка мог сойти уже

не за Леночкиного папу, а за старшего брата. В крайнем случае, за слегка пожилого бойфренда.

– Выпить есть? – без обиняков начал Мишка.

– Пива?

– Чего-нибудь покрепче. Можно без закуски.

Я налил Мишке рюмку коньяка. Он залпом проглотил его.

– Случилось что-нибудь?

– Случилось, – сообщил Мишка. – Это я, дурак, во всём виноват! – всхлипывая, продолжил он и начал рассказывать.

Тут я не буду размазывать Мишкины сопли по бумаге и в двух словах опишу, что случилось за последние полтора года.

Леночка с Мишей стали жить нормальной эмигрантской жизнью. Леночка сдала на права. Ей купили нормальную машину, всё-таки Тойоту Короллу. Начала посещать курсы английского языка. Английский пошёл у неё здорово. Всё-таки в 25 лет всё учиться гораздо легче, чем в 40 или в 50. Занялась хозяйством и стряпнёй. В смысле – научилась разогревать замороженные обеды, а также ездить за покупками по магазинам, чтобы на следующий день возвращать их обратно. По вечерам она ждала мужа, чтобы поужинать, обсудить текущие дела и поговорить о планах на будущее. По выходным они гуляли по ближайшим паркам. Катались на велосипедах. Вечером по субботам, у них давно это было заведено, ужинали вдвоём при свечах. Продолжалась эта идиллия где-то с год, а потом Лена заметно заскучала. Ужины при све-

чах, а также прогулки под луной ей осточертели. Мишка попытался разнообразить быт путём каких-то дополнительных развлечений – ввести культурную струю в их идиллию. Ничего хорошего здесь, правда, не получилось. Лена была не в восторге от русских концертов, где средний возраст зрителей лет 60, да и тематика этих русских заезжих юмористов типа Жванецкого сильно напрягала. Попытались влиться в американскую культурную жизнь. Опять же без результата. Сходили на концерт Кристины Агилеры. Но Мишке это самому не понравилось. Кругом молодёжь. Орут, веселятся, танцуют. Леночка тоже сбежала в проход танцевать. А Мишке-то что делать? Танцевать вместе со всеми? Глупо. Всё равно, что синьор ситизен на танцплощадку выполз. Ему б лучше сидеть среди своих, аплодировать плоским шуткам Жванецкого. Так что вопрос стал ребром, прямо по Чернышевскому: "Что делать?"

Тут собственно две вещи – либо заводить детей, либо начинать Леночке трудовую деятельность. Детей заводить Мишка категорически не хотел. Так что выбора, собственно, и не было. Английский язык у Леночки уже вроде "ничего". Компьютер вроде как знает. Всё ж таки не зря у Мишки в Москве в офисе работала. То есть могла отослать Мишке e-mail с концовкой "Love you" и «приаттачить» свою фотографию в неглиже. Так что Мишка сработал Лене приличное резюме и начал его по компаниям рассылать. И действительно, телефон в их квартире начал временами позванивать. Тут я

перейду на Мишкину прямую речь, поскольку тут он хорошо описал, что произошло.

– Назначено ей, значит, интервью на завтра. Я ей говорю: "Сиди, готовься. Если что непонятно, звони мне, объясню». Приезжаю вечером и вижу. Вместо того чтобы сидеть с книжками, она съездила в Мэйсис, накупила кучу одежды, мерит всё, вертится перед зеркалом. Я ей говорю: «Ну ты бы посидела хоть чуть-чуть, к завтрашнему интервью бы подготовилась».

А она смеётся и говорит: "Так вот я и готовлюсь».

Я ей опять: "Ну возьми почитай хоть что-нибудь попроще, ну хотя бы QA для идиотов».

Она как разозлилась на меня, повернулась и говорит: "Если в этом доме и есть идиот, так это ты!"

Ну я не выдержал, кричу: "На что это ты намекаешь?"

Ну и выдал ей на всю катушку. Ну она мне тоже наговорила. Короче, хлопнул я дверью и ушёл. А теперь не знаю, что делать.

– А я-то тут при чём? – я спросил Мишку. – Ты ссорился, ты мирись.

– Да не могу я, – чуть не плача прохрипел Мишка, – я звоню, а она трубку тут же бросает. Ну будь другом, позвони, объясни, – начал упрашивать Мишка. – Она тебя уважает, можно сказать, любит с тех пор, как вы с Игорем её на той вот вечеринке спасли.

– Ну, хорошо, – согласился я. – Давай телефон, позвоню. Мишка услужливо набрал номер и передал мне трубку.

– Леночка, это вы? – вежливо и почти официально начал я. – Можно с вами поговорить?

– Конечно, можно, – кокетливо сообщила Леночка. – Я всегда вам ужасно рада. Почему вы к нам не заходите?

– Да знаете ли, – смутился я, – дел всегда всяких полно. Работа и прочее.

– Понимаю, понимаю, – по-актёрски сообщила Леночка. – Миша у вас? Это он вас просил позвонить?

– Да не в том дело, – продолжил я. – Просто ссора у вас вышла из-за ерунды. Он ничего плохого не имел в виду. Просто есть такая серия книжек в Америке, жёлто-чёрного цвета, где всё просто и понятно объясняется. И называются они всегда одинаково: что-нибудь для идиотов. Ну и книжка по вашей специальности тоже – «QA для идиотов».

Я замолчал, ожидая ответную реакцию Леночки.

– А... – протянула Леночка, – тогда понятно. Ну хорошо. Тогда скажите Мишутке, что я на него больше не сержусь.

– А это вы ему уж сами скажете, – ответил я и протянул Мишке трубку.

Мишка стоял рядом, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, словно в очереди в туалет в пивнушке.

Он выхватил у меня трубку.

– Да, да. Дурак я набитый, – доносились обрывки фраз. – Ласточка ты моя, солнышко ты моё. Бегу! Лечу!

Он рванулся к выходу. На пороге уже обернулся и бросил мне:

– Спасибо друг. Я знал, что ты меня выручишь! – Потом замолк и то ли в шутку, то ли всерьёз сообщил: – Женить тебя надо. У моей Лены в Москве такие подруги есть. Красавицы. Пальчики оближешь. Короче, займёмся тобой обязательно!

– Непременно! – подтвердил я. – Ты только вот позвони завтра, сообщи, чем интервью кончилось.

– Обязательно! – прокричал Мишка и исчез за дверью.

Он не позвонил ни завтра, ни послезавтра. Но позвонил через две недели и, захлёбываясь от восторга, закричал:

– Я не забыл тогда. Просто решил дождаться результатов. И, представляешь, невероятно. Три интервью – три предложения на работу!

– Да, невероятно, – подтвердил я. – У тебя жена, оказывается, не только красавица, но и умница, и большой специалист.

– Точно! – подтвердил Мишка, так и не поняв иронии. – Счастливый билет, можно сказать, вытянул. Ну ладно. Бывай, заходи, не теряйся.

С той нашей встречи прошёл, наверное, ещё годик. И снова вечером раздался входной звонок.

"Опять Мишка», – подумал я и пошёл открывать дверь.

На пороге стоял радостный и поддатый Женька.

– Всё, сдал! – с порога заорал он. – Борд сдал. Теперь я

настоящий лойер!

Он оттолкнул меня и ворвался в комнату.

– Выпить надо, отметить это дело! – продолжил он и без спросу полез в шкаф.

Он вытащил бутылку коньяка, не найдя рюмок, плеснул коньяк в кофейные чашки. Мы хлебнули коньяку.

– Всё, завтра же пойду к шефу и плюну в его поганую рожу. Хватит издеваться! – радостно продолжал он.

– Ты сначала найди другую работу, а потом плюйся, – попытался вразумить я его.

– Теперь уж найду точно, – сообщил Женька и снова заорал. – Давай пойдём к кому-нибудь, хоть как-то отметим. Ну, хоть к Мишке, например. Он тут недалеко живёт.

– Можно, – согласился я, решив, что в компании будет веселее. – Позвонить только надо.

– Не надо! – отрезал Женька – А то он начнёт отнекиваться. Возьмём и придём, не выгонит же.

Определённый резон в словах его был. Я быстренько оделся, и мы выскочили на улицу.

Открыл нам Мишка. Не совсем приветливо выслушал Женькину новость, но всё же провёл нас на кухню. Бутылка коньяка у нас была с собой. Бутылку водки достал Мишка и поставил разогреваться замороженные обеды.

Мы сидели, по обыкновению трепались, строили Женькины планы на будущее. Мишка уже тоже перестал хмуриться, развеселился.

– Лена-то где? – спросил я.

– В офисе задерживается. Говорит, работы много, – сообщил Мишка.

Мы допили коньяк. Начали бутылку водки. Время уже приближалось к одиннадцати. По-вежливому, можно было б валить по домам. Но Мишка не гнал, Лены всё равно не было, сидеть было приятно.

Наконец послышался звук ключа открывающей дверь, и на пороге появилась цветущая Леночка. Мишка поднялся и тут же бросился к ней.

– Ты где была? – сходу выпалил он.

– Не на Луне, на работе! – попыталась отшутиться Леночка.

– А я, между прочим, звонил, – продолжал Мишка, переходя уже на более высокие тона. – Почему не брала трубку?

– А я что – на месте сижу, дожидаясь, когда мой муженёк позвонит? – в тон ему ответила Лена.

– А мобильный телефон?

– А мобильный телефон у меня разрядился, – тут же нашлась Леночка.

Мишка на секунду задумался, словно не зная, чем крыть. И вдруг, принявшись, закричал:

– А вином от тебя почему пахнет?

– А от тебя водкой несёт! – отрезала Лена.

– Так мы с друзьями Женькин борд отмечаем.

– А мы отмечали окончание проекта! – нашлась Лена.

– Какого ещё проекта! – заревел Мишка. – Ты же неделю назад говорила, что вы отмечали начало проекта!

– Только не устраивай мне сцены ревности. Друзей бы своих постеснялся! – визгливо прокричала Леночка и юркнула к себе в спальню.

Мишка бросился за ней.

– Отпусти руку, дурак, мне больно. Синяки оставишь! – лишь услышали мы крики Леночки, переходящие в глухие рыдания.

Потом ещё через несколько мгновений послышался виноватый Мишкин сбивчивый говор.

– Прости меня, солнышко. Прости меня, ласточка. Это всё ж от любви к тебе...

Мишкин монолог всё так же прерывался Леночкиными глухими рыданиями и обрывками фраз.

– Всё кончено. Надоело. Завтра же уезжаю к маме.

Мы похватали наши вещички и выскочили на улицу. Возле машины мы остановились покурить и обсудить только что увиденную сцену.

– Ты знаешь, – сказал я, – я тут анекдот вспомнил, по моему, очень подходящий.

– Давай, рассказывай, – заинтересовался Женька.

– Ну, спорят трое мужиков, у кого жена больше зарабатывает, – начал я. – Один говорит: «У меня жена – профессор», – другой говорит: «У меня жена – академик». А третий говорит: «А у меня жена на секретном заводе работает. Их

там специально водкой поят, чтобы ничего не помнили. Вот она и приходит каждый день пьяная, ничего не помнит. Но деньги хорошие приносит».

Женька начал так ржать, что окна в комплексе пооткрывались, и оттуда начали высовываться головы, привлечённые Женькиными воплями.

– Классный анекдот! – сообщил Женька. – Сейчас пойду Мишке расскажу.

Я ухватил его за ворот.

– Не вздумай! – заорал я. – Ты однажды тут скандал устроил. Лучше я тебя домой отвезу. За машиной завтра ко мне на автобусе приедешь.

– Ну, ладно, – согласился идиот Женька, устраиваясь на переднем сиденье моей Хонды. – Мишке не буду рассказывать. Но всем нашим ребятам точно расскажу.

Прошло ещё годика три. Мишка совсем отбился от коллектива. Да и мы тоже встречались всё реже. Дела, у семейных дети почти взрослые. Новые проблемы. И вот однажды, проходя мимо детской площадки, я увидел Мишку.

Я вошёл в воротца и приблизился к нему. Мишка поздоровался со мной, хотя и без особого энтузиазма. Выглядел Мишка неважно. За три года он сильно пополнил и обрюзг. Набрал не меньше 30 фунтов. Живот теперь явно вываливался из-за пояса. Усталое лицо, мешки под глазами. Краситься Мишка перестал, и теперь уже сильно поредевшие волосы приобрели серовато-пепельный оттенок.

– Работаешь? – спросил я, не зная, о чём говорить.

– Работаю, всё там же, – безучастно произнёс Мишка. – Проект наш русский прикрыли. Всё переводят в Индию. Посмотришь вокруг на работников – всё черным-черно. Меня пока ещё держат, но не знаю надолго ли.

– А Лена как? – начал я.

Мишка лишь отмахнулся, давая понять, что говорить на эту тему не желает. Мы ещё немного помолчали.

– Ну дочку хоть покажи, – попросил я.

Мне говорили наши, что у Мишки пару лет назад родилась девочка. И Мишка вдруг неожиданно оживился.

– А вот она... Лизонька! – позвал он. – Или Лайзочка, по-американски, – пояснил Мишка. – Мы её в честь моей мамы назвали.

Я посмотрел на Мишкину дочку. Дивная девочка, красавица. Слегка раскосые глазки на смуглом точёном личике. Мишка мой пристальный взгляд расценил по-своему.

– У Лены в родне татарские корни, – пояснил Мишка. – Она мне об этом говорила.

Потом он немного помолчал и вдруг выпалил.

– Я знаю, о чём вы все там говорите! Мол, поделом. Так знайте. Мне всё равно, от кого моя дочка. Потому что она моя, и никто мне больше не нужен!

И словно в подтверждение его слов к Мишке подбежала его Лизонька-Лайзочка, протянула ему свои ручонки и закричала:

– Папа, папа!

Мишка подхватил дочку на руки и начал гладить её с какой-то совершенно не свойственной Мишке нежностью.

И тут я понял, что было нужно Мишке, что он искал все годы. Ему лишь хотелось, чтобы его кто-то любил. Ни за что-то, а просто так. Просто за то, что он есть.

—

Приключения перелётчика

Перелётчик? Нет такого слова! – вы скажете. И будете правы, потому что есть старое, известное, ёмкое слово – "переребежчик".

– А если человек не бежал, а полз. Тогда кто это?

– Переползчик!

– А если плыл?

– Переплывщик!

– А если летел? Кто он?

+++++

Мой друг Юра Сазонов был лётчиком. Более того, военным лётчиком. Дело было не очень громким. В каком-то смысле достаточно обыденным, чтобы о нём не упоминалось в средствах массовой информации, но тем не менее достаточно нашумевшим в узких лётчических кругах. Зачем он это сделал, была ли какая-то цель? Юра мне это никогда не объяснял. Но и скупая фраза "так получилось" тоже ни о чём не говорит. Из разговоров, из случайно брошенных фраз я понял, что всему виной была ленинская работа "Материализм и эмпириокритицизм". Те, кто помоложе, с этой бредятиной, конечно же, не знакомы. Те, кто постарше, естественно, знакомы, естественно, сдавали зачёт, естественно, не читая, естественно, не перевернув ни единой страницы. Я вообще подозреваю, что кроме докторов философии, наборщиков в типографии, да ещё одного политрука – зам. по политработе эскадрильи, где служил Юра – эту великую работу вообще никто не читал. Естественно, что там, в этой работе, ничего

не было сказано, что нужно так вот взять и улететь. Дело было в другом. Когда случалось очередное ЧП с перелётом какого-нибудь лётчика к врагам. Такое случалось не очень часто, но вовсе не так уж редко. Тогда с самого центра спускалась очередная директива: "Усилить воспитание патриотизма, улучшить ..., углубить..." – и так далее. Как усилить и что улучшить, директивы, естественно, не поясняли.

Разбирайтесь сами на местах. Ну а на местах разбирались – кто во что горазд. Кто-то считал, что лучше всего воспитывает патриотизм рытьё окопов. Другой считал, что нет ничего лучше, чем штудирование уставов. А вот замполит эскадрильи, где служил Юра, почему-то решил, что нет ничего лучше, чем изучение этой великой Ленинской работы. Поэтому, когда в очередной раз в Ленинской комнате собирали летный состав и там лежали материалы по "материализму с эмпириокритицизмом", все лётчики уже догадывались, что какой-то их коллега взял да "махнул" на запад. Естественно, что в Ленинской комнате политрук обо всём этом помалкивал. Но когда народ выходил покурить, то кто-то непременно спрашивал: "Товарищ майор, расскажите, что случилось-то». А у товарища майора самого чесался язык. Так уж хотелось поделиться этой тайной. Поэтому, стоя у ведра с песком, полным окурков, товарищ майор – замполит, понизив голос, сообщал: "Вы только, ребята, не продайте меня», – и полушёпотом излагал детали очередного побега.

Юра мне так и пояснил. "Слушали, обсуждали, посмеива-

лись. А потом я для себя решил. А я что – хуже? Представится случай – улечу». Улетать, впрочем, было пока некуда. Эскадрилья стояла на Дальнем Востоке вблизи китайской границы. Охраняла покой советских граждан от хунвэйбинов или чего-то им подобного. В Китай лететь не хотелось, и потому всё, что мог сделать Юра, – это тихонько подучивать английский язык, пользуясь английскими газетами "Morning Star" и "Moscow news". Мало кто обращал внимание на эту блажь какого-то лётчика, потому что от скуки там было "хоть песню пой, хоть волком вой." Единственный раз – вспоминал Юра – к нему подошёл всё тот же политрук и поинтересовался. "Чего это ты, Сазонов, английские газетки читаешь? Уж не бежать ли собрался?" На что Юра отчеканил громким командным голосом: "Никак нет, товарищ майор. Изучаю язык потенциального противника». Товарищ майор лишь для себя отметил, что, пожалуй, английский язык – это лучше, чем пьянство. Проблем меньше. И с мордобоем, и с сорванным графиком полётов. И посему ему лишь осталось похвалить Юру. "Молодец, Сазонов. Учи на совесть и Ленинские работы не забывай».

А потом произошло то, что у военных является вещью рутинной и повсеместной. Юру перевели в авиационный полк на Кавказ. А там уже всё было просто. В тот день, рассказывал Юра, они отрабатывали полёты в паре. Ведущий – ведомый. Ведущий летит по какому-то маршруту, а ты за ним. Из всех сил пытаешься не отстать, не потеряться и не столк-

нуться. Вещь нелёгкая. Особенно на виражах и когда проби-
ваешь облака. Потеряться в облаках ничего не сто́ит, и ни-
кто этому значения не придавал. Так, по одиночке возвра-
щаешься на аэродром и получаешь втык за невыполненное
здание. Этого момента Юра как раз ждал. Когда вошли в
облака, он просто вывернул штурвал и полетел на юг. А там
уж и Иран не за горами, в прямом смысле. Перелёт через
Кавказские горы. Локаторы тебя там не видят, а потом – ле-
ти, куда хочешь.

Отлетел от границы чуть подальше. Горы кончились. На-
шёл какое-то шоссе, возле него площадку поровнее и начал
там кружить, вырабатывать горючее. Лететь в Тегеран Юра
не решился. Во-первых, бог знает, где он находится. Далеко,
можно не долететь. А во-вторых, там на подлёте наверняка
бы заметили и сшибли бы ракетой. Поэтому Юра решил, как
полагалось в ситуациях, когда до аэродрома не дотянуть, и
как учили, садиться на брюхо. Сжёл всё горючее, на мини-
мальной скорости зашёл на посадку. Самолёт поскакал, по-
прыгал на кочках и в конце концов остановился. Повезло.
Уцелел. Ни переломов, ни даже ушибов. Висел на ремнях.
Самолёт, правда, разбит. Восстановлению не подлежит ни в
Советском Союзе, ни тем более в Иране.

Потом открыл колпак, выбрался из кабины, передохнул,
пришёл в себя и направился к шоссе голосовать. Авось кто-
нибудь да подбросит до ближайшего отделения полиции.
Шоссе было достаточно безлюдное и безмашинное. А те ред-

кие автомобили, что проезжали там, наоборот прибавляли скорость. Никто не торопился подвезти странную личность в лёгком костюме. Лишь к вечеру, когда уж начало смеркаться, наконец остановился какой-то любопытный иранец на крошечном грузовичке. Или, возможно, что в сумерках не разглядел, с кем имеет дело. Разговор с иранцем не сильно клеился, но из фраз "полис, арми, юнайтед стэйтс" водитель понял, куда Юре примерно надо. Во всяком случае, он доставил Юру в полицию, рассчитывая на какое-то вознаграждение от властей.

Прибытие Юры в полицейское управление ознаменовалось большим переполохом. Причём настолько большим, что ночная смена даже позволила себе побеспокоить начальника полиции. Прибывший на ночь глядя начальник распорядился запереть нежданного гостя в одиночную камеру, постелить матрас помягче и вообще хорошо относиться до "выяснения". Выяснять начали завтра с утра. Начальник полиции звонил во все начальственные инстанции. Понятно, что эта новость с советским лётчиком, свалившимся с неба на голову местным властям, ни у кого никакой радости не вызвала. Никто не желал брать на себя ответственность. В конце концов начальнику полиции пообещали разобраться, а пока подержать нежданного гостя у себя. После этого начальник полиции пришёл знакомиться с Юрой. Как выяснилось, он достаточно хорошо говорил по-английски. Юра тоже разговаривал, насколько позволяли знания, почерпнутые

из "Morning star" и "Moscow news". Начальник полиции поздравил Юру с прибытием на землю Ирана, посетовал, что Юре придётся слегка задержаться и что он для всех, прежде всего, гость, хотя всё же придётся посидеть под замком.

Жилось Юре в полицейском участке в общем-то неплохо. Познакомился с охраной, хотя с ними приходилось переговариваться больше жестами и мычанием. Охранники развлекались тем, что примеряли шлем и лётный костюм. Кормили хорошо. Явно начальник полиции распорядился не кормить тюремной пайкой. Скучно правда. Читать нечего. Смотреть тоже. Говорить не с кем. Разве что изредка начальник полиции расспрашивал Юру о том о сём, о житье Юры в Советском Союзе. Юра тоже изредка спрашивал, когда же решится его вопрос и когда же он, наконец, увидит юнайтэд стэйтс. На что начальник полиции смущённо заявлял, что, к сожалению, в Иране всё делается очень медленно.

Время себе шло. Абсолютно ничего не менялось. К присутствию Юры в полицейском управлении уже привыкли настолько, что даже бросили запирать двери его камеры. Он уже мог выходить, когда ему вздумается, и гулять по коридорам полиции. То есть он тихо перешёл из категории заключённого в категорию постояльца при полицейском участке. При встречах начальник лишь виновато разводил руками, словно говоря: "Извини, пока ничем порадовать не могу». Но Юрино дело уже сильно затягивалось даже по иранским бюрократическим меркам. В конце концов начальник

полицейский решил позвонить наверх ещё разок, прощупать и разузнать, "сколько можно ещё тянуть». К его удивлению, ему сказали так, будто слышали эту историю в первый раз, и достаточно жёстко. Никакой самолёт границу не перелетал и никуда не садился.

"А вот самолёт ..." – начал было возражать начальник полиции.

На что его достаточно грубо оборвали и пояснили, что если ему дорого его место начальника полиции, то в его же интересах помалкивать и не соваться по инстанциям.

Судя по всему, на самом верху возле иранского шаха горели немалые политические страсти. Узнай шах, что силы иранской воздушной обороны с новейшими американскими радарными так вот бездарно прошляпили советский старьё-истребитель, то какому-то важному генералу было бы несдобровать.

"А с лётчиком что мне делать?" – спросил начальник полиции.

"А лётчик, – уж совсем грубо ответил голос сверху, – лётчик – это твои проблемы, а не наши».

"Класс! – наверное, скажет заинтригованный читатель. – Сейчас начнётся настоящий детектив с попыткой умерщвления лётчика, разрезания на части, разбрасыванием частей тела по пустыне, чтобы дело замять и концы в воду, точнее, в зыбучий песок иранской пустыни. Но Юра жив, здоров, живёт в Америке. Значит, что-то особо интересное. Побег, по-

гоня, погоня, погоня ...

Сразу разочарую. Ничего, даже близкого к этому, не произошло. В те далёкие спокойные времена мусульмане-персы были гораздо цивилизованней высшей белой расы, для иных представителей которой задушить пару миллионов в газовых камерах или сжечь пару сотен тысяч человек в ядерном огне было так же легко и просто, как прихлопнуть комара. Теперь сообразив, что лётчик-перелётчик Юра теперь уже на его совести, начальник полиции начал действовать в соответствии со своим миропониманием. Во-первых, Юру выселили из тюрьмы и перевели в какую-то комнатуху неподалёку. Тюремные обеды теперь уже приносили Юре на дом, а начальник тюрьмы сказал, что прогуливаться вокруг дома можно, а вот гулять, тем более по местному Бродвею, не рекомендуется. Во-вторых, начальник полиции всерьёз занялся Юриным обустройством. Так в несколько присестов он выяснил следующее.

Во-первых, умеет ли Юра управлять вертолётom. На что Юра сказал, что то летает и это летает. Подучится и полетит.

Во-вторых, начальник полиции сообщил, что неподалёку работают англичане на нефтяных месторождениях и им очень нужны вертолётчики. Так что место вертолётчика уже как бы за ним. Но есть тут маленькое "но". Англичане желают, чтобы нанятый ими человек был серьёзным, на которого можно положиться, а не так, неизвестно кто, шаляй-валяй с улицы, и, тем более, пролётом из Советского Союза.

А серьёзный человек – это тот, у кого есть дом, жена и всё тому подобное. Юра, естественно, слегка затосковал, потому что ни дома, ни жены у него тут как раз не было. На что начальник полиции пообещал поработать в этом направлении. Ещё через несколько дней он сообщил, что есть на примете очень приличная девушка из очень приличной семьи. Папа – управляющий местного банка, а девушка добрая, хорошая, образованная и, наконец, просто красавица. Здесь Юра, наконец, ощутил, что судьба-злодейка начала поворачиваться к нему передом. На всякий случай он поинтересовался насчёт того, чтобы сперва посмотреть на девушку, но получил ответ, что у них в традициях смотреть на девушку до свадьбы не принято. "А если я ей не понравлюсь? – опять же не успокаивался Юра. – Она же меня ни разу не видела". На что начальник полиции ответил, что она как раз его видела, и если честно говорить, то весь сыр-бор как раз идёт оттуда, от этой девушки. Тут Юра, наконец, начал соображать, что он, совершенно не подозревая, стал местной знаменитостью. Слухи о герое-лётчике быстро разнеслись по городку, а после того как Юра поселился вне тюрьмы, на него ездил посмотреть местная любопытная молодёжь. Так что, вероятнее всего, в одной из медленно проезжающих мимо Юриного дома машин как раз и сидела дочка управляющего банком. Ну а папа-банкир выступал в роли падишаха из восточных сказок, который в своей дочке души не чаял и готов был исполнить любую прихоть юной принцессы.

Но всё же оставались серьёзные технические проблемы, которыми начальник полиции решил тут же заняться.

"Семья это очень приличная, – ещё раз подчеркнул начальник полиции, – а значит, религиозная. И выдать дочку замуж они могут лишь за мусульманина, причём по всем надлежащим мусульманским обрядам. Так что, – здесь начальник полиции на всякий случай отодвинулся от Юры, – ты должен будешь принять мусульманство», – закончил мысль начальник полиции.

Отодвинулся от стола начальник полиции не случайно, поскольку он не знал, как на это предложение отреагирует Юра. Ещё бы. К примеру, настоящий правоверный мусульманин мог бы задушить обидчика, предложившему ему ужасное ТАКОЕ – поменять бога. Но Юра совсем не обиделся. Лишь развёл руками и сказал: "Ну раз надо, так надо. Стану мусульманином».

Начальник полиции решил, что Юра, пожалуй, чего-то недопонял, возможно, в связи с обоюдной ущербностью английского языка. Поэтому он вновь всё попытался разъяснить простыми, короткими фразами и понятными жестами.

Юре лишь оставалось так же коротко и просто подтвердить свое важное решение: "Нет проблем. Пойду в мусульмане».

Здесь он уже полностью подкосил сознание начальника полиции. Начальник был готов к долгим, задушевым беседам. Принёс Коран и другую учебную литературу для пояс-

нения, чем Коран правдивей Библии, а Магомет лучше Христа. А тут всё так просто. Решилось в секунды. Всё это, конечно, не очень было понятно настоящему мусульманину, впитавшему свою религию с молоком матери. Для нас же, советских людей, хоть и бывших, вступление в мусульманство казалось похожим на вступление в комсомол или коммунистическую партию. Красная книжечка, две копейки ежемесячных взносов и двери, открывшиеся куда угодно. От продуктового распределителя до начальника производства. А про армию уж и говорить не приходится. Там все поголовно коммунисты. Быть офицером и не быть коммунистом – это просто нонсенс. Так что Юра вообразил, что приём в мусульманство – это нечто подобное приёму в комсомол. Придёшь в мусульманский обком, постоишь перед мусульманской комиссией, представишь парочку рекомендаций от заслуженных мусульман, ответишь на парочку вопросов о пророке Магомете и ... получи свою книжечку зелёного цвета с полумесяцем на обложке. Начальник полиции лишь кивнул Юре в знак одобрения, поскольку после такого морального шока слов он уже не находил, и пошёл к своему другу банкиру рассказывать, как хорошо и просто удалось уладить эту щепетильную мусульманскую тему.

Управляющий банком нашёл всему этому логичное объяснение – всё-таки человек бежал от сатаны, исчадия ада, как именовался в ту пору СССР, и, видимо, проникся к Юре определённой симпатией. Во всяком случае, он пригласил

Юру со своим другом, начальником полиции, в гости. Типа смотрины, только наоборот – не невесты, а жениха. Всё прошло замечательно. И папе-банкиру понравился молодой симпатичный "руси" – будущий зять и правоверный мусульманин. И Юре удалось мельком взглянуть на персидскую красавицу-невесту. Так что Юре лишь оставалось радоваться своей судьбе, готовиться к обряду обращения в мусульманство и предвкушать первую брачную ночь с персидской красавицей. Но тут неожиданно возникли первые затруднения. Описывая ту самую процедуру принятия в ряды мусульман, начальник полиции упомянул о той самой незначительной части обряда, как обрезание. И тут Юра испугался не на шутку. Ни морально, ни физически к этому он был не готов. Во всяком случае, во время приёма в комсомол никто членовредительством не занимался. Начальник же полиции лишь с удивлением выслушал Юрины сомнения, поражаясь тому, как можно так легко менять бога и бояться какой-то мелочи типа укола. Юра же, не понимая, что это такое и как там режут, пытался выторговать для себя условия помягче.

"А резать-то кто будет? Доктор?" – поинтересовался Юра.

"Нет! Мулла!" – отрезал начальник полиции.

"Тогда мне надо подумать", – прошептал Юра.

Начальник полиции лишь развёл руками: "Ну, думай. Ничего другого я предложить не могу".

Юра пошёл к себе в комнату думать, понимая, что в его положении следует соглашаться, помалкивать и плыть по те-

чению. Впрочем, медленное движение по течению оборвалось в тот же вечер. Юрины раздумья прервал резкий визг тормозов перед его домом. Дверь в его комнату с грохотом открылась, и на пороге оказались несколько здоровенных американских пехотинцев. Коротко представившись, точнее, громко вопя "америка, ю эс эй, гоу", они подхватили Юру под руки и потащили в стоящий перед домом джип. Потом, затолкав туда Юру, снялись с места и на огромной скорости покатали неизвестно куда. Через несколько часов они прибыли на аэродром, где их с заведёнными двигателями уже поджидал транспортный самолёт. Потом, подгоняя Юру, они пробежали с десятков метров к самолёту, по короткому трапу заскочили в самолёт, уже на ходу задраивая дверь. Самолёт тем временем уже выруливал на взлёт. Юра, конечно, помнил пословицу: "Русские долго запрягают, зато быстро едут". При этом он неожиданно отметил, что американцы запрягают ещё дольше, а едут ещё быстрее.

Так быстро и неожиданно оборвались Юрины иранские каникулы. Вероятнее всего, где-то в иранских верхах, не сильно рассчитывая на успехи начальника полиции в деле эмиграции и натурализации, всё-таки нашли способ втихую выдворить лётчика Юру с территории Ирана, дабы никто не задавал нелёгкие вопросы на тему "как же так прошляпили боевой истребитель из СССР".

Самолёт тем временем набирал высоту, разворачивался, становился на курс, трясся на воздушных ухабах. И Юра уже

мог под неназойливый гул двигателей подумать о своей будущей судьбе, повздыхать об исчезнувшей персидской красавице и поразмышлять на тему, что же там произошло в Советском Союзе и в его родной эскадрилье после его побега.

Естественно, там было большое ЧП. И особенно неприятно было то, что никто ничего о судьбе исчезнувшего лётчика и самолёта не знал. Пропал и всё. Точно в воду канул. Надо предпринимать какие-то меры. А какие – неясно. Если разбился тут неподалече, то нужно награждать посмертно как героя, проводить траурные мероприятия. Но где ж, чёрт побери, осколки-обломки самолёта. Если сбежал за границу, то опять же надо проводить мероприятия, но другого рода. Клеймить предателя, улучшать работу, воспитывать патриотизм. Но как это узнать? Обычно после таких вот перелётов западные да и местные иранские газеты трубят во все трубы по поводу очередного лётчика, вырвавшегося из коммунистического ада. А тут – молчок. Беседы с локаторщиками ничего не дали. Ответственный солдатик не уследил и ничего не помнил. Наверняка вместо того, чтобы защищать рубежи своей советской родины и пялиться в экран локатора, солдатик считал мух на потолке и ждал обеда. Короче, катастрофа. Информации – ноль. Сплошная чёрная дыра. Пришлось нехотя, но обращаться к всевидящему оку – КГБ. Просить хоть немного прояснить ситуацию. Те, естественно, взялись за дело резво и с огоньком. Домой к Юриным родителям явились два человека в штатском, помахав

ли своими красными книжечками. Дальше со свойственным лишь агентам КГБ человеческим участием потребовали во всём признаться, а не то будет худо. Поскольку родители и сестра обо всём об этом в первый раз слышали и признаваться не хотели, КаГЭБэшники убралась восвояси, на всякий случай предварительно заглянув под кровать. После себя оставили номер телефона и грозное предупреждение: звонить-докладывать, если что-нибудь узнают.

Такие вот дела. Итак. Дело Юры Сазонова в Советском Союзе висит в воздухе. А тем временем сам Юра тоже висит в воздухе на борту американского транспортника, направляющегося, как надеется Юра, в Америку. До Америки, впрочем, самолёт не долетел. Сел в Германии на американскую авиабазу. Теперь Юра уже оказался в американской тюрьме в Германии. Впрочем, тюрьмой это место не называлось. Местом заключения тоже. А как назвать место, где тебя запирают снаружи. Корректные американцы называли это местом временной изоляции и карантином. Ну, а со следующего утра начались допросы. Хотя опять-таки для корректности они именовались беседами. Американцы были серьёзно обеспокоены, не является ли всё это проделкой КГБ с такой вот оригинальной засылкой советского шпиона на борту истребителя. Длилось это достаточно долго. Выспрашивали всё до мелочей. Проверяли на детекторе лжи. Копались в каждой фразе. Потом одного следователя сменял другой, и все вопросы начинались сначала. Впрочем, германские ка-

никулы, если так можно назвать тюрьму на американской авиабазе, оказались короче иранских. Юру опять же посадили в американский транспортник. Посадка была уже, конечно, не столь драматичной, как в Иране. Самолёт был уже не персональным, а в каком-то смысле рейсовым. Кто-то летел в отпуск, кто-то по своим военным делам. На Юру с сопровождающим внимание никто не обращал. Мало ли кто куда едет да на каком языке говорит.

По прибытии Юру куда-то пристроили. Но уже не в тюрьму. Что-то типа отель-мотель для ему подобных, и всё покапало в том же духе, причём с самого начала. Выпытывали, выспрашивали, ловили на неточностях, на мелочах, меняли следователей. Теперь Юра стал частью учебного процесса, когда будущие шпионы и контрразведчики могли вволю потренироваться на настоящем живом материале, прибывшем "оттуда". Потом всем всё надоело. То ли учебный год в ЦРУ кончился, то ли всё уже принимало маразматический оборот, но от Юры вскоре отстали.

Впрочем, пока Юра отдыхал в своём шпионском общежитии от допросов, где-то варились и кипели нешуточные страсти. Там, наверху, сидели аналитики, думали, переваривали, анализировали каждое сказанное Юрой слово, каждый брошенный взгляд. Ничего не подделаешь. Долг службы. Плохо лишь то, что это дело было строжайше засекречено. И, конечно, понятно, что как только любое дело строжайше засекречивают, то на следующий день оно оказывается в руках

противника. Так всё и получилось. "Крот", сидящий где-то в ЦРУ, передал информацию своим хозяевам из КГБ. Там, наконец, вздохнули с облегчением. Вопрос с исчезнувшим лётчиком решился положительно. Траурные и прочие героические мероприятия можно было отменить, а дело со спокойной совестью передать в военный трибунал. Что собственно и было сделано. Дело было простым, поскольку ни адвокаты, ни прокуроры, ни обвиняемый здесь не требовались. За пять минут Юру заочно приговорили к высшей мере и внесли в расстрельную ведомость. Дело сдали в секретный архив. Потом к Юриным родственникам явились всё те же сотрудники КГБ. Опять помахали красными книжечками и радостно довели до сведения решение трибунала. Потом опять же заглянули под кровать, после чего ушли, потребовав сообщать обо всём интересном по телефону.

Обо всём этом ЦРУшникам уже сообщил наш советский «крот». Ну, а те уж мимоходом порадовали Юру, сообщив, что теперь ему дорога домой заказана, зато американские эмиграционные дела пойдут порезвее. Действительно, через некоторое время Юру вызвали к куратору в последний раз. Юре выдали "подъёмные" и жёлтый объёмистый конверт со всеми иммиграционными бумагами. ЦРУшный куратор также сообщил, что Юре следует забыть дорогу сюда и больше никого здесь не беспокоить. Насчёт того, чтобы засунуть Юру подальше в какую-нибудь дыру и поменять фамилию, куратор сказал, что это бессмысленно, поскольку Юра

будет выглядеть как птичка на ветке. Джон Смит, едва говорящий по-английски, привлечёт к себе больше внимания, чем Юра Сазонов в Нью-Йорке, и самое лучшее, что Юра может сделать, – это поехать в какой-нибудь город типа Сан-Франциско и смешаться там с пёстрой эмигрантской толпой. При этом желательно помалкивать о своих "геройствах". Насчёт неуловимых мстителей из КГБ, куратор опять же успокоил, сказав, что всё это КаГЭБэшные сказки, которые КаГЭБэшники пересказывают друг другу. На самом деле здесь они смирные и заняты в основном скупкой американских джинсов и электронных товаров, а не поиском и умерщвлением каких-то предателей родины. На вопрос Юры – "кем работать мне тогда, чем заниматься" – куратор ничего толкового не посоветовал, поскольку с поиском работы он лично не сталкивался. Жизнь его была прямая стрела, как у солдата, хоть и невидимого фронта, где за тебя думает начальство. Так что "что делать" куратор не знал, зато посоветовал, что делать не следует. Не следует пытаться устроиться в ЦРУ или ФБР консультантом или ещё кем. В услугах его больше не нуждаются, а с его смутным прошлым это бесполезно. По тем же причинам вряд ли стоит идти в авиацию. К большим самолётам его не подпустят. Авиаclubы и сельскохозяйственные самолёты – это всё, на что Юра может рассчитывать, если с его ущербным английским вообще удастся сдать экзамен на пилота. Потом куратор поднялся. Официально поздравил Юру с получением легального ста-

туса в Америке, пожелал успехов в труде и личной жизни, а также попросил побыстрее освободить шпионский отель, предупредив, что церемониться с ним не будут. Вещи просто выкинут на улицу.

Юра рассказывал, что по дороге домой он просто купил газету и, уже сидя в своей комнате, начал изучать раздел труда – приглашения на работу. Больше всего требовались программисты. Америка вступала в пору компьютерной революции, и эта специальность была, как говорят здесь, "sizzling hot". Так что Юра пошёл на краткосрочные курсы программистов. Больше, собственно, и не требовалось. В те интересные времена компьютерщиками и программистами устраивались даже бывшие учителя труда и пения. Поговаривают, что случалось такое. Человек шёл на интервью в одну компанию. Случайно ошибался дверью. Заходил в другую компанию, где уже буквально через полчаса получал работу программиста. Так что через шесть месяцев интенсивного обучения и ещё нескольких дней поисков работы Юра получил место программиста в одной компании в Силиконовой долине. А ещё через две недели он, не веря своим глазам, рассматривал свой первый банковский чек с выведенной на нём, казавшейся ему тогда невообразимой суммой.

А время побежало. Вначале тихонько, а потом быстрее и быстрее. Юра приобрёл машину, потом другую. Попрыгал от одной гёрлфрэнд к другой в поисках той самой единственной и неповторимой. Потом остепенился. Женился. Жена –

симпатичная китайка, сотрудница той же фирмы, где работал Юра. Появился сын. Вот так Юра стал самым обыкновенным компьютерщиком, работающим в Хай Тек. Одним из тысяч эмигрантов, прибывших в Калифорнию из стран всего мира.

Я познакомился с Юрой в те далёкие времена, когда перестройка в СССР была в полном разгаре, народ постигал азы демократии, боролись с пьянством, вырубались виноградники, километровые очереди за водкой опоясывали универсамы, и из Советского Союза выезжал любой, кто желал его покинуть. Юра помог мне на тех самых первых порах, когда вновь прибывший, перепуганный эмигрант, без языка и без средств существования делает первые шажки в новой стране. Юра показал мне дорогу в Хай Тек и, как бы это ни смешно звучало, привёл на ланч в мой первый в жизни Макдоналдс. Встречались мы впоследствии не очень часто, но регулярно на пикниках, на природе, где обменивались всяческими эмигрантскими новостями.

После успешного провала перестройки и развала Советского Союза Юра вдруг сообщил мне, что он подумывает о поездке на родину, куда-то на Украину. Я с жаром и даже каким-то возмущением отговаривал его, приводя неотразимые доводы. Советский Союз вроде развалился, Украина вроде самостоятельное государство. Но бывшие приговоры никто не отменял, из тюрем никого не выпустили, да и "контора" хоть плохонько, да работает. А ехать туда, имея расстрель-

ную статью, – это просто самоубийство. Юра внял моим доводам, да и, впрочем, он сам это понимал и лишь храбрился. Но решил всё-таки позвонить своим родным, поскольку сейчас это вряд ли могло навредить. А потом ещё через какое-то время он позвонил мне и, захлёбываясь от восторга, начал рассказывать свои новости. Его телефонный звонок домой едва ли не убил его родных. Ещё бы – звонок с того света. Юрины родители его уже давно похоронили. После всех этих историй с расстрельным приговором к его родным на дом явилась парочка КаГЭБэшных агентов и официально объявили, что предатель родины Юра не укрылся от длинных рук КГБ и приговор приведён в исполнение. Конечно же, лгали, мерзавцы. Не имея возможности дотянуться до Юры, решили отыграться на ни в чём не повинных родственниках. А потом ещё удивительная новость о его сестре. Оказывается, после развала СССР и после всех кошмаров, которые за тем последовали, она вдруг ощутила в себе необычайные внутренние потусторонние силы и стала экстрасенсом. Теперь она принимает людей на дому, предсказывая им будущее. Молва о её необычайных силах разнеслась по округе, и теперь народ валит к ней на сеансы толпой. Платят, не жалея. Особенно бизнесмены – новые русские. Там для них в полутёмной комнате она раскидывает карты и вещает что-то про бизнес да перспективы, про подельников да конкурентов. Типа – тут вот в колоде король бубновый с секирой да за дамой пиковой прячется. А тут вот за шестёркой трефовой

валет червовый с кинжалом притаился. Бизнесмены щедро платят и уходят удовлетворённые, предварительно испросив особые приметы шестёрок, валетов и королей.

От предложения приехать в гости сестра отказалась, сославшись на то, что не может оставить бизнес и клиентуру даже на один день. Впрочем, Юрина мама впоследствии приезжала, хотя это не доставило никому никакого удовольствия. Ей не понравился ни пустой огромный дом, ни китайская невестка, не говорящая по-русски, ни внук полукитаец. И сына Юру уже тоже было не узнать. Так что недельки через две старушка отправилась домой на Украину в свой старый панельный дом, к лавочке возле подъезда.

Ну, в общем-то, всё. Здесь можно было бы закончить рассказ и поставить очередную жирную точку, если бы не один невероятный случай, произошедший годиков через пять после всех этих перестроечных событий.

В тот летний и солнечный денёк, что являлось редкостью для вечно туманного Сан-Франциско, Юра с женой и сыном прогуливался по самому что ни на есть туристическому месту – Fisherman Wharf. Проталкивался среди толп вездесущих туристов, посматривал на уличных художников и живые скульптуры. И вдруг неожиданно откуда-то сверху донёсся резкий окрик.

"Лейтенант Сазонов! Смирно!" На мгновение от неожиданности Юра замер, вытянув руки по швам. Потом, через секунду пришёл в себя, внутренне ругаясь и совершенно не

понимая, кто здесь мог так пошутить. И вдруг от стоящего рядышком туристического автобуса даблдекера, от ступенек отделился пожилой седовласый мужчина лет шестидесяти и устремился к Юре.

"Жив, курилка!" – радостно закричал он, остановившись в полуметре от Юры.

"А я вот сижу тут наверху, – мужчина махнул в сторону автобуса, – и гадаю: он – не он? Похож, только вот пополнел и постарел сильно. Прости, друг, хотел сказать возмужал. А потом подумал: гаркну я чего-нибудь, как положено, по-армейски. Ежели он, то как-нибудь да отреагирует. А ежели америкоза или германец какой, то ничего не поймёт. А ты молодец. Сразу – как положено. Руки по швам. Не забыл. Крепко там тебя учили. А ну, дай я тебя обниму, лейтенант Сазонов. И не возражай!"

Седовласый неожиданный собеседник крепко стиснул Юру в объятиях. Юра не отстранился, хотя и не стал обнимать странного, бойкого мужчину. Что-то знакомое было в голосе и лице этого человека, хотя Юра всё никак не мог сообразить, кто же это такой.

"Ну что? Всё ещё не узнал? – седовласый мужчина хитро посмотрел на Юру. – Красноярский Край. Посёлок Свободный. Двести тридцать шестой истребительный полк".

И в это мгновенье Юра наконец узнал того самого товарища майора, политрука, донимавшего их, молодых лейтенантов, политинформациями и дурацкими Ленинскими ра-

ботами.

"Конечно же, узнал – товарищ майор, – наконец отреагировал Юра. – Вы нас ещё этой книжкой мучали. Материализм и ... чего-то там".

"Ну и отлично! – радостно заметил мужчина. – Узнал-таки! Правда, теперь уже не товарищ, и не майор. А вместо книжки той ... Вот!" – мужчина потряс пакетами с какими-то покупками. Ты уж извини меня, – неожиданно смутился мужчина. – Уж слишком я бесцеремонно. Просто я уж очень обрадовался. Тебя ж там давно похоронили. После того как ты сбежал, всех нас КаГЭБэшники здорово трясли. Но я-то тогда отбрехался. Мол, если и улетел, то не от нас. С меня взятки-гладки. А у тех вот кавказцев головы полетели. Зол я был на тебя, уж не знаю как. А потом подумал, распустил, что ты правильно сделал. Будь моя воля, водил бы я самолёт, то и сам бы сбежал. А потом КаГЭБэшники ещё заезжали. Собрали всех лётчиков и объявили, что, мол, тебя приговорили и привели в исполнение – там, в Америке. От нас, мол, никто не скроется. Я даже и не знал – верить, не верить. Подозревал, что врут. Пугали, чтобы никому не повадно было. Ну да ладно, что это я о себе. Ты-то как, расскажи!"

"Вроде ничего, всё нормально», – коротко ответил Юра.

"Вижу, что всё нормально, – снова перехватил инициативу мужчина. – Жена, сын! Работаешь, служишь али бизнес какой?"

"Работаю с компьютерами".

"Компьютерщик, значит! – радостно откликнулся мужчина. – У нас поговаривают, что все компьютерщики – миллионеры".

"Да где уж там", – махнул рукой Юра.

"Ничего, дерзай! И к тебе придёт удача", – прокричал мужчина.

"Я вот тоже не сразу свои бабки заработал. Когда Эсэсэр развалился, ой как тяжело было. Хлеба простого купить было не на что. Запил. Все наперекосяк. Жена ушла. А потом опомнился. Пошёл в кооператоры. Фирму открыл такую вот интересную. Утилизация военного оборудования".

"Ну и как, получается?" – поинтересовался Юра.

"Ещё как! – весело подтвердил мужчина. – Ежели утилизировать с умом и делиться, с кем надо, то жить можно припеваючи. Так что свой лимон я имею. Женился вот недавно. Так что у нас это как бы свадебное путешествие по Америке. Вон, видишь ту, блондинистую у бортика поближе к водителю? Ну как? – заговорщически сообщил мужчина. – Самая крутая тёлка на нашем бэсе".

Юра посмотрел в сторону автобуса. Там на открытом втором этаже даблдекера, опершись на бортик, сидела полногрудая молодуха лет тридцати.

Словно перехватив оценивающий Юрин взгляд, мужчина прищёлкнул языком и хвастливо добавил: "Не бойсь, справляюсь. И безо всякой Виагры. На такой бабе полночи скакать будешь и только разохотишься!"

Словно почувствовав, что речь идёт о ней, молодуха слегка приподнялась со своего места и, глядя на Юру с мужчиной, прокричала грудным растянутым голосом: "Коля, Колян! Ну, сколько можно. Поехали. Все собрались. Тебя одного ждут".

"Да не шуми ты! – отозвался мужчина. – Подождут. Видишь, друга встретил. Такая история! Расскажу – со скамейки свалишься".

"Нужны мне твои рассказы! – всё тем же грудным голосом пропела блондинка. – Колян! Серьёзно, закругляйся. Времени нет. Народ волнуется".

"Ну ладно, – согласился мужчина. – К себе не приглашаю, в гости не напрашиваюсь, – мужчина уже обратился к Юре. – Отбываем сегодня вечером в Лос-Анджелес, в Диснейленд. На Микки Мауса поглядим и на каруселях кататься будем".

Потом он резко повернулся и быстро устремился к ступеням даблдекера.

Юра смотрел на тёмный проём автобуса, где исчез неожиданный знакомый. И вдруг защемило под ложечкой. На мгновенье нахлынули воспоминания далёкого прошлого. Словно картина, перед глазами возник далёкий пейзаж. Зимний лес. Деревья, усыпанные снегом. Сугробы. Позёмка, гуляющая по взлётной полосе и ряд самолётов-истребителей, выстроившихся стрункой тут же рядом. В глазах защипало. Юра провёл рукавом по лицу, вытирая глаза и отгоняя старые воспоминания. Через секунду он пришёл в себя и снова

посмотрел в сторону автобуса. Даблдекер уже тихонько тронулся. На втором этаже автобуса стоял мужчина и, перегнувшись через свою пышногрудую спутницу, махал Юре рукой. Потом, поймав Юрин взгляд, сложил руки рупором и прокричал: "Лейтенант Сазонов! Вольно!"

Забастовка

Не знаю, как это происходило в других местах, но после приезда в Америку наши эмигранты некоторое время пребывали в состоянии эйфории. Длительность этого, как бы по-научному сказать, эйфорического синдрома разнилась очень сильно. Одним эйфории хватало на два дня, другим – на две недели. Кое-кто задерживался в этом состоянии два месяца. Некоторые продолжали пребывать в эйфории два года. Ну, а самые непреклонные оставались в эйфорическом синдроме

следующие 20 лет. О крайностях, в виде двух дней и двадцати лет, мне писать не хочется, поскольку это больше похоже на "клинику" с сопутствующими прочими медицинскими показаниями. Всё же прочее можно отнести к норме. Просто такое вот радостное состояние продолжается до тех пор, пока тебя жизнь по башке не стукнет.

Но так уж случилось, что моя жена Ирина задержалась в таком радужном эйфорическом состоянии на целый год. До тех пор, пока её не выгнали с работы, на которой, как говорится, "только жить да радоваться". Работа была чистая, удобная, приятная. Коллектив был тоже что надо – дружный, сплочённый. И выгнали её оттуда, что называется, ни за что. "Ни за что" – это абсолютно в прямом смысле, потому что за что бы она там ни бралась, у неё ничегошеньки не получалось. Ну, а что вы хотите? Работать компьютерщиком совсем не легко, учитывая то, что в Советском Союзе такое вот "чудище" как компьютер она в глаза не видывала.

Так что пришлось ей слегка охладить свой пыл и начать думать о том, что она, собственно, как бы умеет делать. Делать она тоже ничего особенного не умела, но тем не менее был в заглавнике совсем недавно полученный в Союзе диплом зубного врача и умение учиться на пятёрки.

Так что вполне логично было начинать свою американскую карьеру где-то в зубной области. Так что, сдав какие-то простенькие экзамены про зубы, она получила диплом ассистента дантиста и начала подыскивать соответствующую ра-

боту. Работа нашлась относительно быстро в одной здоровенной, по американским меркам, зубной поликлинике.

Тут, наверное, какие-то продвинутые знатоки американской жизни попытаются подловить меня на вранье и скажут, что поликлиник в Америке не бывает, а бывают лишь дантисты-одиночки, оказывающие зубные услуги в своих частных кабинетах. На это я вам могу лишь ответить то, что в Америке всё бывает, а также, что в Америке и не такое бывает.

Просто жил да был на свете зубной доктор по фамилии Беркович. Пилил, сверлил зубы, мастерил коронки. А потом ему пришла в голову нормальная капиталистическая идея. Пусть, мол, зубы пилит кто-нибудь другой, а он будет этот процесс пиления организовывать. Но это вот легко сказать, но трудно сделать. Нужно, чтобы не получилось, как у Остапа Бендера в его Черноморской конторе "Рога и копыта", когда накладные расходы съели всё. Здесь нужны новые идеи. И вот идеи пришли.

Во-первых, по своему опыту доктор Беркович знал, что есть у дантиста масса работ, которые лишь отнимают время и с которыми может легко справиться ассистент. И вот появилась на свет такая вот организация производства. Один врач-дантист работает на два кресла, а ассистенты доделывают то, что не успел доделать доктор. Ну, а такие вот мелочи – типа сопли, слюни, слёзы утирать и сладким голосом уговаривать потерпеть – это для продвинутого ассистента и вовсе дело простецкое.

Вторая блестящая идея доктора Берковича состояла в том, чтобы платить докторам и ассистентам по минимуму. Ну, а третья идея – это поставить над работниками парочку надзирателей, чтобы следили за тем, чтоб все работали спорно, весело, с огоньком. Чтоб доктора бегали между креслами точно спринтеры, ну и ассистенты работали им под стать.

Ну вот, собственно, это и были три слона, на спинах которых держалась зубная клиника доктора Берковича. Надзирателем над врачами, так сказать, "правой рукой" был доктор по фамилии Кастанза, что, впрочем, Ирины никак не касалось. А вот "левая рука" доктора Берковича, молодая женщина по имени Сюзан, имела к Ирине самое прямое отношение.

Впрочем, не только к ней одной. Она была поставлена начальником вспомогательного персонала с задачей держать этот разношёрстный народ в узде. Вот она и держала в соответствии со своими понятиями. Ирину она ежедневно доводила до слёз своими придирками и нотациями. Впрочем, очевидно не её одну. Просто мужчины-ассистенты не плакали, а другие девочки-ассистентки к придиркам Сюзан уже привыкли. Ирина же привыкнуть к такому хамскому обращению никак не могла, и потому всё, что она могла сделать, это лишь утирать слёзы и мечтать, точно какой-нибудь маленький мальчик, которого постоянно обижает главный хулиган его подъезда: "Вот вырасту, стану сильным, встречу этого хулигана, ухвачу за шиворот и ..." Но дальше в голову

ничего не шло, потому что Ирина уже давно выросла, и кроме того в Америке начальников бить не полагается.

Ну, вот такие вот непростые отношения с начальством. С коллегами же, наоборот, всё было распрекрасно. Коллектив ассистентов подобрался интернациональный, на редкость живой, доброжелательный, интересный и необычный. Из интересных – это ещё парочка русских. Девушка Марина и мальчик Вадим. Впрочем, где только в Сан-Франциско русских не встретишь. А из необычных – это бывшие доктора и дантисты, занесённые странным ветром в клинику доктора Берковича. Работал там в качестве ассистента бывший патологоанатом, лишённый своего диплома-лицензии. Чем и как мог провиниться врач, вскрывающий трупы, остаётся загадкой. Работали там ассистентами муж и жена из Индонезии. Тоже бывшие дантисты и христиане по религиозной принадлежности. Их офис – зубной кабинет – сожгли во время очередного мусульманского бунта. Живыми хоть слава богу оставили. Не понравилось, видите ли, правоверным мусульманам, что женщина командует – рот открыть, рот закрыть. Ещё там были дантисты из Англии и Южной Америки, решившие перебраться в Соединённые Штаты и потому начинающие всё с чистого листа. Ну и, естественно, обитали там обыкновенные девушки без претензий, получившие в местном колледже диплом ассистента дантиста и работающие просто по специальности. Ну, собственно, такой вот коллектив, в котором работать бы было весело и приятно,

если бы не две вещи – паршивка Сюзан и зарплата, которая едва-едва превышала абсолютный минимум – 5 долларов в час, – установленный законодательством Калифорнии.

Но ничего не поделаешь. Что есть, то есть. Пользуйтесь. Так что всё потихоньку превратилось в привычную рутину. Утром на работу, вечером с работы. Раз в две недели – чек, зарплата. И продолжалась эта вот идиллия примерно с полгода, пока однажды не подошла к Ирине одна коллега-ассистентка и не шепнула на ушко, что сегодня после работы состоится профсоюзное собрание.

То, что сегодня состоится профсоюзное собрание, Ирину абсолютно не удивило. Мы, граждане, прибывшие из Советского Союза, к этому абсолютно привычны. Себе она так представляла, что после работы поставят где-нибудь стол, покрытый зелёным сукном. В президиум выберут доктора Берковича. Рядом с ним, по правую руку сядет доктор Кастанза, по левую руку усядется Сюзан. Ну, а потом будут распределять профсоюзные путёвки на отдых в Мексику, ну и, видимо, корить тех, кто в профсоюз до сих пор не вступил или уклоняется от членских взносов.

Потом смена кончилась. Народ повалил к выходу. Ирина последовала за всеми, после чего всё та же коллега-ассистентка шепнула ей на ухо, что следует идти в дальний конец паркинга. Ирина слегка подивилась тому, что профсоюзные собрания проводятся на свежем воздухе, но отнесла это на счёт каких-то дурных американских традиций.

Нестройная толпа работников-ассистентов приблизилась к указанному углу, где их уже поджидал какой-то дядечка со значком местного отделения профсоюза. Дальше после краткого знакомства и обмена комплиментами он перешёл к делу. Во-первых, он посетовал на капитализм вообще и доктора Берковича в частности. После чего он привёл статистику, заключающуюся в том, что в офисе доктора Берковича ассистенты получают исключительно маленькую зарплату. По цифрам выходило, что зарплата ассистентов, то есть людей, на ком, по сути, держится весь бизнес доктора Берковича, в полтора раза меньше, чем в среднем по Америке. Слова эти, естественно, были встречены гулом возмущения. После этого ободрённый профсоюзный лидер предложил бороться за свои права. Слова эти, естественно, были поддержаны одобрительным гулом толпы. Ну, а как бороться? Единственный проверенный способ – забастовка. Strike – по-американски, что в переводе означает «удар». Тут, правда, профсоюзный лидер умерил пыл толпы, сообщив, что настоящую забастовку-удар проводить мы не имеем права, поскольку у медицинских работников по закону всё несколько сложнее, чем просто так уйти с рабочего места. Но какой-нибудь небольшой удар-strike, эдакую увесистую пощёчину доктору Берковичу мы нанести просто обязаны. Увесистая пощёчина, как уверял профсоюзный товарищ, очень действенна и всегда приводит к положительным результатам в виде повышения зарплаты на 20%. Народ, естественно, тут же воодушевился и

попросил рассказать о такой вот мягкой забастовке поподробнее. Профсоюзный товарищ, не скупясь на краски, рассказал, что они делают это довольно часто. В определённый день все работники какого-нибудь офиса надевают значки, на которых написано: "Мистер Такой-То, повысь нам зарплату!" Мистеру Такому-То становится очень стыдно, и на следующий день все получают так называемый "Рэйз" – повышение.

План выглядел изумительно и очень привлекательно, особенно учитывая то, что профсоюзный товарищ пообещал взять производство значков на себя и через недельку раздать их прямо перед работой.

Сразу же после собрания трое русских остались обсуждать будущую забастовку. По поводу идеи со значками Вадим сказал: «Наверное. Как все», – но очень неуверенным тоном. Мудрая девушка Марина сразу же сообщила, что она в эти игры не играет, что у неё очень строгий муж, и случись что, он её непременно убьёт. А также, что они недавно купили дом. Всё мужнее жалование уходит на выплаты, а жить им с двумя детьми приходится на её, пусть нищенскую, но зарплату.

Дома мне Ирина, задыхаясь от волнения, рассказала всю эту вот профсоюзную историю. Я был в неких смешанных чувствах. С одной стороны, очень хотелось увидеть 20-ти процентный "рэйз". С той же хорошей стороны, я был осведомлён об успешных забастовках. Кроме того, перед глаза-

ми стояла какая-то старая советская кинокартина про коммуниста. А именно эпизод, когда ему на шею накидывают петлю, а он кричит: "Всех не перевешаете!" Так что я был уверен, что всех не уволят.

С другой же, неприятной, стороны, по картине, того коммуниста таки повесили, и счастье жить в дружной семье советских народов досталось другим. Так что я больше склонялся к тому, чтобы послушать мудрую девушку Марину и в эти игры не играть. На что я получил гневную отповедь и обвинения в трусости. Так что осталось лишь плыть по течению, дожидаться того самого дня и думать "будь, что будет".

Профсоюзный лидер не подвёл. В назначенный день ровно за 15 минут до начала работы он стоял с россыпью значков недалеко от входа. Проходящие мимо ассистенты бойко разбирали значки и прикалывали их на самые видные места. Мудрая девушка Марина значок не взяла и прошла в офис. Русский мальчик Вадим значок взял, но положил его в карман. Потом, поколебавшись, увидев, как боевые товарищи цепляют значки, тоже пришил себе значок. Ирина же, ни на секунду не сомневаясь, приколотла значок на грудь, про себя отметив, что её лучшая подруга оказалась попросту "штрэйкбрехершей", а друг и товарищ Вадим – колеблющимся оппортунистом.

Поначалу никто на значки внимания не обратил. Мало ли что кто носит. Потом больные, которым всё равно положено сидеть с открытым ртом и безнадёжно пялиться на пыш-

ные или не очень груди ассистенток, значки эти начали замечать. После чего начали издавать одобрительное мычание и показывать одобрительные жесты в виде кулака с поднятым большим пальцем. Тут, наконец, и Сюзан обратила внимание на необычную обстановку в клинике. Обычно стоит тут нормальная рабочая атмосфера, выражающаяся в охах, стогах и криках на фоне жужжащих бормашин. А тут эдакое, если не сказать веселье, то, по крайней мере, ненормальное оживление. Дальше она, наконец, заметила источник неприятностей в виде значков и попыталась решить этот вопрос самостоятельно. Сюзан подсакивала к очередному ассистенту и шипела: "Снять значок, немедленно!" Ассистенты делали вид, что очень заняты и её не слышат. Сообразив, что так ничего не добьёшься, Сюзан побежала докладывать о неприятностях доктору Берковичу. После пятнадцатиминутного совещания план, видимо, созрел. Довольная Сюзан вальяжно подходила к очередному зубо врачебному креслу, вручала больному салфетку. Сам, мол, подотрёшься, не маленький. Дальше Сюзан брала ассистента под локоток и вела в офис доктора Берковича. Ещё через несколько минут оттуда выходил очередной товарищ уже без значка, уставившись в пол, чтобы не смотреть в глаза окружающих, и возвращался к своему креслу. Наконец, дошла очередь и до моей жены. Сюзан, уже привычно, проводила Ирину в офис доктора Берковича. Детали разговора не очень важны, поскольку было сказано следующее: или-или – снимай значок и отправляйся

к "станку", либо вали с работы. Снимать значок Ирина отказалась, помня наставления профсоюзного лидера – "один за всех, все за одного". Поэтому через минуту она поняла, что здесь не блефуют. Сюзан всё так же "под локоток" отвела её к шкафчику, дала на сборы 15 секунд, после чего выставила за дверь поликлиники. Ну что делать? Ирина отошла от двери и стала ждать, что же произойдёт дальше. Дальше из дверей появились ещё две девушки-ассистентки. И всё. И это из персонала в 24 человека. Лозунг "один за всех, все за одного" тут явно не работал. Так и остались они стоять у дверей офиса, понимая, что переиграть обратно уже нельзя.

Ну вы, читатель, наверняка догадались, кто они, эти смелые несгибаемые девушки. На всякий случай, я вам поясню.

Вьетнамка по имени Лин. Дело в том, что когда вьетнамцы сбегают со своей социалистической родины на хлипких лодочках джонках, то вьетнамские пограничники обычно палят по ним из автоматов. Так сказать, прощальный салют.

Вторая смелая девушка – мексиканка по имени Бланка. Мексиканцам тоже тяжело приходится. Переходят нелегально границу, потом пересекают пустыню в сопровождении проводников, именуемых "койотами". Койоты – это такие вот мерзкие животные из семейства шакалов. Так что, кто эти проводники и каково приходится мексиканцам, вы можете представить. Доведёт ли шакал до цивилизованного места, бросит ли в пустыне... Или того хуже – ограбит и изна-

силует. Так что разборки с доктором Берковичем – это мелочи по сравнению с тем, что этим девушкам пришлось пережить.

Ну, а моя жена... Смелость у неё в крови. Мы же русские. Герои по определению. У нас Сталинград за плечами.

Ну, так постояла группа смельчаков у порога и отправилась восвояси. Дома у нас был скандал. Но не очень большой. Убивать жену я не стал, потому как я не такой "крутой", как муж мудрой девушки Марины. И ещё как раз в это время приехали родители жены из Советского Союза, проживали у нас и находились в состоянии эйфории. А из эйфории, как известно, выводить быстро нельзя, потому что можно также быстро залететь в депрессию, из которой выбраться будет очень трудно. Тем не менее я приказал "выкручиваться, как можешь". Впрочем, и без моих приказов это было ясно.

Так что на следующий день с утра Ирина поехала "выкручиваться" в отделение профсоюза, подбившее их на столь неудачную забастовку.

Профсоюз нашла по адресу визитной карточки. Толкнула дверь, вошла внутрь. Обстановка Ирине сразу понравилась. Деловая и боевая. Народ бегают, суетится. Рисуют транспаранты, выносят флаги. А на столах разбросаны знакомые ей значки, только с другой фамилией. Видно, что готовится очередная акция протеста.

Нашла Ирина того самого профсоюзника. Встретил он её

радушно и тут же по американской привычке спросил:

– Чем могу помочь?

– Неприятности у меня! – сообщает Ирина трагическим голосом. – С работы выгнали.

Профсоюзник же, услышав это, наоборот обрадовался. Всплеснул руками и говорит:

– Вот и отлично. Теперь мы их будем судить!

Ирина, увидев такую реакцию, тоже оживилась и спросила:

– А когда судить-то будете и когда следует ждать результатов?

Профсоюзник тут слегка погрузтел и отвечает:

– Ну, дело это не скорое, пока дело до суда дойдёт, да пока решение примут... Ну, может, год, ну, может, два. А может быть, и пять.

Ирина, как услышала это, сразу в слёзы.

– Как же так. Я из-за вас пострадала. Вы обязаны же мне чем-то помочь.

Профсоюзник удивился и говорит:

– Почему это из-за нас? Вы же сами решали, бастовать или нет. И вообще, у нас в Америке каждый сам за себя. Вы что – этого не знали?

Ирина естественно отвечает:

– Раньше вот не знала, а теперь знаю!

Но тут профсоюзник всё-таки сжалился, может, чуть-чуть проняло, и говорит:

– Хорошо, попытаюсь помочь вам. Есть у меня два адресочка с телефончиками. Там как раз ищут ассистента дантиста. Ребята там работают из наших бывших. Звоните. Скажете, что от меня. Помогут.

Уже кое-что. Пришла Ирина домой. Тут же позвонила. Назначила интервью. Одно на завтра, одно на послезавтра. Что-нибудь да клюнет.

Первое место перспективной работы оказалось, правда, в Окланде. Для тех, кто в географии и прочем Америки не силён, я могу пояснить, что Окланд – это такой городишко, расположенный рядышком с нашим городом, прямо через пролив и соединённый с Сан-Франциско мостом "Bay Bridge". 20 минут езды на метро. Впрочем, это единственная приятная вещь. Всё остальное – вещи неприятные, и заключаются они в том, что этот небольшой городишко постоянно оказывается в тройке призёров по Америке по числу убийств. Впрочем, на семейном совете этот невинный факт все постарались скрасить надеждой, что и в городе Окланде есть очень хорошие места, где проживают миллионеры. Так что на следующее утро Ирина отправилась в Окланд на интервью.

Место, правда, оказалось не очень хорошим. А если уж говорить всю правду, то очень нехорошим. По сторонам улицы громоздились проджекты [субсидированное жильё для малоимущих]. На ступеньках домиков сидели наши чёрные братья. Афроамериканцы, как корректно называет их прес-

са. Некоторые из них были в майках, демонстрируя свою мускулатуру и татуировки. Иные были одеты в толстые надувные куртки. Такая вот "униформа" была в моде среди чёрных юнцов. Вроде как тихо-спокойно, но почему-то боязно.

Нашла офис. Поговорила с дантистом. Ну, работа как работа. Привычная, даже попроще, чем у доктора Берковича. Но вот окружение ... Нэйборхуд – добрососедство в переводе – слегка озадачило. На всякий случай, Ирина спросила насчёт безопасности.

– Да вроде ничего, – пояснил доктор. – Я тут уже десять лет работаю. Эти ребята своих не трогают. Ну, а пока они тебя за своего не признают, можно вызывать секьюрити [охрану], чтобы тебя проводили до машины или автобусной остановки.

Ирина поблагодарила, попрощалась, сказала, что будет думать. Хотя думать тут особенно было нечего, тем более, что зарплата так же, как и район-нэйборхуд, оказалась явно не миллионерской.

Ну ладно, маленький промах. Тем более, что было ещё одно интервью на завтра поблизости в очень хорошем месте. Место это известное в нашем городе, да и за пределами и называется оно район Кастро. Опять же для тех, кто в американской географии не силён, я поясню, что район Кастро – это место, очень хорошо известное по всей Америке. Известность его заключается в том, что живут и обитают там граждане весьма нестандартной сексуальной ориентации. Так что

район этот – как бы вроде очень большого клуба для секс-меньшинств на открытом воздухе.

Я лично против этих товарищей ничего не имею. Хотя бы потому, что они же не виноваты, что такими вот родились, с такими вот предпочтениями. Тем более, что это ребята весёлые. Не зря их геями [gay – весельчак] называют. Район чистый, аккуратный, безопасный. Ну, гуляют там юноши или дедушки в коротких штанишках. За ручки держатся. Даже умилительно. Прямо как в детском саду.

Ну вот в такую вот приятную, чистенькую клинику, в приятном безопасном районе приехала Ирина. Правда, переступив порог клиники, она сразу же заподозрила что-то неладное. В приёмной всё чисто, стерильно, пусто. Ни одного журнальчика, ни одного мягкого кресла. Мебель – пластик, стекло, металл. Ладно, это всё можно отнести на метаморфозы современного дизайна. Но то, что она увидела через стеклянную дверь, весьма озадачило. Врачи и ассистенты точно в палате хирургии. Одеты – штаны, плотные халаты. На головах шапочки, на лицах – маски, очки. Ни одной открытой части тела. Короче, на обстановку в любом нормальном кабинете дантиста очень не похоже.

Потом вышел доктор. Очки, маску, резиновые перчатки снял. Поздоровался и перешёл к интервью-беседе. Томить я вас не буду и сразу перейду к концу и поясню, в чём там дело.

А дело в том, что в этом самом районе Кастро бывает не только весело, но иногда очень и очень грустно. Среди ве-

сельчаков с нестандартной сексуальной ориентацией свирепствует неизлечимая и часто смертельная болезнь – Синдром Приобретённого Иммунного Дефицита. Кратко называемый СПИД, или ВИЧ. И распространён он среди геев в сто раз чаще, чем среди обыкновенного невесёлого люда. Природа, оказываясь, не подозревая о существовании весёлых сексуальных отношений, не выставила в том самом весёлом месте натуральные защитные барьеры. В результате чего вирус быстро и без преград передаётся от одного весельчака к другому. Зубы же у всех болят одинаково. Лечить надо всех. Ну, а сама эта клиника, в которую по недоразумению попала моя жена, как раз и специализировалась на лечении товарищей, заражённых ВИЧ. Униформа персонала как раз этому и соответствовала. Так что вы понимаете, что после этого визита Ирина бросилась в ванну, где долго и тщательно оттирала руки и прочие открытые части тела.

Ну вот, такие вот невесёлые дела. Из клиники доктора Берковича выгнали. Две наводки-интервью провалились. Что делать дальше – неясно. И вот пока мы там дома вечером грустили да читали газеты с объявлениями, раздаётся звонок. На телефоне Марина – та самая мудрая девушка – и сообщает моей жене, что, между прочим, те вот девушки – Бланка и Лин, которых выгнали вместе с Ириной, – уже работают. Уже на своих рабочих местах у доктора Берковича. – Так что – звони, просись обратно.

Ну вот, на следующее утро Ирина звонит в клинику док-

тора Берковича. Секретарша как ни в чём не бывало говорит:
– Конечно, конечно. Нет проблем. Приезжай.

Ирина вскакивает в наш ржавый голубой Шевролет и, настёгивая все 80 древних лошадиных сил, мчится в клинику доктора Берковича. Секретарша встречает её радостно и только говорит:

– Подпишите тут бумажку и добро пожаловать обратно.

Ну, бумажка та приблизительно такого содержания – мол, получилось некоторое недоразумение. Но мы всё это осознали. Зла друг на друга не держим и судить друг друга не будем.

Оказывается, доктор Беркович и сам хорошо струхнул. Ведь, дойди дело до суда, ещё неизвестно, как и чем это обернулось бы. Покуситься в Америке на самое святое – на первую поправку конституции о свободе слова – это вещь серьёзная. Вовек не отмоешься. Впрочем, Ирину все эти детали американской жизни не очень интересовали. Подмахнула бумажку и вперёд к "станку", за привычную работу: сопли, слюни вытирать да больных успокаивать.

Ну, а в конце недели – вы можете себе такое представить – вдруг в кои веки доктор Беркович проводит эдакое дружеское рабочее собрание, где всех благодарит за ударный труд, повествует, что «все мы одна семья и здоровье больных – наш главный приоритет». Ну и самое интересное то, что вдруг заговорил он об Ирине. Отметил её необычайные успехи в зубном деле и пообещал, что в дальнейшем будет её лично обучать премудростям зубной науки. А после собра-

ния, когда все расходились, подозвала Ирину к себе секретарша и сообщила, что ей, Ирине, почасовую зарплату подняли на целый доллар. Получилось, что почти что на 20 процентов, как и обещал профсоюзный босс.

Ну вот тем и кончилась история с забастовкой. Можно было бы здесь закончить, но хочу я вас, читатель, ещё чуть-чуть задержать. Маленькое послесловие.

Ирина зубным врачом не стала. Выяснилось, что у неё тяжёлая физиологическая болезнь – обе руки левые. С такой болезнью в Советском Союзе можно было работать, а здесь, в Америке, к сожалению, нельзя. Поэтому двинула она по иной стезе. Пошла в университет на мастер-программу по психиатрии. Потом устроилась в большой госпиталь и начала там потихоньку трудиться – вправлять мозги всяческим озабоченным товарищам. А потом прошло ещё много-много лет, и вот однажды, не поверите ... Входит к ней на приём та самая Сюзан из клиники доктора Берковича. Смотреть на неё было жалко. Располнела. Стрижка короткая, гадкая, словно под мальчика. Проблем с головой – ворох и ещё чуть-чуть. Жену мою она, конечно, не узнала. Где уж тут узнать какую-то ассистентку, у которой она пила кровь десять лет назад. Тем более, что этот вот обслуживающий персонал – ассистенты-недочеловеки – пронеслись перед её глазами как товарный поезд.

И вспомнилось Ирине, как когда-то, давным-давно, так уж хотелось отомстить своей начальнице. Хотелось ото-

мстить тогда, но не сейчас. Сердце оттаяло. Ну, помогла Ирина ей, чем могла, в каком-то смысле даже по знакомству. Пусть выздоравливает.

Доброе всё же сердце у моей жены.

Кто Ленского убил?

История, такая вот интересная, произошла в одном приятном приморском городе Хайфа.

Жил да был там один алкаш и наркоман (что бывает не

очень часто) по фамилии Ленский (что случается ещё реже). И вот как-то раз полиция, патрулирующая какой-то скверик, находит там хладный труп господина Ленского. Что там случилось с ним – перепился ли он или перекурился – мы не знаем. Но полиции почему-то всегда хочется это узнать. Причём всегда они подозревают самое худшее. А вдруг это какая-то "нечестная игра" – мокруха в переводе. Посматривают, кто там возле этого самого наркомана Ленского в последнее время крутился. И прихватывают одного паренька, который, кстати говоря, знал этого самого Ленского лишь по имени, да по подзаборной кличке. Приводят его в полицейский участок. Просто на беседу. Садят напротив следователя. Следователь достаёт листок бумаги, ручку и начинает такой неспешный допрос, заходя издалека.

– Ты вот, парень, Ленского знаешь?

Паренёк слегка подивился любознательности следователя, но вздохнул с облегчением. Вроде не про его последние "гастроли".

– Конечно, знаю! – отчеканил парнишка.

– А что с ним случилось? – продолжает следователь. – Не знаешь?

– Так убили ж его! – отвечает парнишка.

У следователя в груди начинает бурлить гордость. Класс! Значит, интуиция его не подвела. Но, сдержав эмоции, он невзначай задаёт следующий вопрос, впрочем, уверенный в том, что ответа он не получит.

– А может, ты знаешь, кто его убил?

– Конечно, знаю, – отвечает паренёк, всё ещё никак не понимая, куда же этот следователь клонит и зачем ему понадобилась русская классическая литература.

«Если русский книжный магазин грабанули, – думает парнишка, – то я тут ни при чём. Буду говорить, что знаю».

Следователь же, получив ответ, сообразив, что парень что-то знает, тут же резко, с напором, как учили его, чтоб не успел передумать, кричит на парня:

– Кто? Говори!

– Как кто? – пугается парень. – Онегин убил его.

– Так, значит, Онегин, – говорит следователь и записывает фамилию на бумажку. Поскольку с гласными в иврите плохо, а информация крайне важная, он даже дублирует фамилию на английском. Далее, уже смягчившись, чтоб не спугнуть, задаёт следующий вопрос таким мягким отеческим тоном.

– А откуда ты знаешь, что Онегин его убил?

– Так это ж все знают! – отвечает парень.

– Ну что значит "все"? – говорит следователь. – Вот тебе конкретно кто сказал?

– Мне? – удивляется парень.

– Тебе, тебе! – указывает следователь.

– Пушкин!

– Пушкин, – повторяет следователь и записывает имя уже на иврите, потому что фамилия лёгкая.

В груди у следователя уже начинает учащённо биться

сердце. Начальство непременно отметит благодарностью. Преступление раскрыто.

– Хорошо, – говорит следователь и решает далее зайти издалека.

– Ну, а Пушкин где? Не случилось ли с ним чего?

– Пушкин? – удивляется парень. – Так убили ж его.

– Убили! – охнул следователь, понимая, что у него в руках ниточка от этого преступного клубка.

– А кто убил? Знаешь?

– Знаю! – отвечает парень. – Дантес убил!

– Дантес! – удивляется следователь. – Имя какое-то странное.

– Не имя, а фамилия! – поправляет парень. – Нормальная французская фамилия.

– Так он, значит, француз? – удивляется следователь.

– Француз, – подтверждает парень.

– И где же убили, этого Пучкина? В Париже?

– Не Пучкина, а Пушкина, – обижается парень. – И убили его в России.

Тут следователь, наконец, понимает, что это вот всё даже не преступный клубок, а настоящая международная преступная группировка. И он имеет все шансы эту группировку раскрыть. Он прямо-таки плечами чувствует тяжесть новеньких звёздочек на погонах.

– А где же убили этого Пушкина? В Москве?

– Нет, в Санкт-Петербурге, – отвечает парень, решив

больше не удивляться этому странному допросу.

– А точнее можешь сказать?

– По-моему, где-то на Чёрной речке. Я могу уточнить, – сообщает парень.

– Потом! Потом! – радостно откликается следователь и начинает со всей возможной скоростью строчить на листике, пытаясь не упустить ни одного слова.

«Зря я магнитофон не включил, – думает следователь. – Не ожидал такой информации. Но теперь уж поздно. Колоть надо парня, пока он не передумал».

– Так! – наконец-то сказал следователь, вперив глаза в преступника. – А когда ж произошло это убийство?

– М-м-м, – задумался парень. – Так число вспомнить трудно.

– Ну хоть примерно, – просит следователь.

– Примерно, – соглашается парень. – Ну так лет 150 назад.

– Чего? – слегка удивляется следователь. Но решив, что этот эмигрант слегка путает слова иврита, уточняет: – 150 часов назад?

– Да вы что? – удивляется парень. – 150 лет назад, или 160!

– Ты о ком мне сейчас говоришь? – со злостью спрашивает следователь, видя, как дело разваливается на глазах.

– О Пушкине, поэте, классике мировой литературы, – отвечает парень.

– А Ленский кто?

- Ленский – это персонаж его поэмы.
- А другого Ленского ты не знаешь?
- Какого ещё другого? – удивляется парень.
- Ладно, иди, – сообщает следователь.
- Это всё? – удивляется парень.
- Всё!
- Ну тогда я пошёл.

В дверях он лишь обернулся и опять же удивлённо сообщил:

- Если хотите, могу принести Пушкина. Почитаете на досуге.
- Не нужно, – со вздохом откликнулся следователь, комкая листок с "признанием", – найду в библиотеке.

—

Совесь полковника Крылова

В ту самую среду в расписании нашей группы значилось "Поля" с часу до четырёх. Нет, не поля колхозные, и картошку с помидорами в тот солнечный мартовский денёк нам убирать не предстояло. Среда – это был день, когда мы, представители сильного пола одного из факультетов нашего Н-ского университета, посещали военную кафедру. Там мы постигали премудрости военного дела, дабы по окончании университета не загреметь в армию солдатом, а получить две звёздочки лейтенанта запаса Советской Армии.

Полями именовались занятия, где мы должны были практиковать наши теоретические знания, полученные в удушливых аудиториях военной кафедры. Каким образом офици-

ально именовались эти занятия на свежем воздухе, никто не знал, в том числе наши начальники-командиры. Да и не к чему было знать. В расписании просто значилось слово "поля", и ты должен был в указанное время явиться в нашу военную раздевалку с тем, чтобы получить полевую форму.

Зимой полевая форма имела вид ватных штанов и жёлтого цвета бушлата-ватника. Во время весенне-осенних тёплых дней форма имела вид чёрного загаженного комбинезона. Ещё там же мы получали учебные автоматы Калашникова с просверленным стволом и спиленными затворами, дабы какой-нибудь идиот не пульнул в своего товарища-студента.

Итак, мы обрядились в свою полевую учебную форму, вооружились порченными автоматами и гранатомётами, худо-бедно построились и под заботливые окрики полковника Крылова – "Ать, два, левой..." – потащились в сторону "полей".

Поля, как вы уже знаете, были неправильными. Причём неправильными вдвойне, поскольку полями там даже близко не пахло.

То, куда мы по обыкновению направлялись, был лес, черёмушный лес, если уж быть дословно точным, который рос в черте города и до которого от нашей военной кафедры было рукой подать. Всего-то пятнадцать минут неспешным строевым шагом. Потом прямо с тротуара проезжей улицы мы сворачивали в сторону каких-то ворот и сразу же углублялись в густой по городским понятиям лесок, а дальше, прой-

дя ещё с полкилометра, попадали на большую поляну – любимое место нашего полковника. Это было место, где мы уже "предавались" военной практике. Практиковались мы достаточно односложно, до невозможности глупо и до дебильности смешно.

Впрочем, полковник Крылов этого не знал, а мы хоть и догадывались, но не на все 100 процентов. Да и к тому же вряд ли кому-либо из студентов хотелось играть в учения по-взрослому.

Полковник Крылов обычно садился на свой любимый пенёк. Мы стояли шеренгой перед ним. Он давал нам "вводную", потом мы рассыпались на исходные позиции, где нам предстояло, уже лёжа на животе, постигать премудрости военного искусства, в понимании полковника Крылова.

Чаще всего мы готовились к атаке, потому что, как учил нас полковник Крылов, обороняться – это последнее дело.

Итак, мы лежали по одну сторону поляны. По другую сторону окопался наш условный и потому невидимый противник. Тут полковник Крылов обращался к какому-нибудь студенту, которому "посчастливилось" в сегодняшнем спектакле исполнять роль командира взвода:

– Справа у поваленного дерева расположился пулемётный расчёт противника, ведущий по нам яростный огонь. Ваши действия.

Действия, естественно, напрашивались сами собой.

– Принимаю решение уничтожить пулемётный расчёт! –

громко рапортовал наш, якобы, командир.

– Действуйте! – откликнулся полковник.

– Рядовой Гунько! – орал сегодняшний командир взвода. – Справа у поваленного дерева – пулемётный расчёт противника. Уничтожить.

Рядовой Гунько, играющий роль пулемётчика, наводил в указанное место свой ручной пулемёт Калашникова, делал вид, что целится, после чего скороговоркой выговаривал – "Тра-та-та-та-та-та-та-та".

Затем ненадолго замолкал и затем сообщал:

– Пулемётный расчёт противника уничтожен!

– А контрольные очереди! Мать твою! Забыл? – кричал со своего пенька полковник Крылов.

– Так точно! То есть, никак нет! – отзывался Гунько и тут же, прильнув к пулемёту, выдавал: – Тра-та-та. Тра-та-та.

– Молодец! Так держать! – полковник Крылов нахваливал нашего героя-пулемётчика.

– А теперь слушай другую вводную, – продолжал полковник Крылов. – В створе между деревьями появился танк противника. Ваши действия?

– В створе между деревьями появился танк противника, – орал наш командир, копируя вводную полковника. – Рядовой Волобуев! Приказываю уничтожить танк противника!

Рядовой Волобуев – наш вечный гранатомётчик – был высокого роста, и поэтому ему доставалось таскать, что подлиннее и потяжелее. Вначале он злился, а потом привык. В

конце концов ему даже понравилось выделяться из толпы и быть на заметке полковника.

Рядовой Волобуев наводил гранатомёт в указанный створ деревьев и сообщал:

– Ба-ба-бах!

– Ну мать твою! – уже матерился товарищ полковник. – В сортире и то громче пердят. А ну давай, как положено.

Рядовой Волобуев, набрав побольше воздуха в свои богатырские лёгкие, орал:

– Трах-Ба-Бах.

– Это уже лучше, – хвалил Волобуева товарищ полковник, – но всё равно недостаточно. Ничего, поедем в лагерь, я там научу вас гранатомёту.

Как он нас там учил стрелять из гранатомёта и чем это всё кончилось, я как-нибудь потом расскажу. А пока, убедившись, что все огневые точки подавлены, танки уничтожены, полковник переходил к следующему пункту – инвентаризации боеприпасов.

Выяснялось, что пока наш взвод тра-та-такал, уничтожая живую силу противника, боеприпасы были израсходованы. Причём все. До последнего патрона.

– Но приказ – есть приказ, – поучал нас товарищ полковник. – Высоту надо брать...

И потому мы переходили к следующему номеру нашей развлекательной программы – штыковой атаке.

Конечно, все послевоенные дети, вплоть до годов 60-х,

обожали играть в "войнушку". В юношеском и взрослом возрасте интерес к войнушке потихоньку ослабевал, но наш полковник со своими коллегами по военной кафедре определённо задержался в нежном детском возрасте. Нам же, безгласным студентам, приходилось лишь быть статистами в спектаклях наших майоров и полковников.

– Примкнуть штыки! – звучала команда полковника Крылова. Мы делали вид, что примыкаем штыки, которых у нас, естественно, не было. – Приготовиться к атаке! – звучала следующая команда.

– Товарищ полковник, – тут обычно раздавался голос какого-нибудь шутника, – вопрос можно?

– Ну давай, только покороче, – отзывался наш полковник.

– А боевые сто грамм перед атакой?

– Какие ещё сто грамм? – психовал полковник.

– Так положено, для храбрости, – настаивал шутник. –

Страшно уж очень!

– Дома в общаге нажрёшься! – резюмировал товарищ полковник. – Ещё вопросы есть?

– Есть! – выкрикивал кто-нибудь из нашей группировки, которую в своё время полковник Крылов окрестил как "сионистское подполье."

Наше "сионистское подполье" состояло из двух с половиной евреев – студенты Хайт, Кац, Цукерман, который был евреем только на половину, а на вторую половину "русским по паспорту". А также, как мило выражался полковник Крылов,

"примкнувший к ним Котельников". Студент Котельников был, кстати, был на 100 процентов русским, что опять же в понимании товарища полковника лишь усугубляло его вину.

– Ну ... – грозно, но с явным напряжением в голосе откликнулся полковник Крылов.

– Так, товарищ полковник, это же у нас патроны кончились. А если у них не кончились, что делать?

– Атаковать! – гремел голос полковника. – Это вам не шестидневная прогулка по Синайской пустыне, – яростно продолжал он, явно намекая на шестидневную арабо-израильскую войну. – Всем молчать! Приготовиться к атаке ... Давай, дебил, командуй! – приказывал он командиру нашего взвода.

Командир нашего взвода, уже едва сдерживая смех, вскакивал на ноги и кричал тоненьким голоском:

– В атаку. За мной. Ураааа...

*****

В тот славный мартовский денёк в лесу происходила масса интереснейших событий. Пели птички, из-под снега пробивались подснежники. По стволам берёз струился берёзовый сок. Но к нашему рассказу это никакого отношения не имело. Важным было то, что погода была отличная. Светило мартовское солнце, которое растопило посередине нашей поляны огромную лужу.

Наш взвод, развернувшись цепью, как раз следовал в направлении этой лужи. Дальше, естественно, "бойцы" просто

повернули вправо и влево, обходя это водное препятствие, и в результате сбились в две кучи по краям лужи. Полковнику Крылову это вот решение с лужей не понравилось, и он тут же прокричал:

– Стой, назад, на исходный рубеж.

Мы вернулись обратно. Полковник же Крылов разошёлся не на шутку.

– Ну что! – орал он. – Как бараны сбились в две кучи. Да вас тут же всех противник перестреляет. Цепью надо идти и не обращать ни на что внимание.

Вновь прозвучала команда "В атаку! Урааа..." Вновь мы пошли цепью на противника. Дойдя до лужи, уже не сворачивали, а, матерясь, шлёпали по воде, желая лишь одного – не зачерпнуть воду в сапог и не потерять его в луже.

И вдруг, когда мы уже достигли середины лужи, прозвучала очередная команда полковника Крылова:

– Ложись! Огневой налёт.

Полковник Крылов всегда был любителем "подложить подлянку", а команда "ложись" вообще была его любимейшей командой из всего военного устава. Пользовался он ею безо всякой меры и особенно в присутствии девушек. Полковник Крылов, оказывается, был не лишён чувства прекрасного. Когда мы шествовали строем и нам навстречу попадались самые красивые девушки наших факультетов, полковник наш командовал "Ложись!", с удовольствием наблюдая, как мы купаемся в пыли в ногах у красавиц. Девуш-

ки-студентки смущённо смеялись и убегали. Полковник же Крылов лишь наблюдал с довольной гримасой за этим "действом". Так что ожидать пакость от полковника Крылова было делом привычным.

Но сейчас он явно "перегнул палку". Падать в лужу – это уж слишком. Кто-то остановился, кто-то слегка присел, симулируя положение лежа. Но, к несчастью, с нами на курсе учились три "деда" – ребята, пришедшие в университет после армии и потому обученные не размышлять, а исполнять. Они-то и шлёпнулись плашмя в лужу и лежали там, пуская пузыри в холодной талой воде.

Полковник Крылов и сам не ожидал такого. Возможно, его слова вылетели сами собой, "автоматически", как оправдывался Шура Балаганов, сперев кошелёк. Поэтому через секунду, опомнившись, наш полковник заорал "Отставить! Встать!" и потом, даже снявшись с пенька, устремился к нам. Он добежал до края лужи. Впрочем, в неё он не полез и заговорил мягким, почти отеческим голосом:

– Ну что ж вы, ребятки, шуток что ли не понимаете? Кто ж заставлял вас в лужу прыгать?

На наших дедов смотреть было смешно и абсолютно не жалко. Они стояли как мокрые глупые щенки, вывалявшиеся в грязи и не умеющие даже отряхнуться, как следует, пособачьи.

Потом полковник Крылов сообщил нам, что решил сегодняшнее занятие завершить пораньше, построил нас в ко-

лонну по трое и погнал домой – в университет, на кафедру. Мы шли без всякой строевой песни, даже не в ногу, а как попадая. Полковник Крылов даже на это не обращал внимания. Как и все, я тоже вышагивал в толпе, спотыкаясь о чьи-то ноги, поглядывал на озабоченное лицо нашего наставника и размышлял о странных метаморфозах полковника Крылова.

"Стыдно стало. Неужели?" – думал я. Уж очень это не походило на нашего заботливого командира. Разрешилась эта загадка достаточно скоро, в нашем гардеробе. Как обычно, мы бросали на прилавок сапоги и ватные бушлаты, получая взамен свою гражданскую одежду. Было тихо, спокойно, привычно, обыденно. Но лишь до тех пор, пока наши "мочёные" деды не попытались вернуть свою изрядно подмокшую форму. И тут наш гардеробщик – дядя Коля – взорвался.

– Чего кидаете? – орал он. – В каком виде я форму давал, в таком обязаны вернуть!

– Так мы ни при чём, – оправдывались наши деды, – это товарищ полковник приказал в лужу лечь.

– Какой ещё нах.. полковник! – продолжал орать дядя Коля.

Гардеробщик дядя Коля абсолютно не боялся и не уважал наших военных преподавателей, майоров и полковников, и как часто он говорил, видел их в жопе. Он был бывший фронтовик и, в отличие от наших полковников, нюхнул настоящего пороха. Обычно перед 9 Мая он надевал несколько своих боевых медалей, среди которых выделялась сереб-

ристая медаль "За отвагу". Этим он сильно отличался от наших, с позволения сказать "военных", украшенных звёздами и наградами "непонятно за что". Поэтому сегодняшние негодующие крики не выглядели чем-то "из ряда вон".

– Ведите сюда вашего полковника. Я ему щас врежу по первое число! – продолжал орать дядя Коля. – А у вас что – мозгов нет? – он обращался уже к мокрым дедам.

– Так товарищ полковник же приказал!

– А если он вам прикажет яйца отрезать, так вы тоже отрежете? Думать надо, олухи!

В конце концов, на дяди Колины вопли примчался начальник военной кафедры полковник Зубов.

– Ну просил же я их, военных твоих, не гонять студентов по грязюке, – уже слегка понизив голос, жаловался дядя Коля. – Оно ж всё загниет. Где я сушить всё это буду?

– Да успокойся, дядь Коля! – бубнил начальник кафедры. – Чего-нибудь придумаем.

– Ага, ты придумаешь, – вещал дядя Коля. – Вот возьмёшь к себе домой, да на батарее сушить повесишь.

– Ну ладно, ладно, – отзывался начальник кафедры, правда без должной строгости в голосе, словно даже побаиваясь дядю Колю. Ничего не поделаешь. Закон развитого социализма. Явное перепроизводство полковников и острая нехватка гардеробщиков.

Полковника Крылова рядом не было. Он прятался в туалете. То ли не хотел смотреть в глаза дяди Коли, то ли после

всего совесть замучила.

Корпоратив по-американски

С самого утра мы начали получать поздравления, хотя, честно говоря, поздравлять нас было абсолютно не с чем. Проект, над которым работала наша группа, хорошо отставал от всех намеченных сроков, прочно стоял на месте. Впо-ру было бы не то что хвалить, а принимать организационные

меры. Это и учуял наш начальник – руководитель группы и потому решил действовать превентивно. Настрочил длинное письмо своему начальству, где на первой странице перечислял все, якобы, достижения, а все имеющиеся недостатки, включая то, что ни хрена не работает, перенёс на вторую страницу, в надежде, что первую страницу читать вскоре устанут и до второй уже не доберутся. Ну, а ему как бы индульгенция – "я ж вас предупреждал".

Собственно, так оно и получилось, даже ещё лучше. Начальник, к которому было адресовано письмо, вообще прочёл две первых строчки и, не сильно разбираясь, нажал на кнопку "Ответить всем" и всех нас до единого поздравил с достигнутыми успехами. За одним он вписал в "сс:" почту своего начальника. Его начальник вообще ничего не читал. Просто краем глаза уловил слово "поздравляю" и штампованно откликнулся тем же, опять-таки вписав в сс: почту начальника повыше. Ну а дальше – "пошло-поехало". Каждый следующий начальник, совершенно не разбираясь что к чему, отписывал нам поздравления, находя при этом всё более и более тёплые слова. Начальников можно понять. Где-то там внизу происходит нечто важное, возможно, гениальное. Значит, надо отреагировать. Иначе не простят, припомнят при первом удобном случае. Через кругов 10-12 письмо это добралось до президента компании, который решил, что поскольку его двенадцать экспертов подчинённых единогласно дали высочайшую оценку, то, пожалуй, можно виновников

торжества и поощрить. Не деньгами, конечно. Деньги самому нужны. Да и кто эти деньги упомнит. А вот ланч для группы за компанейский счет – это "самое то". Такое не забывается и выглядит как серьёзный подарок.

Начальник наш был на седьмом небе от счастья. Ожидал разноса, а получил благодарность и потому, не откладывая дела в долгий ящик, занялся тем, что он умеет хорошо делать – подыскивать ресторан.

Естественно, это не единственное, что он умеет хорошо делать. Ещё он отлично умеет делать две вещи. А именно – лизать зад начальству и пинать зады подчинённым. Всё остальное он делает исключительно плохо. Короче – asshole [придурак] порядочный. Ну вы, конечно, не поверите и скажете – мол, это он привирает, поскольку начальство не любит. И, мол, кто ж его любит? Это правда. Начальство я действительно не люблю принципиально. А этого идиота не люблю особенно. Эдакой особенной нелюбовью. И почему? Вы об этом скоро узнаете.

А пока, перечитав все поздравления, мы погрузились в работу, предвкушая поход в приличный ресторан. В том, что ресторан будет приличным и еда исключительная, зная таланты своего начальника, я нисколько не сомневался. На следующий день мы получили письмо-email с указанием места, времени и приложенной картой местности. На всякий случай, чтобы не заблудиться и собраться вовремя – к 12 часам дня.

*****

Ресторан

Колёса завизжали на повороте громко и угрожающе. Потом раздался удар днищем мотора об асфальт. Наш красный Мустанг-конвертибл [открытая машина] от удара словно подскочил в воздух, потом также резко присел на все четыре колеса и наконец замер без движения. "Bloody indians [чёртовы индийцы]", – выругался Питер. "Приехали раньше нас", – со злостью продолжил он, увидев уже запаркованную Тойоту – Самгу, из которой выходили наши индийцы.

Вот они, познакомьтесь, индийцы из нашей группы. Вышли и, точно построившись в колонну, идут к ресторану один за другим. Точно гуси на кормёжку. Один белый, один серый, а ещё один индеец абсолютно чёрный. И не просто чёрный, а чёрный до такой степени, что нормальный американский негр, здесь их афроамериканцами называют, покажется вам Снегурочкой по сравнению с ним. Ну вы и сами знаете, что Индия, на самом деле, это не единая страна-нация, а конгломерат всевозможных народностей, объединённых Индийским полуостровом и английским языком. Потому подобной индийской разноцветности особенно и не удивляйтесь.

Зовут их просто, коротко, почти как трёх поросят: Нив, Нуф и Радж. Опять же сокращённо. А то полное имя каждого индийца – это слово, как минимум, из пятнадцати букв. Про фамилии уж просто помолчу.

Только не подумайте, что я над ними издеваюсь и говорю так пренебрежительно. Это просто для информации. На самом деле они очень умные, талантливые и работоспособные ребята. Закончили свои престижные индийские университеты. Повертелись, попрактиковались в области ИТ (information technology) и теперь как-то залетели сюда, в Америку, в нашу компанию X-Com по так называемой рабочей визе.

А вот опять открылась дверца индийской «Тойоты». Из неё выскочила симпатичная девушка и побежала догонять своих индийцев. Ну, девушкам это простительно. Потому что пока в зеркальце насмотришься, пока подкрасишься, пока сумочку всю перероешь – смотришь, а все уж разошлись. Так что приходится бегом, бегом – догонять. Зовут эту девушку Ручита. Она тоже индейка. Числится в нашей группе как QA – кволити ашуранс. Ну это работа такая – продукцию нашу проверять. Чтобы работала правильно, без ошибок, без сбоев. Но вообще-то какая разница, кем она у нас числится и работает. Потому что красивая девушка украсит любое место. А она действительно красавица. Уж доверьтесь моему вкусу. Впрочем, и на любой другой, самый изощрённый вкус она тоже будет писаной красавицей.

Я на неё давно "глаз положил". С первого же дня, как я здесь работаю. Правда, к сожалению, дальше "глаза" всё никак не идёт. На мои робкие намёки, что, мол, неплохо бы встретиться в иной нерабочей обстановке, она никак не реагирует. Хотя по глазам вижу, что ей вроде тоже хочется вы-

браться на дэйт. А может, ей просто приятно, что на неё внимание обратили, ухаживают, добиваются. Так что на сегодняшний день в сердечных с нею отношениях я полностью "на мели". Хотя, впрочем, я знаю почему. Это меня наши трое индийских коллег просветили. В Индии у них с женитьбой-замужеством ой как строго. Что родители тебе найдут, на том и женишься и без всяких там разговорчиков "люблю – не люблю, нравится – не нравится". Стерпится – слюбится, как говорят у нас на бывшей родине. Я у индийцев наших еще поинтересовался: "А что будет, если не подчинишься, возьмёшь да и женишься на том, кого любишь? Например, из другого рода-племени".

"Ой!" Они прямо побледнели, чуть в обморок не попадали от такого святотатства.

"Ты что! – говорят. – Тогда родители от тебя откажутся, от дома отлучат, ещё скажи спасибо, если наёмного убийцу не подошлют. Потому что это такой позор для семьи – хуже смерти».

Ну вот. Век живи – век учись. Глядишь на них. Вроде бы все нормальные, цивилизованные, а живут на самом деле точно в каменном веке.

Так вот, бедная Ручита. Живёшь ты тут в свободной цивилизованной стране. В колледже-университете обучалась. Мысли-идеи прогрессивные внимала. А там где-то, за тридевять земель, тобой уже торгуют. Уже женишка присматривают, калым побольше выбивают. Впрочем, Индия далеко, а

я здесь. Так что поживём-увидим.

Впрочем, что-то я тут об индийцах заговорился, будто бы у нас в группе кроме них никто не работает. Вот мы вдвоём только что на машине на паркинг влетели. По тому, как Питер выругался "bloody indians", – вы поняли, что он англичанин. Работает он у нас не сильно давно. Где-то с годик. Не знаю почему, но в американских компаниях очень модно иметь англичан. Не очень много. Пару человек на здание. То ли некое уважение к английским аристократам или последний писк корпоративной моды. Питер, конечно, говоря по-русски, "раздолбай" и специалист, честно говоря, никакой. Будь он простым американцем, на работу его б, конечно, не приняли или бы уже давным-давно уволили, потому что знает и понимает он нашу работу очень приблизительно. Но его достоинства совсем в другом. Он у нас работает "громоотводом". Объясняю – как. Собираемся мы так раз в две недели на так называемый "конференц кол". Это такая штука, когда вся наша группа сидит в какой-нибудь комнате для митингов и туда звонят и присоединяются к разговору всякие заинтересованные товарищи, разбросанные по всему миру. Из Франции, Швейцарии, Германии и тому подобное. Там у нашей компании X-com тоже свои интересы, тоже наши люди сидят. Ну и мы все вместе чего-то обсуждаем, обмениваемся мнениями. Короче – пересыпаем из пустого в порожнее. Ну и время от времени какой-нибудь германец или француз задаёт вопрос, на который у нашего начальника ответа

нет. Тогда он просто заявляет: "На ваш очень интересный вопрос ответит Питер." Питер берёт слово и несёт всяческую витиеватую чушь, вокруг да около нашего проекта. Говорит он на чистом бритиш инглиш. Весьма быстро и ни о чём. Его, конечно, всякие там французы, германцы не понимают, но переспрашивать не решаются. То же самое происходит, когда на наши конференц-посиделки является какое-нибудь местное экзэкьютевское начальство. Тогда Питер поступает ещё круче. Свой чистый бритиш инглиш он размешивает с каким-нибудь уэльским или шотландским акцентом. Тогда уж точно – ни единого слова понять невозможно. Экзэкьютев, естественно, кивает головой как китайский болванчик и переспросить не решается. А то ведь подчинённые увидят, что он по-английски ни "бум-бум", и как результат – потеря уважения и страха перед начальством. Так что экзэкьютевский начальник обычно произносит "сэнк ю вэри мач" и валит из комнаты, сославшись на большую занятость. Это наш маленький секретный ход. Мы все понимаем, но тактично помалкиваем. Все, естественно, кроме Питера. Обычно сразу же после такого вот митинга Питер подходит к нашему начальнику группы, хлопает его по плечу и развязно сообщает: "Слышь Бил, а хорошо всё же я тебя сегодня выручил!" Начальник наш – Бил мрачнеет, что-то буркает себе под нос и тут же удаляется. Чувствую, что в конце концов Питер доиграется. Хотя ему всё равно. Для него эта работа – так, возможность мир посмотреть, да себя показать. И

ещё есть у Питера две привязанности, две любви. Машина – красный «Мустанг конвертибл». Он его обожает. Гоняется наперегонки с кем угодно. Или со знакомыми, или на перекрёстке со случайными водителями. Вот и сегодня решил погоняться со всеми нашими сотрудниками. Дал пять минут форы и пообещал, что всё равно доберётся до ресторана первым. И точно, всех обогнал, кроме индийцев, конечно. И не потому, что они быстро ездят, а потому что они всё привыкли делать вовремя и даже заранее.

Вторая любовь Питера – это пивной бар. Вероятно, типичная английская привычка – надеть форму своей любимой команды, прийти в бар компанией таких же точно "раздолбаев", смотреть футбол, пить пиво и громко орать. Ну а третьей, самой главной любви у него пока нет. Не женат. И постоянной подруги – "гёрлфрэнд" тоже нет. С этим туго. Ему же нужна настоящая английская леди, но которая умела бы танцевать на стойке бара с бутылкой пива в руке. Ну где ж такую тут найдёшь?

Ну, так вы уже поняли, кто таков наш английский "рубашка-парень" Питер. Мы с ним дружим, на работе общаемся. Болтаем, когда у меня время есть, о том о сем. Ну а у Питера время всегда есть – и на работе, и после.

Ну о себе я чуть позже расскажу, потому что сейчас все наши съезжаются, и мне нужно каждого вам представить.

Вот подъехал старенький джип "Чероки". Это машина Дэвида. Дэвид у нас самый умный и самый талантливый. Аб-

солютная правда! Он не так давно окончил MIT – Массачусетский технологический институт. И вроде очень неплохо закончил. То есть вы представляете его уровень, если этот институт наверняка входит в десятку самых "крутых" американских учебных заведений. Естественно, у него была куча всяческих предложений отовсюду. И от военных, и от полувосенных, и просто гражданских компаний. Но выбрал он Силиконовую долину и нашу компанию, поскольку он родом тоже из этих мест. Даже его хай-скул [школа] где-то тут неподалёку. Фамилия у него на "берг" кончается. То есть он, скорее всего, еврей или немец. А может, просто американец в десятом поколении, получивший эту фамилию по наследству. Вот он вышел из машины. Вытащил металлический футляр с виолончелью. Хотел идти с ней в ресторан, но засомневался. Просто положил виолончель назад и забросал её всяким тряпьём.

Да! Дэвид ещё ко всему и музыкант. Он мне как-то признался, что долго выбирал куда ж ему идти – в музыку или науку. Родители его тогда уломали на стандартный жизненный путь, хотя мне кажется, что он до конца всё ещё не определился. Если в конце дня пройти возле его комнаты и заглянуть туда, то можно увидеть, как Дэвид сидит на стуле, держит виолончель и водит смычком, не касаясь струн. Просто как бы тренируется, чего-то разучивает и беззвучно репетирует.

Ну вот он отошёл от машины и прошёл в ресторан.

Вот ещё одна знакомая машина – «Кадиллак». Большая, удобная и главное патриотичная. Приехали два наших инвалида и за одним подвезли афганца. Это два наших пожилых американца. У одного из них что-то с ногой. Ходит в каком-то медицинском ботинке с очень высокой подошвой. У другого же высохшая укороченная рука. Чем они занимаются в нашей группе, я не знаю. Скорее всего, ничем. Так, досиживают до пенсии. Начальнику нашему они как бы по наследству достались. Всех американцев среднего и пожилого возраста уже давно из нашей компании выкинули и заменили их умными, послушными и главное дешёвыми индийцами, а этих двоих оставили доживать до пенсии. То ли пожалели, то ли решили не связываться, "не дразнить гусей" в лице лойеров и американского правосудия. Потому что выгонишь инвалида, а потом будешь многомиллионный "ло сыют [судебное разбирательство]" расхлёбывать. Они это всё, конечно, понимают, и их это вполне устраивает. Сиди тихо, приходи-уйди вовремя, не конфликтуй с начальством, и тогда тебе будет обеспечен "кусочек булки с маслом" в виде жирненького чека, приходящего прямо на твой банковский счёт. Потому и сидят они тихо-спокойно и при случае нашего начальника нахваливают всяческими неуклюжими комплиментами.

А вот и афганец за ними прошёл, которого они подвезли. Бедный, несчастный, сгорбленный от постоянного страха. Афганец – это не кличка. Это не воин, не солдат-"марин",

пришедший к нам в компанию с афганского поля боя. Такое только в голливудских фильмах показывают. Это самый натуральный афганский профессор. Оказывается, такое тоже бывает. Не одни талибы в Афганистане живут. Он действительно очень умный, способный товарищ. Обучался где-то в Европах. Когда-то, в относительно спокойное время, – хотя, когда там было спокойное время, – работал в Кабульском университете. Потом сбежал оттуда опять же в Европу. А потом в конце концов угодил к нам в X-com по рабочей визе. А что такое рабочая виза H-1 вы знаете? Нет? Тогда поясню. Если погонят вас с работы, то будьте добры в месячный срок покинуть территорию Соединённых Штатов и убраться в страну, откуда вы прибыли. То бишь в его случае в Афганистан, к талибам. А вы представляете, что это такое? Если какого-то нашего индийца с работы попрут, то он вернётся обратно к себе в Индию. А с таким багажом, как работа в известнейшей американской компании X-com, его прямо с трапа самолёта заберут в какой-нибудь индийский хай-тек. А с нашим афганцем что сделают? Тоже заберут с трапа самолёта. Но не в хай-тек, а заведут за заборчик, достанут кривую талибскую саблю и, "вжик" – голова долой. Показательно, чтоб другим "профессорам" не повадно было. Потому и ходит наш афганский профессор – несчастный, сгорбленный. Работает с утра и до поздней ночи. Изо всех сил демонстрирует свою нужность и преданность. Но чисто по работе ничего плохого сказать не могу. Делает всё, что нужно.

Не конфликтует, не раздражается. Терпеливо всё объясняет, хоть по десять раз. Такому зла не пожелаешь. Даже наоборот. Пусть у него всё будет хорошо. Пусть получит он, наконец, свою вожеленную "грин-карту" и избавится от вечного страха.

А вот ещё одна наша машина въезжает. Старый, ржавый, потрёпанный «Бьюик». Это наши рачительные китайцы подъехали. Последними, как всегда. Опоздали минут на пять. Как обычно, заблудились. Всё никак не могут привыкнуть к английским буквам и дорожным знакам. Живут они здесь уже чёрт знает сколько времени, а по-английски всё ещё едва-едва говорят. Они математики. Очень умные. Работают в нашем проекте. Но общаться с ними можно только по e-мэйлу. А по-другому и не получится. Они тебя не понимают. Ты их тоже не понимаешь, потому что у них даже не китайский акцент, а просто какие-то невразумительные китайские звуки. Когда я только на работу вышел и толком ещё ничего ни о ком не знал, то такой вот конфуз получился. Прямо в стиле поручика Ржевского. Подошёл ко мне китаец и начал что-то говорить. Ну я его слушал, слушал минут пять. Ни слова не понимаю и решил, почему-то, что он говорит не по-английски. Я ему совершенно честно тогда говорю: "Извини, ты можешь говорить по-английски, а то я китайский не понимаю". Он развернулся и ушёл. Наверное, обиделся. Но наверняка не насмерть, потому что китаец к этому уже привык. Потом мы с ним уже общались, пользуясь

доской на стене и знаками для глухонемых.

Ну вот, собственно, вся наша группа. По-простому – сборная солянка, а по-культурному – большой интернациональный коллектив. Без ложной скромности скажу – "Мы гордость нашей компании X-com!" Нас даже как-то специально фотографировали для нашего местного компанейского журнальчика. Прихвастнуть. Смотрите-ка, какво. Настоящий Интернационал X-комовского созыва. И наверняка не только прихвастнуть. Чисто утилитарно от всяких там правительственных комиссий отбрыкнуться. А то вот вечно задают ребята из INS [иммиграция и натурализация] да американского сената провокационные вопросы, типа "С чего это кругом сплошные индийцы? Почему это вы в центре силиконовой долины Бомбей устроили?" А президент нашей компании ответит, точно Паниковский из "Золотого теленка":

"Какие ещё индийцы? Не знаю я никаких индийцев!"

И хлоп нашу фотографию групповую на стол: "Смотрите, завидуйте! И не смейте больше цепляться к нашему интернациональному коллективу!"

Так вот. Ладно, пора уж тоже в ресторан к столу.

Вот он наш длинный столик. Все уж расселись. Питер мне место оставил рядом с собой. А рядышком Ручита.

Молодец! Понимает мои тайные мысли. А может, так случайно вышло.

Одно пустое место за нашим столом осталось. Для на-

чальника. Опаздывает. Наверняка специально. Марку держит. Чтоб знали, кто тут главный.

Так что пока время есть, я вам о себе расскажу, потому что других наших работников и работничков я представил, а о себе ни слова.

Как вы уже догадались, я русский. В смысле – почти русский. Русскоговорящий – так точнее будет. Из эмигрантов последней волны. В нашей группе я самый "молодой". Не по возрасту, а по времени работы здесь.

Пришёл в группу последним на наш проект. Про проект тоже надо пару слов сказать, чтобы вы поняли, почему я здесь оказался. Не бойтесь. Ничего скучно-технического не будет.

Проект наш родился в связи с тем, что во время перестройки, да и потом, в России начали всё быстренько рассекретивать. Выполнять новые постановления правительства о свободе и гласности. Ну вот как-то рассекретили и отдали народу одну весьма интересную вещь. Народу бывше-советскому это всё, конечно, нафиг не надо, а в нашем X-com(e) этой штучкой весьма заинтересовались, потому что они подобную же вещь производили, но только в американском варианте. Конечно же, не хуже, а, пожалуй, лучше. Но начальство, умные головы, решили – а не прикрутить ли эту ещё советскую систему к нашему чипу. Всем кругом объявим, что система благодаря этим советским разработкам стала вдвое лучше, вдвое надёжней, вдвое быстрее, коро-

че, вдвое всего, всего, всего. Ну а пока конкуренты очухаются, мы их уж с маркета и вытолкнем. Вот, собственно, и все упрощённые технические детали этого проекта. Была тут, правда, некая вполне естественная закавыка, к которой с должным вниманием не отнеслись. Закавыка эта заключалась в пятистах страницах документации на русском языке. Вы тут, конечно, скажете – ну и что тут особенного. Найди переводчика, да переведи на английский. Не Шекспира же переводим, пастернаки здесь не нужны. Абсолютная правда. Пастернаки здесь не только не нужны, а наоборот, весьма вредны. Потому что мы не Шекспира переводим, и нужна нам не гладкость слога, а понимание предмета. Но, как известно, опыт приходит с опытом, которого, естественно, у нашего начальника не было и который к этому вопросу отнёсся, как говорят "спустя рукава". Короче, первым русским, кто появился в нашей группе, был некто Азаров Алексей Семёнович. Пожалуйста, не будьте введены в заблуждение отчеством Семёнович. Он не из "наших", не из последней волны эмигрантов, а из волны более ранней. Прибыл в Америку давным-давно из Харбина. Я подозреваю, что до этого ещё на часах стоял возле Зимнего дворца в оцеплении юнкеров. Впрочем, возможно, я не прав. Зимний охранял не он, а его папа. Но, в любом случае, он из Харбина, вынесший оттуда прекрасный аристократический русский язык и беззаветную любовь к белому офицерству. Долгое время преподавал русский язык в шпионской школе в Монтерее. Есть тут та-

кой очень приятный городок – бывшая столица ещё испанской Калифорнии. Так сказать, обучал американскую молодёжь шпионскому мастерству. В свободное от работы время ненавидел большевиков и писал стихи-переводы на английский язык всяческих белогвардейских и полубелогвардейских поэтов. Переводы эти он публиковал на свои средства, ну и раздаривал знакомым или вообще всем, кто возьмёт. Идиллия эта продолжалась до Перестройки. Потом Советский Союз рухнул, а вместе с ним развалился и русский отдел Монтерейской шпионской школы. Алексей Семёнович лишился работы. Ничего не поделаешь. Настали иные времена. Советский Союз превратился в новое государство, в котором старые шпионские подходы уже не работали.

Представьте себе, сколько же нужно было труда, чтобы выведать из Советского Союза какой-нибудь маленький секрет. Во-первых, нужно было найти подходящую кандидатуру засекреченного советского учёного. Потом подсадить к нему неотразимую красотку. Ждать, пока он там созреет и добудет ключи от квартиры друга. Потом ходи туда, устанавливай кинофотоаппаратуру. Снимай этот дурацкий порносюжет, который в результате оказывается больше похож на фильм ужасов или, в крайнем случае, кинокомедию. Ходи потом с этой дуростью и шантажируй учёного его чёрными сатиновыми трусами. А если в результате оказывается, что этот самый учёный на самом деле двойной агент, работает на КГБ и специально полгода тянет волынку, чтобы иметь кра-

сотку "на халяву". И стыда тогда не оберёшься и карьеру дипломатическую загубишь. Но это было давно. А теперь пришли новые времена. Страна стала другой – свободной, демократической. Теперь всё просто. Понадобятся, скажем ЦРУ или Пентагону сведения о новейшей, секретнейшей российской ракете "Ураган". Тогда в Комсомольскую правду в раздел "куплю-продам", он теперь по-культурному "Бизнес" называется, даём следующее объявление: "Центральное Разведывательное Управление купит техническую документацию на ракету «Ураган». Оплата по договорённости. Приватность гарантируем". После чего от охотников поделиться секретной документацией отбоя не будет.

Собственно, всё это и объяснили Алексею Семёновичу, когда его поблагодарили за многолетний ударный труд и вывели в сопровождении охранника за пределы обновлённой шпионской школы. Теперь Алексей Семёнович понял, что зря он всё-таки ненавидел большевиков – по сути дела своих работодателей. Но делать нечего, пришлось ему искать новое место работы, где он мог бы приложить свои знания русского языка. И как-то раз он наткнулся в газете на объявление о том, что наша компания остро нуждается в специалисте-переводчике. На интервью он явился с не хилым багажом всяческих грамот и поощрений, а также принёс свой томик переводов Гумилёва на английский язык. Начальник наш открыл книжечку, нашёл там некое стихотворение о Конквистадоре. Наверняка вы его не читали. Ничего страшного. Я

сейчас вам его процитирую:

“Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду”.

Начальник наш прочёл эту бредятину. Посмотрел на послужной список Алексея Семёновича – каких он только шпионов не воспитал, какими только наградами не удостоен, и тут же принял его на работу. Беда была лишь в том, что литература-то – наука неточная и большого значения, чего ты там преследуешь – звезду или луну – и в каком панцире ты сидишь на лошади – в железном или деревянном – значения не имеет. А в нашей технической документации – ой как имеет. Поэтому вы поняли, что два месяца к ряду наша группа под руководством неудавшегося поэта Алексея Семёныча весело преследовала звезду и в результате заехала в такое болото, что ни пройти, ни выйти. С господином Азаровым-Сусаниным пришлось расстаться, и наш начальник решил, что, пожалуй, русской литературы и поэзии можно иметь чуть поменьше, а знаний технических – чуть побольше. Поэтому следующим, кто появился в нашей компании, был мальчик Боря, недавний выпускник Беркли. Очень умный. Учился на сплошные пятёрки. Закончил университет с красным дипломом, если, конечно, тут такой дают. Боря был как раз из "наших". Завезён в Америку в нежном возрасте. Лет так в пять или семь. Родители – последняя волна ев-

рейско-русско-советских эмигрантов. То есть был он самым что ни на есть настоящим американцем с русскими корнями и даже знанием русского языка, чему целиком и полностью обязан своей бабушке. Беда была лишь в том, что русский язык, которому он обучался, был с неким уклоном на бабушкин холодильник. То есть каждую неделю в субботу бабушка давала Боре такие вот уроки русского языка:

– Боренька, ты голубцы будешь кушать?

– Нет, бабушка, не буду.

– А сырнички?

– Нет, бабушка, я не голодный.

– А салатик оливье?

– Бабушка, я тебе уже сказал!

– А блинчики со сметаной?

– Бабушка! Сколько можно повторять. Я не голодный!

– А может, тебе рыбку поджарить? Свеженькая. Сегодня в 7 утра на базаре купила!

– Бабушка, если ты не прекратишь, то я сейчас уйду.

– Хорошо, Боренька, не волнуйся. Просто я вижу, что ты такой худой.

– Бабушка, я не худой. Я нормальный!

– Нет, Боренька, я вижу, что ты похудел. Ты что с девочкой поссорился?

– Бабушка, у меня нет никакой девочки!

– А почему нет?

– Потому что нет и всё!

– А хочешь, я тебя с хорошей девочкой познакомлю. Внучка Фиры Иосифовны. В сити колледже учится на бухгалтерера.

– Бабушка, ради бога, не надо меня ни с кем знакомить.

– Боренька! Ты что с гойкой хочешь дружить?

Ну и так далее, в том же ключе. Но Боря всё равно любил бабушку. Иногда даже, чтобы сделать бабушке приятное, Боря читал учебник русского языка для 1-го класса. Помните наверняка сакраментальные строки – "Мама мыла раму." Ну, собственно, такой вот уровень, о чём Боря совершенно спокойно, без всякой задней мысли написал в своём резюме: "Свободно владею русским языком".

Собственно, и здесь вы себе представляете, чем всё это кончилось. Прошло месяца два. Боря дальше введения так и не продвинулся. Ну что вы от него хотите, если самым сложным произведением, которое Боря осилил, был детский рассказ "Мишкина каша". Естественно, начальник наш начал нервничать и даже хамить. Так что в результате Боря ушёл сам. Его друзья по Беркли позвали в какой-то "стартап [вновь созданная компания]". В пятницу ушёл домой Боря как обычно, а в понедельник позвонил начальнику и сообщил, чтобы больше его не ждали и зарплату за последнюю неделю могут оставить себе.

И правильно сделал! Валить надо из нашей богадельни, от этих экзекьютивов куда подальше, если есть возможность. А там, гляди, со своими друзьями какой-нибудь Гугл изобре-

тёт. Так что в нашей компании я оказался русским специалистом номер три по счёту. И без ложной скромности скажу, что как раз то, что им было нужно. В Союзе я работал в этой области. Такой бред, как техническая документация, вещь для меня знакомая. Сам подобное писал. Ну, а английский язык для общения вполне удовлетворительный. Похуже, чем у Питера, конечно. Но зато получше, чем у китайцев. Так что тихо-тихо проект сдвинулся с мёртвой точки и даже задышал, о чём наш начальник тут же поставил в известность руководство. Так что в каком-то смысле я тут именинник. Нужное колёсико в нужном месте. Так что не худо бы здесь и за меня тост поднять, хоть кока-колой, потому что никакого алкоголя за компанейские деньги тут явно не предвидится.

Так! Кого ещё ждём? Начальника нашего, командира. А вот и он, наконец. Опоздал на 15 минут. Наверное, этому на их начальственных семинарах учат, как вести себя в коллективе. Посмотрел на наш стол, на своё место. Скривился слегка. Вероятно, что-то ему не понравилось. Хотя место-то ему оставили самое нормальное – как раз в центре стола. Каждого можно увидеть, до каждого можно дотянуться. По правую его руку сидит наша национальная инвалидная гвардия – два американских инвалида. Они за него "и в огонь, и в воду". По левую руку – наёмная индийская гвардия. Тоже ринутся в атаку по мановению руки. А вот напротив, теперь я понял почему он скривился, три врага – Дэвид, Питер и я. Ну, не совсем враги. Это я уж слишком. Но и уж не соратники точ-

но. В его понимании, просто группа ненадёжных бойцов, которые в любой момент могут драпануть с поля боя. Ну уж, что есть – то есть. Сам выбирал. Ну, ничего. Покривился, успокоился, уселся. За опоздание, естественно, не извинился, но пробурчал что-то вроде шутки. Юркий официант, сообразив, что все собрались, тут же подскочил к нашему столику собирать заказы на напитки. Всё было достаточно стандартно. Кому-то воду, кому-то кока-колу, кому-то диетический напиток. Единственный, кто никак не мог решиться, был Питер. Он уже минут пять изучал винный лист. То ли не знал, то ли забыл, то ли решил проигнорировать устный запрет на спиртное. Но в результате стал сильно задерживать официанта вопросами о коктейлях и наконец-то просто заказал виски со льдом. Всем было, естественно, всё равно до вкусов Питера, кроме, естественно, начальника. Услышав слово "скотч", он насторожился и, не дав официанту отойти от столика, прикрикнул на него:

– Никаких скотч! Кока-колу ему.

Питер слегка удивился.

– Это ещё почему? – поинтересовался он.

Тут бы начальнику тихонечко объяснить Питеру, что, мол, существует запрет на алкоголь, оплачиваемый компанией. И дело лишь в том, что компания опасается, что человек после обеда может учинить какую-нибудь аварию, а тут мгновенно явится юркий лойер и устроит компании многомиллионный "ло сют". Я думаю, что Питер не стал бы особо возражать.

Но начальник наш почему-то решил, что Питер подверг сомнению его начальственные полномочия и "полез в бутылку". Он вдруг, саркастически копируя британский акцент Питера, заявил:

– Во-первых, потому что в компании свободных денег нет, а во-вторых, потому что компания не собирается поощрять дурные привычки некоторых работников.

Я уже говорил, что начальник наш – идиот и asshole. В его короткой фразе заключались сразу три оскорбления.

Издёвка над языком метрополии, указание Питеру, что можно делать и что нельзя, и в конце концов прямое надругательство над так называемыми дурными привычками. В приличном месте за подобное можно было бы легко схлопотать по роже. Но место, где мы сидели, было явно неприличное. Так называемый "fine dining". Здесь все конфликты предполагается решать не рукоприкладством, а долгими задушевными беседами и уговорами. Питер это понимал и поэтому "проглотил пилюлю". Но всё же глядя на помрачневшее лицо Питера я понимал, что этого он так не оставит.

Пока Питер сидел и переживал, к нам снова подскочил официант, расставляя напитки. Перед Питером вырос здоровенный бокал кока-колы со льдом. Остальные наши тоже получили бокалы с напитками или стаканы с водой. Официант тут же, "не отходя от кассы", начал принимать заказы на основные блюда. Каждый уже нашёл в меню наиболее привлекательное блюдо и уже быстро, не задерживаясь, докла-

дывал официанту о своём выборе. Вымуштрованный официант быстро отзывался на каждый заказ стандартно-бессмысленной фразой "great choice [прекрасный выбор]". Все наши американцы заказали по стейку. Дань традициям прерий и ковбоев. Даже инвалид с высохшей рукой заказал стейк. И как только он собирается с ним управляться. Индейцы тоже традиционно заказали "вэджи". Они так именуют вегетарианские блюда. Не знаю, считать ли это русской традицией или нет, но я ориентировался по ценам. Выбрал самое дорогое блюдо. "Халява-с!" Одному лишь Питеру было не до выбора. Переживал ли он начальственное хамство или обдумывал план мести, но, когда рядом с ним оказался официант, Питер не глядя ткнул пальцем в первое попавшееся блюдо, попав в какие-то итальянские макароны с устрицами.

Вся техническая подготовка к обеду была завершена. Оставалось лишь расслабиться, глазеть по сторонам или болтать с соседями – что больше нравится – и готовиться лицезреть заказанное блюдо. Этот непродолжительный период отдыха оказался прерванным нашим идиотом-начальником. Он почему-то решил провести здесь внеочередное собрание коллектива, считая, что лучшего времени и места для этого нет. Сначала он прицепился к афганцу, сказав, что что-то давно он уже не демонстрировал каких-либо существенных результатов. Из-за чего афганский профессор посерел от страха. Потом начал что-то выпрашивать у китайцев. Поскольку китайцев и в нормальной-то обстановке понять

невозможно, а тем более в шумном ресторане, то начальник вскоре от них отстал. Потом поднял самого умного индийца Нуф-Нуфа и начал у него выспрашивать – что там не получается. Нуф-нуф постоянно вскакивал, порываясь идти к доске. Но поскольку доски в ресторане не было, то он сел на место и начал что-то малевать на салфетке, которую потом подымал и демонстрировал всем. Было одновременно скучно и смешно. Свою скуку и явную неуместность проводимого митинга весьма показушно демонстрировал Питер. Он сосредоточился на бокале с кока-колой, которой ему заменили несостоявшийся коктейль. Он деланно пробовал кока-колу на вкус, картинно морщился, рассматривал её на свет. Потом неожиданно поставил кока-колу на стол и, нахально оборвав доклад Нуф-Нуфа, вдруг громко сообщил:

– А я всё-таки закажу себе коктейль. За свой счёт! – добавил он. – Коли в компании деньги есть только на миллионные бонусы нашему президенту.

Потом, не дожидаясь ответа от начальника, заорал: "Гарсон!"

Проходящий мимо официант ничего не понял, но на крик подошёл. Питер поманил его пальцем и что-то шепнул на ухо. Официант кивнул и резво побежал в какое-то подсобное помещение. Индиец Нуф-Нуф, потеряв мысль, замолчал, задумался на секунду и спросил в воздух:

– Так на чём же мы остановились?

– Ни на чём! – нагло заметил Питер. – Можешь продол-

жать с любого места. Он всё равно ничего не понимает.

И это была чистейшая правда. Начальник аж затрясся от злости. Но скандала не последовало. На счастье, к нашему столу подошли два официанта и начали расставлять заказанные блюда. Естественно, запахи и вид блюд мгновенно поглотили внимание всех сидящих. Каждый заглядывал в свою тарелку и сравнивал с едой соседа – не промахнулся ли. Потом застучали вилки, заскрипели ножи. О дурацком митинге мгновенно забыли. И вдруг из-за спины Питера показался официант, бережно и галантно демонстрирующий бутылку с каким-то виски. Официант начал было что-то говорить, расхваливая принесённое питьё, но Питер движением руки прогнал его. Я, естественно, ничего в винах и виски не понимаю. О водке знаю лишь то, что надо пить "Абсолют", а на "Столичную" даже не смотреть. Но знающие люди слегка оживились. По тому, как наши инвалиды причмокивали, обсуждая принесённую бутылку виски, и хищно поглядывали на неё, я понял, что Питер заказал нечто весьма достойное. Питер удовлетворённо хмыкнул, поняв, что его усилия в выборе алкоголя не прошли совсем впустую, потянулся к бутылке.

– Так, – начал он, приподымая бутылку. – Ребята, будете пить? – обратился он к индийцам.

Индийцы дружно замотали головами.

Питер окинул взглядом остальных наших за столом. Естественно, никто не торопился поднять стакан и протянуть его

Питеру. Питер на мгновение осёкся, но тут же опять обратился к индийцам.

– Так! – сказал он тяжёлым голосом полицейского следователя, – значит, не будем! Ну, хорошо, тогда я переформулирую вопрос, – сообщил Питер и затем продолжил, чеканя каждое слово.

– Кто желает, чтобы мы удачно завершили наш проект, чтобы наша компания процветала, чтобы акции нашей компании достигли невиданных высот? Вы что же – этого не хотите? – спросил он, в упор глядя на индийцев.

Индийцы, загнанные в тупик неожиданной постановкой вопроса, настороженно молчали.

– Питер! Прекрати свои провокации! – неожиданно влез начальник. – Они с тобой пить не будут! И вообще никто здесь пить с тобой не будет!

– Ну, хорошо, – ответил Питер, словно отмахиваясь от начальства. – А ты желаешь, чтобы компания процветала? – обратился ко мне Питер.

– Естественно, желаю! – подыгрывая Питеру, ответил я.

– Ну и отлично, – со вздохом облегчения произнёс Питер, наполняя мой стакан, – видно в этой паршивой компании есть только два человека, желающих ей здравствовать и процветать!

– Cheers! – радостно произнёс Питер, подымая свой бокал.

– Cheers! – ответил я.

Питер слегка смухлевал. Себе он налил полстакана, в котором уже находился лёд. Мне же он налил полстакана полновесной порции янтарной жидкости. Пить особенно не хотелось, но оставлять Питера один на один со взбешённым начальником было как-то не по-дружески. Я решил помочь Питеру, но не "тянуть резину" и расправиться с виски быстро, как мы делали это когда-то в Союзе на сельхозработках. Я просто влил себе виски в глотку. Выпил залпом под восхищённые взгляды индийцев и неодобрительные взгляды американских инвалидов. Естественно, я был не прав. Расправиться таким способом с почти коллекционным виски было не очень красиво. Но, собственно, я-то думал, что имею дело с обыкновенной бутылкой из супермаркета, совершенно не предположив, что Питер разорится на бутылку ценой в 200 долларов. Но, собственно, Питер совершенно не обиделся. Лишь хлопнул меня по плечу и тут же влил ещё такую же солидную порцию виски в мой опорожнённый стакан. Наши ребята опять застучали вилками, заскрипели ножами, нажимая на свою еду. Потом все потихоньку насытились, повеселели, загалдели, обсуждая что-то между собой и рассказывая свои истории. Наши инвалиды тоже решили попробовать ценное виски. Раньше они его лишь видели на картинках в рекламе, да за стеклом в магазинах. Потом уже захмелевший Питер заставил индийцев испробовать своё приобретение, налив им по несколько капелек. Дэвид едва глотнул виски, ссылаясь на важные дела на сегодня. Потом пришла

очередь делиться жизненным опытом. Питер рассказал историю, как ему начистили физиономию и выбросили из его английского "паба", когда он отказался платить за это самое виски. Оказывается, Питер уже знал о существовании этого виски, хоть и не из дегустационного зала.

На удивление, но наш обед-посиделки получились неплохо. Ребята наши уже болтали без остановки. Даже наш вечно испуганный афганский профессор повеселел. Лицо его приобрело нормальный розовый оттенок. Было хорошо и весело. Единственным за столом, кого это всё не устраивало, был наш начальник. Он сидел мрачнее тучи, насупившись, злобно ковырял ножом свой стейк, видимо, считая, что коли наш ланч пошёл не по его сценарию, то он безнадёжно сорван. Принесли деёртное меню. Начальник было хотел свернуть всё поскорее, обойтись без десерта. Он опять сослался на то, что в компании денег нет и следует экономить. Но к этому времени официант уже начал принимать заказы на пирожные и прочие сладости. Официант ушёл с заказами. А наши снова загалдели, пересказывая друг другу и всем свои жизненные истории.

Наш инвалид-американец рассказал историю своего детства, как они охотились на диких индюков возле полицейского управления, и что из этого получилось. Вдохновлённый рассказами об охоте, наш самый чёрный индеец рассказал историю своей деревни, когда к ним забрёл ненормальный дикий слон и начал крушить всё подряд. Слона тогда

застрелили, и потом они всей деревней всю неделю пиروвали – отъедались слоновьим мясом.

Тут уж действительно история уникальная. Слоновье мясо из наших, сидящих за этим столом, уж точно никто не пробовал. Я слушал все эти весёлые рассказы в пол-уха, потому что был занят разговорами с Ручитой. После выпитого стакана виски я находился в том замечательном состоянии, когда ещё не развезло, но море уже по колено. Пришла неожиданная смелость, разговорчивость, ясность мысли. Для себя я решил – "сейчас или никогда". Уговорить Ручиту и назначить ей дэйт – свидание на ближайшие выходные. Всё уже почти получилось, Ручита сообщила мне, что она в принципе не против, но кокетливо добавляла, что ей всё-таки надо проверить своё расписание на выходные. Я находился уже на седьмом небе и уже готов был расцеловать нашего начальника за то, что он устроил нам такой замечательный ланч, а заодно и Питера, украсившего наш стол таким замечательным напитком. Ручита что-то говорила мне своим восхитительным звонким голоском, поглядывала на меня своими цыганскими чёрными глазами, а потом неожиданно спросила:

– А я слышала, что в России тоже много пьют?

– Ну да, – подтвердил я.

– А ведут себя так же, когда выпьют? – продолжила Ручита, указав на Питера, который тут за столом уже разошёлся не на шутку.

– Нет! Что ты! – ответил я. – Гораздо лучше.

– Лучше? – удивлённо спросила Ручита. – Это как?

– А хочешь могу показать!

– Покажи... – удивилась Ручита.

Я встал, тихонько приподнял её за плечи и, подавшись вперёд, поцеловал её в губы.

Вокруг раздались аплодисменты. Вероятно, посетители ресторана решили, что они присутствуют на важном событии – предложении руки и сердца. На секунду мне показалось, что Ручита даже прижалась ко мне. Но ещё через секунду она резко оттолкнула меня и с размаху залепила звонкую пощёчину.

Аплодисменты вокруг стихли. Видимо, посетители сообразили, что предложение руки и сердца не принято. За нашим столом тоже наступила недобрая тишина. Но через мгновение от шока очнулся наш начальник.

Он резко вскочил и рявкнул:

– That's enough! [С меня хватит!]" – Потом, обведя глазами стол, скомандовал: – Всем встать! На выход!

Первыми вскочили китайцы и резво бросились к выходу, точно сдавая нормы ГТО.

"Вот она – наша коммунистическая закалка!" – с гордостью подумал я.

Потом потихоньку, неохотно начали подыматься остальные. Впрочем, не все. Я наоборот сел. А Питер лишь поудобней устроился на своём стуле, нахально рассматривая

начальника. Начальник тут же обратил внимание на бунт. Слегка перегнувшись через стол, он яростно зашипел.

– А тебя, Питер, это не касается? Собираешься уходить?

– Нет, не собираюсь, – сообщил Питер. – Я ещё не допил свой коктейль!

– А ты, Грэг, тоже остаёшься? – обратился ко мне начальник.

– Остаюсь! Я ещё не доел свой десерт, – в тон Питеру ответил я.

– Как знаете! – всё так же яростно прошипел начальник. – Но будьте уверены, что ваше поведение я без последствий не оставлю!

Потом он развернулся и, уже срывая злобу на остальных, начал командовать:

– Не задерживаться! Чтобы через пятнадцать минут все были на местах.

Наши сотрудники потихоньку собирались. Возле меня с Питером проковылял наш инвалид, потом остановился неподалёку и с улыбочкой поинтересовался, обращаясь ко мне:

– А может, подвезти тебя? Кто знает, может, дорогу назад не найдёшь!

Улыбочка и тон вопроса мне не понравились. Явно какие-то намёки. Уже предвкушает неприятности.

– Не беспокойся, – я решил отшутиться, – когда я работал в СССР, то мы сюда ракеты наводили. Так что место знако-

мое.

Шутка явно не удалась. Улыбка мгновенно сошла с лица инвалида. Он раскрыл рот, собираясь сказать многое, что он обо мне думает. Но, видимо, хотел сказать слишком много, потому что лишь ограничился одним коротким словом.

– Фак! – яростно произнёс инвалид. Потом схватил первый попавшийся под руку стул, швырнул его на пол, потом развернулся и захромал к выходу.

Весёлый гам нашего стола исчез. Стол опустел. Мы остались вдвоём с Питером среди груды недоеденных сладостей и недопитых чашек кофе и чая.

Вдруг Питер пристально посмотрел на меня. Потом поднял руку, указав на мою щёку, и сообщил:

– Поздравляю. Настоящая бенгальская тигрица. И как только ты собираешься с нею управляться?

Я провёл салфеткой по щеке. На белой салфетке расплылись красные пятна. Н-да. Хороша Ручита. Расцарапала мне щёку своими маникюрными коготками. Хотя, впрочем, я сам виноват. Я вышел из-за стола и прошёл в туалет умыться и привести себя в порядок. Потом вернулся. Сел на свой стул и явно почувствовал, что стало скучно. Весёлый гам нашего стола исчез. Люди за соседними столиками подымались и покидали помещение. Делать стало абсолютно нечего. Питер, на всякий случай, собрал все недоеденные десерты нашего стола и выставил рядом перед нами. Теперь всё это можно было продегустировать, чтобы знать, что в следующий раз

заказывать в этом ресторане. Хотя такой случай, думаю вряд ли, представится. Что делать с недопитой бутылкой виски, мы не знали. Но во всяком случае не распивать же её, закусывая пирожными.

Потом мексиканские работники, моющие пол, вплотную приблизились к нам, давая понять, что неплохо нам уже валить отсюда. Питер с сожалением смотрел на недопитую бутылку виски.

– Да брось её! – предложил я.

– Ещё чего, – возмутился Питер. – Оставлять такую ценность!

Он вогнал пробку обратно в горлышко, подхватил бутылку, показывая, что все дела сделаны и теперь можно валить восвояси. На выходе Питер расплатился за бутылку виски. Всё остальное уже было оплачено нашей щедрой компанией. Потом мы прошли на паркинг, отыскали его красную машину и уже спокойно тронулись в обратный путь. Питер тихонько подъехал к выезду на улицу. Так же спокойно переждал поток машин. Потом тронулся вперёд. Вообще-то нам нужно было повернуть сразу направо. Но Питер двинулся прямо, пересекая двойную жёлтую разделительную линию. Я, собственно, не придавал этому значения, полагая, что Питер собрался ехать домой каким-то другим путём и сейчас повернёт налево. Питер же резко крутанул руль направо, оказавшись на противоположной стороне движения.

Я на секунду потерял дар речи, но потом, очнувшись, за-

орал:

– Что ты делаешь?

Впрочем, Питер уже и сам понял свою ошибку. Просто, о чём-то задумавшись, он автоматически поехал, как в своей Англии, – по левой стороне дороги. Теперь уже деваться было некуда. Проезжие части дороги разделял высокий бордюр разделительной полосы с высаженными на ней пальмами. Выбора не было. Не пятится же задом. Поэтому Питер решил ехать до ближайшего перекрёстка, чтобы там уже перескочить в свою полосу. Машина медленно продвигалась по улице, мигая лампочками аварийной сигнализации. Едущие нам навстречу машины нещадно сигналили, а водители посылали недвусмысленные знаки средними пальцами. Кое-как мы дотащились до перекрёстка, но неожиданно слева на боковой улице мы увидели полицейскую машину, спокойно ожидающую зелёного сигнала светофора.

– Шит, фак! – рявкнул Питер и, уже не соображая, что делает, нажал на акселератор. Машина перескочила перекрёсток, всё так же оставшись в противоположной стороне движения.

Мимолётная надежда, что полицейский нас не заметит, была мгновенно развеяна полицейской сиреной. Питер ещё по инерции проехал метров сто и остановился по соседству с длинным рядом машин, припаркованных вдоль дороги. Полицейская машина остановилась прямо за нами, всё так же поигрывая сине-красными проблесковыми маячками. Из

неё выбрался невысокий, жирненький полицейский. Он уже собирался направиться к нам, но остановился и задумался. Ситуация была, по всем полицейским меркам, не стандартная, а значит опасная. По полицейским правилам, подходить к машине следует с пассажирской стороны, подальше от потока машин. У нас же было всё наоборот. Полицейский задумался и решил остаться в безопасности. Придерживая рукоятку пистолета, он подошёл к нам сзади.

– Я остановил вас в связи с тем, что вы двигались в сторону, противоположную движению, – официально сообщил полицейский.

Впрочем, мы уже об этом догадались, и Питер это неохотно подтвердил. Потом полицейский задал парочку вопросов, не имеющих отношения к делу и наконец перешёл к официальной части.

– Вы сегодня пили, сэр? – начал он.

– Ни капли, сэр! – соврал Питер, нажимая на свой английский акцент: – Я просто несколько дней назад прибыл из Англии...

– Понятно, – оборвал его полицейский. – И виски вы не успели допить в Англии, – весело добавил он, указывая на бутылку, предательски поблескивающую на заднем сиденье.

– Это подарок другу! – начал изворачиваться Питер.

– Всё ясно! – победно произнёс полицейский. – Мне даже не надо проводить тест на алкоголь, чтобы арестовать тебя.

– За что? – не выдержал Питер.

– Открытая бутылка алкоголя в машине. Раз! Обман представителя власти. Два!

– Всего-то? – изумился Питер.

– Мало? – спросил полицейский. – Ну тогда добавим.

– И сопротивление при аресте. Три! – радостно сообщил он. – Вы арестованы. Прошу выйти из машины!

Питер уже молча выбрался из машины, опасаясь, что находчивый полицейский ко всем обвинениям добавит ещё четыре, пять, шесть, а там, гляди, и двенадцать.

Наручники защёлкнулись на запястьях Питера. Полицейский проводил Питера в свою машину и, придержав его голову, втолкнул на заднее сиденье. Затем он, всё так же придерживая рукоятку пистолета, направился ко мне. Я сидел не двигаясь, почти по стойке смирно. Лучшее, что можно было придумать в этой ситуации. Полицейский явно был из разряда нервных. Настоящий американский коп. Нежный, трепетный, легко ранимый. Прямо Наташа Ростова из "Войны и Мир". Случайно брошенный косой взгляд, случайное неловкое движение могли привести его в истерику. Но если Наташа Ростова в истерике заливается слезами и бросается на грудь своей няни, то американский полицейский обычно выхватывает пистолет и начинает палить до тех пор, пока все патроны не кончатся. А учитывая, что расстояние до него метра два, то имеется некая вероятность, что он в тебя таки попадёт.

Полицейский подошёл ко мне поближе и хищно сообщил:

– А тебя я, собственно, не держу. Можешь ехать.

«Ага! – подумал я. – А ты, дружок, не только трус, но и провокатор. Стоит мне лишь коснуться руля, как я тут же отправлюсь вслед за Питером с набором тех же обвинений».

– Спасибо, сэр! – быстренько выпалил я, выбираясь из салона. – Но, к сожалению, я не умею водить машину.

Полицейский, сообразив, что фокус не удался, потерял ко мне всякий интерес и отправился к своей машине.

– Сэр. Вы не знаете, где тут автобусная остановка? – крикнул я в спину полицейского. Последний тест на человеческие чувства. Полицейский даже не оглянулся.

Тест не прошёл. Все человеческие чувства уже давным-давно умерли, видимо, в момент окончания полицейской академии. Зато Питер, высунувшись из автомобиля, закричал в ответ.

– Я знаю – где! Сэр, разрешите я ему покажу.

Но этот полицейский уже давным-давно не понимал ни шуток, ни нормальную человеческую речь. Он лишь в очередной раз ухватился за рукоятку пистолета и истошно завизжал:

– Фрииз.

Всё. Помочь Питеру было абсолютно нечем, и, пожалуй, нужно было поскорее уносить ноги, пока полицейский не передумал и не сочинил очередной "чардж" по поводу попытки освобождения преступника. Я перепрыгнул на тротуар, смешался с многочисленными прохожими и скорым ша-

гом направился к знакомому повороту. Минут через пять я подошёл к въезду на Лорэнс и пошёл по обочине. Ещё через несколько сотен метров обочина превратилась в широкую неухоженную пешеходную дорогу, тянущуюся рядом с Лорэнс хайвэй. Дорога уже давным-давно заросла травой и сорняками, пожухлыми от засухи и превратившимися в серо-жёлтое месиво. Посреди этой, с позволения сказать, дороги пролегала узенькая и хорошо утоптанная тропинка. Собственно, лишь по ней можно было идти, потому что трава вокруг вымахала по пояс и даже с человеческий рост. Навстречу изредка попадались мексиканцы на раздолбанных велосипедах. Нелегалы, у которых нет ни машин, ни водительских прав, а велосипед – это единственный способ передвижения. Единственный способ хоть как-то добраться до работы. Они с интересом и изумлением смотрели на странного "гринго", слоняющегося неизвестно где, да ещё в такую жару. Жара действительно стояла весьма неприятная. 90 градусов, да ещё и без капли тени под прямыми лучами мало-милосердного июльского солнца. Я шёл уже с полчаса и лишь сейчас начал осознавать, какую же ошибку я совершил. Мне действительно казалось, что всё тут близко, до нашей работы рукой подать. Но "рукой-то подать" – это на машине с кондиционером, летящей по этому самому хайвэю со скоростью 60 миль в час. Пешком-то, да по солнышку будет гораздо больше. По хайвэю неслись блестящие лакированные автомобили, на которые оставалось лишь завистливо посматри-

вать. Но делать было уже нечего. Не идти же назад, и не просить же какого-нибудь проезжающего мексиканца подвезти. Хотя было бы весьма оригинально въехать на паркинг нашей компании, сидя на багажнике велосипеда с мексиканцем за рулём. Начальник мой уж точно бы поразился. Неожиданно раздались громкие, продолжительные сигналы автомобиля. Я оторвал глаза от тропинки и взглянул в сторону хайвэя. Ура! На обочине стоял знакомый Джип Дэвида. Я рванулся к нему, расталкивая в стороны высокие стебли сорняков. Подбежав, рванул на себя дверцу Джипа и запрыгнул в машину. Дэвид молча и вопросительно смотрел на меня, иногда переводя взгляд в сторону тропинки, вероятно ожидая, что откуда-то из-за густой травы появится Питер.

– Поехали! – сказал я, пристёгиваясь. – Питера сегодня точно не будет.

Джип тронулся, влился в поток машин и покати́л в сторону нашего X-Com(a). Я быстренько изложил Дэвиду историю про Питера, хотя истории было тут немного. Всего-то полтора квартала, да полсотни слов – эдакого насыщенного диалога с полицейским. Дэвид выслушал и произнёс тихо и грустно, хотя и без должного сочувствия:

– Бедный Йорик!

– Ну, а ты почему здесь? – пришла моя очередь задавать вопросы. – Почему не на работе? Почему не трудишься на благо нашего родного X-Com(a) и нашего начальника в частности?

– На прослушивании был, с ребятами встречался из одного ансамбля, – серьёзно ответил Дэвид.

– Какого ансамбля? – спросил я.

– Тебе название всё равно ничего не скажет, – отрезал Дэвид. – Но если что-нибудь получится, то я тебе непременно сообщу.

Ещё через пять минут мы съехали с знакомого хайвэя, потолкались по городским улицам и подъехали к знакомому въезду на паркинг. Шлагбаум приветливо поднялся, давая возможность ехать дальше. Какая-то чудная автоматика в нашем X-Com(e). Открывается всем, кто ни подъедет. Какого чёрта этот шлагбаум вообще нужен? Впрочем, это вопрос к креативному менеджменту, типа нашего начальника. В здание наше мы тоже прошли мимо секьюрити, так и не показав свои пропуска. Впрочем, нас он и так знал в лицо. Потом поднялись на второй этаж. У входа в наше крыло карточку всё же пришлось приложить. Дверь без этого не открывалась. Вошли внутрь, пошли по знакомому коридору. Неожиданно навстречу попался наш инвалид. Тот самый, которому я нахамил в ресторане. Я хотел незаметно проскочить мимо, спрятавшись за Дэвидом, но он заметил меня. Остановился рядом и радостно и громко спросил:

– А ты что тут делаешь?

Вопрос меня слегка обескуражил.

– Как – что? – удивился я – До конца дня ещё вроде часа два ...

– Так ты же здесь больше не работаешь! – победно заключил инвалид.

– Не понял! – ответил я. – С чего это ты взял? Час назад с тобой вроде в ресторане сидели.

– Вот то-то и оно, – продолжил он. – Час назад работал, а сейчас уже нет! Или ты мне не веришь?

– Не верю!

– Что ж, придётся показать, – всё так же радостно сообщил инвалид и поманил нас с Дэвидом в свою комнату.

Мы вошли в его замечательный светлый кабинет с окном и остановились у компьютера за спиной инвалида. Он вбил свой пароль, открыл Outlook с письмами.

Почти все строчки были серыми, что означало, что с содержимым писем он уже ознакомился.

Лишь одна верхняя строчка была жирно-чёрной с именем начальника и краткой надписью "Please disregard my previous message [не обращайтесь внимание на предыдущее письмо/сообщение]". Наш инвалид нервно зашевелился в своём кресле и, словно не веря своим глазам, "кликнул" на чёрную строку. Ничего нового в послании не было. Вся та же короткая фраза "Please disregard ..." Всё так же нервно дёргаясь, инвалид открыл предыдущее письмо начальника и принялся перечитывать. Письмо предназначалось всем сотрудникам нашей группы и содержало в себе опус нашего начальника, выписанный дебильными бюрократическими фразами примерно следующего содержания: Питер и я освобождаемся от зани-

маемых должностей в связи с неумением гармонично влиться в состав нашего замечательного коллектива.

– Настоящий идиот! – возмущённо произнёс Дэвид.

Мне стало смешно. В голове крутилась одесская присказка: "Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал!"

Но перевести по-хорошему я не смог, поэтому хлопнул нашего инвалида по плечу и выдал:

– Ну что? Не удалось сегодня от меня избавиться!

Инвалид ничего не ответил, сделал вид, что чем-то занят, и начал копаться в своих бумажках. Естественно, никакого желания идти работать уже не было, да и, пожалуй, возможности тоже. Поэтому я отправился в джим. В нашей компании он открыт едва ли не круглосуточно для своих работников.

"Два часа хорошей нагрузки выгонят весь алкоголь, – решил я, – ну а потом можно спокойно домой на машине, не опасаясь полиции".

Собственно, на этом и кончилось наше культурное мероприятие, именуемое "corporate lunch". Так что – до встречи в понедельник.

*****

Послесловие. Или две недели спустя.

Ну, сперва о Питере. С ним абсолютно ничего не случилось. Как выяснилось, в полицейском управлении о нём просто забыли. Всё ж таки он английский гражданин. Социал секьюрити намбэр у него нет, американских водительских

прав тоже нет. Такие вот кадры, я подозреваю, в американский полицейский компьютер пролезть не могут – он их сразу выплёвывает. Поэтому о Питере вспомнили только на следующее утро, когда ему завтрака не хватило. Делать тест на алкоголь было уже поздно, поэтому его просто пожурили и отпустили на все четыре стороны. Так что отделался он хорошо. Всего-то 300 долларов за отогнанную на хранение машину. Забрал он её на следующее утро, но початой бутылки виски там уже не оказалось. Наверняка нашлись ценители этого марочного скотча. Так что теперь будут ему воспоминания на всю жизнь об этом приключении. Ну и заодно о злобных американских копах сможет рассказывать своим знакомым в лондонских пабах.

Ну и ещё за две прошедшие недели произошла масса интересных событий.

Индийцы наши сумели сделать какой-то прорыв в проекте, и теперь наша система, хоть и с ошибками, хоть и через пень-колоду, но задышала. Правда, больше об этих достижениях начальник наш никому не докладывал. Одного раза, я так понимаю, хватило. В конце концов он понял, что без его пристального руководства проект движется куда лучше, чем когда он лезет во все дыры. Теперь он посещает всяческие курсы по повышению менеджерского мастерства. Готовится к большому прыжку на следующую менеджерскую позицию.

Наш американский инвалид – это который с короткой ногой – в очередной раз сдал кровь в передвижном донорском

пункте и получил звание заслуженного донора. В местной стенгазете – нашем рекламном листке – о нём напечатали статейку с названием что-то типа "он спасает жизни". Мой респект [уважение]. Это я пишу безо всякого сарказма. Второй инвалид – это который с укороченной рукой – слетал в соседний штат, кажется, Колорадо, и принял участие в соревнованиях "Iron Man". Это такие замечательные игры, когда сначала плывёшь четыре километра, потом катишь на велосипеде ещё сотню, а потом на закуску бежишь марафон. Так вот. Мало того, что он сумел добраться до финиша, так ещё он занял призовое место в своей инвалидной категории. Двойной респект. Нашли себя, в чём смогли.

Дэвид из MIT договорился с начальством насчёт одного свободного дня в неделю и ездит в свой ансамбль играть на виолончели.

Китайцы наши начали посещать курсы по исправлению иностранного акцента. Наша компания предоставляет подобные курсы всем желающим. Не знаю, чему их там учат, но если раньше у наших китайцев можно было понять хоть одно слово из десяти, то теперь – сплошной ноль. Зато английский артикль "the" теперь они выговаривают лучше, чем Питер.

Ну и самое главное. Вчера в мою комнату проскользнула Ручита. Тихо, я даже не услышал. Потом дождалась, когда я случайно повернулся, и заговорила извиняющимся голосом: – Пожалуйста, извини меня.

– За что? – удивился я.

– Вот за это, – сказала она и указала пальчиком на царапину на моей щеке.

– За это, – я пожал плечами, – не нужно извиняться. Я определённо заслужил.

– Значит, ты, правда, не обижаешься?

– Нет,нисколько.

– Ну, тогда, – словно выдохнула Ручита, – тогда у меня к тебе одна просьба. В субботу у нас соревнования по танцам между выпускниками университетов. Я там танцую. Ты не мог бы приехать, посмотреть, поддержать? И еще, – Ручита словно осеклась и едва слышно продолжила: – Потом мы можем куда-нибудь пойти. Ты же предлагал ...

От волнения у меня пробежал холодок по спине.

– Конечно, конечно, – сбивчиво начал я, – я должен был уже к тебе сам подойти ...

– Не надо сейчас ничего говорить, – ласково выговорила Ручита. – У тебя ещё будет время. Просто ответь. Придёшь?

– Приду. Непременно!

– Тогда я тебе адрес пришлю. Приезжай обязательно! – уже словно выкрикнула Ручита и выпорхнула из моей комнаты.

Я ещё долго смотрел в пустой проём двери, ничего не соображая, обалдевший от радости и неожиданного поворота событий. Потом перевёл взгляд на голубой экран компьютера. Ещё через секунду на нём беззвучно появилась чёрная

строчка – письмо от Ручиты.

Задача

Это интервью мало чем отличалось от десятков интервью, на которых я бывал в разных местах. Ну разве что тем, что меня позвали не в частную компанию, к чему, собственно,

я уже привык, а во всемирно известный университет, хотя всего лишь на контрактную работу. То есть шансов на то, что ещё через годик тёща будет хвастаться перед знакомыми, что её зять работает в Стэнфорде, было немного. Обычный контракт на 6 месяцев, ну максимум на год. Но зато звучит-то как – "Стээнфорд". С таким именем даже резюме садовника будет блистать и выделяться на общем фоне. Ну ещё я рассчитывал, что работа окажется интересной. Всё-таки наука, передовой рубеж. Так что хоть и делал вид, что вроде бы ничего особенного, я всё же был явно заинтригован.

Интервью проходило в обычном, привычном формате. Вначале тебя бросают на встречу – поединок с молодым, начинающим, но весьма подкованным в техническом плане специалистом. Начало где-то с утра. Выспавшийся, отдохнувший и главное "жаждущий крови" молодой человек имеет в своём распоряжении полчаса-час, чтобы вытрясти из тебя всё, на что ты способен. Обычно ты разговариваешь с двумя – тремя подобными специалистами по разряду и зарплатам от меньшего к большему. Затем приходит черёд руководителя группы, или что-то в этом роде. Я так в шутку называю их "старший по смене". С ним уже одновременно и попроще, и потяжелее. попроще – потому что на всякую мелочь, типа скобки с запятыми, уже внимания не обращает, но зато из тебя пытаются вытащить твоё умение мыслить, ориентироваться в нестандартных ситуациях. Подкидывают задачки, что называется на логическое мышление и умение,

как говорится, "отделить мух от котлет". Естественно, что логические задачи эти никто сам не сочиняет. Так, вытаскивают из каких-то задачников, учебных материалов, популярной литературы, хотя довольно часто беспардонно заявляют: "А ну-ка попробуй решить МОЮ задачу." Задачек таких видимо-невидимо. Тут для примера какая-нибудь задача про 100 бутылок вина, из которых одна отравлена и нужно "вычислить" бутылку, уничтожив минимальное число крыс, которым это вино и отраву спаивают. Так сказать, оптимизация. Достижение успеха с минимальными затратами. Уникальная возможность порадовать человека из финансового департамента. Крысы-то денег стоят. Или что-нибудь ещё. Любимая задача банкиров – отыскать фальшивую монету в кучке из 100, опять-таки минимальным числом взвешиваний. Тут вам будет и задача про обезьяну, смотрящуюся в кривое зеркало. И про двух продавцов, из которых один лгун, а другой честный. Ну прямо фантастика. И задача про черепаху, опаздывающую на поезд, и много чего ещё, имеющего отношение больше к хмельной студенческой вечеринке, чем к реальной жизни.

Подобные задачи хорошо пересчитаны, собраны в популярные книжонки и пользуются широкой популярностью везде, особенно в Индии, среди выпускников индийских университетов, желающих перебраться на работу в Америку. Мне задавали подобные задачи, я их сам задавал, когда участвовал в интервью различных соискателей "хай-тек"

работ. Подобные задачки, на самом деле, показывают очень немного, потому что обычно все так называемые специалисты заранее знают на них ответ. Так что я смотрю на подобные интервью не столько как на тестирование интеллекта, сколько как на конкурс актёрского мастерства. Задаёт, бывало, товарищ "интервьюирующий" такую вот задачку. Сам же "интервьюируемый" молодой человек, в 90% случаев индийский соискатель, естественно, делает вид, что слышит эту задачку впервые. Морщит лоб, изображает движение мысли, пыхтит и ровно через минуту, ну прямо "конкурс знатоков", выдает "СВОЙ" ответ, который в точности совпадает с решением "МОЕЙ" задачки.

Глядя на фальшивую или, наоборот, талантливую игру индийских соискателей американских джоб, в голову лезли всякие юморные мысли насчёт сценария для Болливудского сериала или, на худой конец, создания совместного предприятия с Болливудом по снабжению их талантливыми актёрами. Впрочем, шутить да расслабляться можно, когда сам находишься в роли интервьюирующего, когда ты уверенно развалился в кресле и чувствуешь, как тебе преданно заглядывает в глаза очередной искатель американской мечты. Когда же ты сам оказываешься в роли искателя работы, как правильно говорят американцы – "в чужих ботинках" – то тебе уж точно не до смеха.

Jayashekar Shanmugadeivamani

Интервью проходило на редкость успешно. Первый этап –

встреча с "бедными, голодными, жаждущими крови" специалистами – прошёл прекрасно. Учёные специалисты из университета и сами-то хорошо "плавали" в компьютерных делах. Софт и компьютер были для них вещами абсолютно утилитарными – некий инструмент для решения своих научных задач. Так что мысленно я поставил себе галочку – "зачёт" за свой первый этап – и начал моральную подготовку ко второму этапу – встрече со "старшим по смене".

Как водится, меня отвели на кухню, снабдили очередной порцией кофе в бумажном стаканчике и повели по длинным коридорам к своему старшему товарищу. Наконец-то мы подошли к слегка приоткрытой двери. Глухой стены возле двери не было. Её заменяла стеклянная полоса от потолка до пола. "Аквариумный стиль" – про себя отметил я. Любой проходящий должен видеть, чем занимаются люди в своих отдельных кабинетах. Впрочем, стол стоит в глубине кабинета, а компьютер смотрит на тебя задней стенкой. Так что немного и увидишь. Разве что присутствие хозяина кабинета. Либо на месте, либо на совещании – митинге. Рядышком с дверью красовалась табличка с именем и фамилией. Мелкие буквы едва умещались на стандартного размера тёмно-зелёной табличке. "Jayashekar Shanmugadeivamani" – начал читать я, приостановившись возле входа.

– Да, индийские имена тяжело запомнить, – подтвердил мой провожатый, едва ли не втолкнув меня в приоткрытую дверь.

Навстречу поднялся типичный смуглый индеец лет тридцати и, как водится, широко улыбаясь, протянул руку для рукопожатия. Провожатый о чём-то пошептался со "старшим" и тихо удалился.

– Ну-с, начнём, – сообщил мой индеец, – зовите меня просто Джэй. Мало кому здесь удаётся выговорить моё имя. Да и произносить его уж слишком долго.

– ОК, Джэй, – радушно ответил я, давая понять, что мы тут, якобы, вместе, на равных. Тоже давно разученный приём. Главное – не лебезить, ни в коем случае не показать, что они тебе очень нужны. Как при коммунизме. Все равны, все товарищи, и точка. Дальше опять же, как водится, мы обменялись любезностями и перешли к делу. Всё шло на удивление хорошо и гладко. Джэй не собирался мучить меня какими-то деталями, ловить на подводных камнях. Мы мирно беседовали о науке, о моих предыдущих проектах. Он выспрашивал у меня всяческие детали моих предыдущих работ и разработок, заставляя иногда углубляться в почти уже мемуарные воспоминания.

"Отлично ведёт интервью, – отметил я про себя. – Не давит, не ставит тебя в неприятное положение, но вытаскивает всё, что нужно".

Потом он задал мне задачку про уже набившую оскомину горку монет с одной фальшивой. Собственно, здесь я даже не стал придумываться и выдал решение, честно признавшись, что я решение знал. По его лицу я даже понял, что

моя открытость ему даже понравилась. Я даже было начал выводить "галочку" в уме по поводу успешно пройденного второго этапа, как неожиданно он заявил:

– А ну-ка попробуй решить ещё одну простую задачку.

Я стал внимательно слушать, ожидая под конец всё-таки какого-нибудь подвоха.

– Мой шеф, мистер Джонсон, нобелевский лауреат, изредка задает её различным соискателям или студентам. Но ещё ни разу никому не удавалось решить её.

– Нобелевский лауреат? – с сомнением произнёс я. – Что-то я не слышал такую фамилию.

Джей неожиданно смутился.

– Ну, не совсем Нобелевский лауреат, – поправился он, – мы подали заявку в нобелевский комитет и абсолютно уверены, что его кандидатуру утвердят.

Я мысленно ругнул себя за свой длинный язык, который уже не в первый раз подводил меня.

– Да, конечно, – сообщил я, неуклюже пытаясь выбраться из дурацкой ситуации, – пожелаем вашему шефу успехов в нобелевском комитете.

Джэй слегка смущённо пожал плечами, решив уйти от деликатной темы.

– Давайте-ка продолжим, – подытожил он. – Давайте сконцентрируемся на условии задачи. Итак. Здесь три выключателя. – Он начал рисовать фломастером на белой доске. – Здесь – стена".

Я откинулся на спинку кресла и ошалело выпучил глаза. Здесь, сейчас, в этом кабинете Джэй излагал условие задачи, которую я сочинил бог знает сколько лет назад. Мой ошалелый вид Джэй расценил по-своему.

– Только не говори, что задача решения не имеет, – с ликованием произнёс Джэй. – Имеет! Хотя и не стандартное.

– Да нет, – ответил я, – я знаю, что она имеет решение. Ответ готов!

Джей подозрительно посмотрел на меня.

– Ты знал решение! – с вызовом сказал он. – Откуда?

– Конечно, знал! И знаешь, почему?

Джэй вопросительно смотрел на меня.

– Да потому что это моя задача. Я ее сочинил много лет назад. А ваш ... А ваш нобелевский лауреат попросту подбирает или ворует, что где плохо лежит, и я думаю, что достаточно у многих! – выпалил я.

Джэй замолчал. Я был уверен, что он сейчас впадёт в истерику и выставит меня за дверь. Я уже сам был готов подняться и хлопнуть дверью, как вдруг он тихо сказал:

– Я знаю, это не его задача.

Потом он замолчал на несколько секунд и снова заговорил.

– Нас в семье было десять человек детей. – Мне показалось, что глаза его намокли. – Отца не было. Он нас бросил. Ушёл в другую семью. Мы выживали только на продуктах с нашего огорода и на том, что случайно перепадёт. Одевались

в то, что подадут соседи. Я даже не знал, что такое деньги до двенадцати лет. Я ходил в школу, потому что там кормили бесплатными обедами, а потом шёл в библиотеку. В нашем городке была в общем-то неплохая библиотека. Читал книги и постоянно заглядывал в мусорные корзины в надежде, что кто-нибудь выбросит остатки бутерброда. Я каждый день ходил туда, начиная с первого класса. Лет десять, наверное. Мне очень нравилось читать книги. Любые. И просто художественные книги, и детективы. И особенно нравились мне научно-популярные русские книги. Ты ведь русский. Да? – спросил Джэй.

Я утвердительно кивнул, решив не перебивать и не вдаваться в запутанную проблему пятой графы.

– И знаешь почему мне нравились русские книги? – продолжал он. – Они все были прекрасно переведены на английский, напечатаны на великолепной глянцевой бумаге, с прекрасными цветными иллюстрациями. Это вовсе не то, что американские книжонки в мягких обложках на жёлтой гадкой бумаге. Вам в России очень повезло, что правительство так заботилось о народном образовании.

Я лишь хмыкнул от избытка чувств. Джэй же расценил это как подтверждение своего русского опыта и торопливо продолжил.

– Ты не поверишь, но эту задачку я нашёл в одной научно-популярной книжке и запомнил её тогда. Очень она мне тогда понравилась своим простейшим и неожиданным реше-

нием. А потом я попал в колледж, университет. Очень хотел попасть на работу в Америку. И представляешь, на собеседовании с профессором Джонсоном он мне вдруг задал эту задачку. Я, конечно, виду не подал, что знаю её решение. Подумал и сделал вид, что её решил. А потом профессор Джонсон взял меня на работу. Не из-за этой задачки, конечно, всё в комплексе, но, возможно, что это было последней каплей, повлиявшей на его решение.

Джэй опять замолчал. И вдруг, словно испугавшись самого себя, опять торопливо заговорил.

– Ты зря такое сказал про профессора Джонсона. Конечно, мы работаем на него долго и тяжело, не считаясь со временем. Он публикует результаты под своим именем. Но с другой стороны, кем бы мы все были здесь без него. Он выбивает гранты на работу. Платит нам зарплату. Помогает решать все эти проблемы с эмиграцией и просто всякие бытовые неурядицы. И я думаю, что он сам таким же был в молодости, когда работал на кого-то другого.

Джей опять немного помолчал и вдруг сказал, будто бы вспомнив что-то важное.

– А я, кстати, помню, как эта задачка называлась в том вот учебнике. «Юрив сольюшн!»

– Юрьев, – поправил я его.

– Юрррив, – попытался повторить Джэй. – А кто это Юрррив?

– Юрьев? – переспросил я и задумался, не зная, как бы

получше пояснить, кто такой Юрьев.

– Ну, в общем, это был один профессор. Мы с ним работали над совсем другими проблемами. А эта задачка получилась случайно, ну как бы сопутствующий результат разработок.

– А-А-А, – согласился Джэй, – в общем, понятно.

Профессор Юрьев

Хорошо побитый микроавтобус, непонятно чьего производства, притормозил возле небольшого двухэтажного кирпичного здания.

– Приехали, – сообщил Валентин. – Выбирайся на свободу.

Я со скрежетом открыл пассажирскую дверь и выпрыгнул в пушистый, свежий, нетронутый снежок. Тридцатиградусный мороз тут же тяпнул меня за нос. Я автоматически прикрыл нос рукавицей.

– Ничего, скоро рассветёт, потеплеет, – сообщил Валентин, заметив моё движение, и с силой нажал на клаксон. Он долго и нетерпеливо сигналил, пока наконец не открылась оббитая железом дверь с кусками войлока, свисающими с внутренней стороны. Из двери показался тёмный силуэт в ушанке, но без пальто и не спеша засеменил к нам.

– Если будет приставать не по делу, – негромко сказал Валентин, – посылай его нах...

Силуэт приблизился к нашей машине, и в слабом отра-

жённом от снега свете фар я рассмотрел крепенького, невысокого мужчину лет 40.

– Здорово, Уткин, – гаркнул Валентин, – принимай подкрепление.

– Какое ещё нах.. подкрепление?

– Ты ж сам электрика просил!

– Ну?

– Ну так и получай, – сказал Валентин, – парень хороший, образованный, университет закончил.

– Чиво? – не понял Уткин.

– Чиво, чиво, – передразнил Валентин, – на лету всё хватает. Не пьёт, можешь положиться. Родственник он мой, понял?

– Ну?

– Ну так вот. Работать умеет нормально. Проверен. Поставишь его в пару с этим ... Фамилию забыл, ну алкашом твоим, сам знаешь кто. Пусть всё покажет, а потом он и сам работать будет. Понятно?

– Понятно-то, понятно, – с подозрением сообщил Уткин.

– Ну раз понятно, так бывай.

Валентин со скрежетом включил первую скорость, и выдавшая виды колымага, натужно кряхтя, поползла по снежной целине.

– Ну чего стоять, – сказал мой новый начальник, – пошли вовнутрь. Света на первом этаже нет. Завтра подведём. Так что не расколотись в первый же день, – наставлял меня Ут-

кин, пока мы наощупь пробирались по лестнице на второй этаж.

– Пошли, пошли, – погнал он меня дальше, мимо каких-то потрёпанных людей, сгрудившихся за столом и, видимо, забывающих там "козла".

Мы прошли в дальний угол то ли огромной комнаты, то ли зала. Здесь прямо на бетонном полу громоздился новенький, блестящий полировкой здоровенный стол, старый, выдавший виды сейф и несколько таких же потрёпанных стульев.

– Садись, – приказал Уткин, усевшись как начальник во главе стола, и указал мне на стул напротив.

– Что ты тут делаешь? – без обиняков начал Уткин.

– Ну как, работать пришёл.

– Работать! К нам! После университета! С высшим образованием! Давай выкладывай, что ты тут делаешь!

– Ну, в общем, захотел как бы начать с низов, чтобы как инженер потом понимать работу ... – начал мямлить и выкручиваться я.

Уткин смотрел на меня, кивал головой, а потом просто оборвал.

– Хватит пи..деть! – грубо заявил он. – Мне Валентин очередную подлянку подкинуть хочет. Проблемы на меня, а сам в кусты. Ты что думаешь, я не помню его фокусы с машиной кирпичей для дачи?

– Давай, выкладывай, – злобно продолжал Уткин, – от ми-

лиции что ли скрываешься?

– Какой милиции? – удивился я.

– Ладно, я и так вычислю, – продолжил Уткин. – Ну-ка, покажи руки.

Ничего не понимая, я протянул руки.

– Тааак, – глубокомысленно заявил Уткин. – Не дрался, не хулиганка... Бабу что ли завалил? Бывает. Мало ли что по пьянке. Но ты не бойся, тут главное время потянуть. Женишься пообещать. А потом, ежели с заявлением в милицию она сунется, что, мол, там насильничал, так её в три шеи оттуда выгонят. Что, мол, две недели молчала? Вот! У меня такое вот разок было. Ну что, угадал?

Я молчал и хлопал глазами, всё размышляя, не последовать ли мне последним наставлением Валентина и не послать ли Уткина туда, куда он заслуживает. Всё-таки послать я его не решился.

– Не угадал, – сообщил я сдавленным голосом. – Всё проще. Меня послали по распределению к чёрту на рога, а я оттуда сбежал, не выдержал. Ну, а работать же где-то надо. Трудовую карьеру где-то начать.

Уткин мгновенно преобразился. Он хлопнул себя по лбу и весело заорал:

– Вот блин, как же я сразу-то не догадался. Сразу о плохом. А делов-то никаких! Тебя, кстати, куда услали-то?

– Деревня Молебка, если такое слышал.

– Молебка! – ещё радостнее завопил он. – Так ведь и меня

туда же посылали после техникума. Но я сразу ж не поехал. Так и сказал. Хрен вам! Сам в городе устроюсь. Вот дела! – продолжил он. – Так что считай, что мы с тобой земляки. Ладно. Всё. Забыто, замётано. Ты только Вальке не говори, что я тут тебе выдал, – с опаской проговорил Уткин. – Так что пошли с народом знакомиться.

Он выбрался из-за своего полированного стола и пошёл в сторону забивальщиков "козла". Я последовал за ним. Уткин остановился за спинами людей, грохочущими шашками домино. По всему виду, игра доставляла ему удовольствие, хотя он и не решался тоже усесться за стол, дабы не разводить "панибратство".

Наконец-то раздался вопль "Козёл". Уткин смешал выстроенную змею доминошных шашек и представил меня народу, впрочем, не упоминая моих "заслуг" в виде высшего образования.

– Вот он – Толян! – Уткин указал на парня с обгорелыми волосами и ресницами. – Знаешь, чего учудил? Уговорил меня сторожем его оформить. Это в дополнение к основной работе. Ну раз сторож, так сторожи, смотри, чтоб ничего не случилось. Дак нет. Этот мудака раскочегарил калорифер докрасна и лёг спать. А там же солярка течёт. Всё как полыхнуло. Едва ноги унёс. Это Витяй. Хороший сварщик, пока не выпьет. Наварил перила по пьяни, так что они рассыпались. Хорошо ещё, никто не убится...

Уткин продолжал с гордостью описывать подвиги своей

бригады, пока наконец словно загнулся, не досчитавшись кого-то.

– Лёха где? Не приходил?

– Неээ, не видали! – отозвался кто-то из-за стола.

– С Лёхой ты работать будешь. Он у тебя типа наставником пойдёт, – бросил мне Уткин. – ЧП у нас тут в субботу было, – опять пояснил мне Уткин.

Я с интересом приготовился слушать. Если такие мелочи, как пожар с калорифером, изгаженный копотью дом, развалившиеся перила, падение с электрического столба – ЧП не считались, то что же такое в понимании Уткина настоящее ЧП.

– Субботник был у нас, – пояснил Уткин. – Комиссия должна приехать с ревизией оборудования. А где ж это оборудование? Всё давно уже порастаскано да растеряно. Ну, значит, в субботу, с утра садимся мы на машину и едем по стройкам – собирать, что плохо лежит.

– Воровать, что ли? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Экспроприировать, – поправил меня Уткин. – Нужные вещи под замком держат, а ненужные так валяются. Короче, пособирали, что могли. Потом отметили, как водится. И уж было по домам почти разбежались, как Лёха говорит – давай, мол, ещё на одну стройку заглянем. Я знаю, у них шланг для компрессора есть, как раз что нам нужно. Короче, заехали на стройку. Точно – лежит. Начали шланг этот тащить. Ну, тащили б себе потихоньку. Так нет, они же все поддатые. Тя-

нут, орут, падают, матерятся. Ну и сторожа в конце концов разбудили. А он сбегал к автомату и в милицию позвонил. Так вот, прикатила пара "мусоров" на мотоциклете и к нам. Мы бежать. Попрыгали в кузов. Васька в кабину и по газам. А Лёха последним бежал. Мы ему руки тянем, орём: «Давай, Лёха, прижми». Не успел. За шланг этот чёртов загнулся, упал. Тут его мусора и повязали. Так что ночку-то и полдня в воскресенье он маялся в вытрезвителе".

Я на секунду представил себе эту сцену. Надрывно ревущую, скачущую по ухабам машину, группу людей в кузове, напрасно тянущих руки своему погибающему товарищу, падающего Лёху и милиционеров, вяжущих павшего героя.

– Чего лыбишься? – спросил Уткин, видно, заметив на моём лице улыбку. – Видишь, человек пострадал.

– Да, конечно, – ответил я, придав лицу сострадательное выражение. – И что теперь будет?

– Ну, что будет? – передразнил Уткин. – Премию ему выдадим или в очереди на квартиру продвинем.

– Что, серьёзно? – изумился я.

– Куда серьёзней! Человек-то за дело пострадал!

Честно говоря, у меня уже глаза лезли на лоб от подобных откровений. Никакой бредовый сон, никакая Алиса в стране чудес даже близко не стояла рядом с театром абсурда, творившимся в этом самом Ремонтно-строительном управлении номер 17.

– То-то, – поучительно произнёс Уткин. Потом ещё раз

огляделся по сторонам и вдруг истерически заорал: – Да где ж его носит-то? Мне ж ещё по объектам надо!

В этот же момент, словно по мановению волшебной палочки, дверь отворилась, и в ней показался приземистый мужичок, лет за 40 с хорошо испитым, обрюзгшим лицом.

– Вот он, Лёха, наставник твой, – хохотнул Уткин, обращаясь ко мне. И тут же, выругавшись, обратился к Лёхе: – Давай разворачивайся, пошли вниз, показать штой-то надо. Этот вот с тобой пока работать будет, – пояснил Уткин моё присутствие. – Смотри, не обижай. Парень молодой. Не пьёт, не курит, девок не лапает, да ещё с высшим образованием.

– Чиво? – изумился Лёха.

– Чиво, чиво, – передразнил его Уткин. – Мы тебе академика будущего в подручные даём. Так что – цени!

Мы наконец спустились, вошли в какое-то подобие склада, заставленного ящиками и электрическим оборудованием. Уткин начал пояснять Лёхе задание на день. Каким-то чудеснейшим образом Уткин использовал всего одно известное слово из трёх букв, виртуозно превращая его во все элементы русского языка. Самое интересное, что Лёха этот немислимый поток брани и одновременно производственного задания отлично понимал.

– Ну что, сделаешь? – Уткин неожиданно перешёл на человеческую речь.

– Сделаю, – пообещал Лёха, – если этот гаврик поможет.

– Поможет, не сомневайся, – уверенно пообещал Уткин и

мгновенно исчез.

Мы остались наедине с Лёхой. Лёха слегка подумал, закурил и выдал мне первое производственное задание:

– Грузи всю эту х..ню на ту вот колымагу, – указав в сторону кучи ящиков и стоящий рядом грузовик.

Я побросал с десятков ящиков в кузов грузовика, при этом быстро согревшись. Лёха лишь изредка помогал с каким-то более тяжёлым предметом. Потом мы ещё довольно долго курили, дожидаясь куда-то запропастившегося шофёра Васю. Наконец-то явился Вася, подивился, что все в сборе, завёл машину и потащился в сторону городских, вымесенных снежной кашей городских улиц. В каком-то переулке он лихо свернул на стройку и, не снижая скорости, подкатил к строящемуся, всё ещё без окон кирпичному зданию.

– Вымётывайтесь вместе со своим барахлом, – беззлобно приказал Вася.

Я сбросил ящики из кузова в снег. Как обычно, Лёха лишь слегка помогал. Потом мы перетащили часть ящиков в камеру под замком.

– Шоб не спи..дили, – пояснил Лёха, таким образом начав моё обучение специальности электрика. Потом я ещё долго сидел и курил, посматривая на Лёху, который копался в электрическом щите, ничего не поясняя. Наконец-то он отошёл от щита в сторону и обратился ко мне: – Слышь, академик. Ты, что такое трёхфазный ток, знаешь?

– Ну знаю, проходили в университете, – откликнулся я.

– Ну, здорово, – изумился Лёха, значит точно – Уткин не соврал. – А нагрузка какая должна быть по фазам?

– Равномерная, – ответил я, словно сдавая экзамен профессору.

– Точно, – подтвердил Лёха. – А ежели неравно нагрузить, что будет?

– Э.. – задумался я. – Наверное, произойдёт сдвиг...

– Точно! – оборвал меня Лёха. – Короче, всё пи..дой накроется. Молодец, академик. Так вот, – продолжил Лёха, – я там на пятом этаже намедни лампочек навкручивал, а где чего, на какой фазе не помню. А там надо ещё всякую хе..ню добавить, – сообщил он, указав на привезённые ящики. – Такая вот задача будет на сегодня.

– Могу туда подняться, – предложил я. – Ты включишь рубильник, а я покричу, что горит.

– Ты что – охренел? – оборвал меня Лёха. – Ты что – за каждую лампочку кричать будешь? Их там сотня. На хрен надо. Без ваших университетов обойдёмся.

Я замолчал, понимая, что мои советы Лёхе не нужны, и начал наблюдать за ним, совершенно не понимая, что он делает.

Лёха включил один рубильник, спокойно закурил, поразмыслил минуту, потом вернул рубильник в начальное положение. Потом быстро воткнул следующий рубильник и обратился ко мне:

– Всё, хватай ящик, пошли.

Я схватил ящик и потащил вслед за Лёхой на пятый этаж, опасно пробираясь по лестничным пролётам без перил. Наконец-то мы ввалились в большой зал с едва намечающимися перегородками для комнат. Я огляделся по сторонам и наконец осознал Лёхино "открытие". В холодном с заносами снега зале сверкали десятков ламп. Другие лампы были темны, но с другого десятка тёмных ламп стекала вода, на ходу превращаясь в тоненькие сосульки. Я даже слегка ахнул от удивления. В голове мгновенно сложилась и формализовалась физико-математическая задачка.

"Три выключателя, стена, с другой стороны три лампочки. Поставив выключатели в любое положение и перейдя за стену, нужно определить, к какому выключателю присоединена каждая лампочка". Коротко, красиво. Математик в жизни не додумается. Физик – может быть. А какой-нибудь алкаш-электрик разгрызёт в два счёта. Ну так пусть математики помучаются.

– Лёха, – позвал я, – ты понимаешь, что ты придумал?

Лёха подскочил ко мне, опасно поглядывая по сторонам:

– Что случилось-то?

– Да ничего не случилось, – успокоил я Лёху. – Но то, что ты придумал с фазами и нагреванием, не должно просто пропасть. Надо что-то делать.

– А что делать? – удивился Лёха.

– Ну, например, послать в какой-нибудь журнал.

– А премию дадут? – поинтересовался Лёха.

– Не дадут, – отрезал я. – Но разве тебе не приятно будет, если тебя в каком-нибудь журнале пропечатают! У тебя какая фамилия?

– Юрьев, – подозрительно ответил Лёха.

– Отличная фамилия, подходящая! – восхитился я. – Ну как – «Задача Юрьева». Или даже, нет – получше: «Решение Юрьева». Звучит.

– Звучит-то звучит, – всё так же подозрительно ответил Лёха.

– Ну так вот, в субботу я опишу задачу и отправлю в журнал.

– А не пиз... – начал Лёха, но тут же поправился, осознав значительность ситуации: – А не обманешь?

– Чего мне обманывать. Коротенько опишу задачку, в конверт – да в почтовый ящик.

Лёха словно надулся от самоуважения.

– Ну, раз такое дело, тогда, конечно, отправляй, – сообщил Лёха. – И премии никакой мне не надо, пусть советская молодёжь учится на примерах старших товарищей, – заговорил он вдруг стандартными коммунистическими фразами.

– Ну, значит, решено, – подтвердил я.

Лёха подумал с секунду и вдруг брякнул:

– Служу Советскому Союзу. – Потом подумал ещё и сообщил уже как бы по-человечески, без привычного мата: – "Пойдем, что ли, работать. Делов много, успеть бы за сего-

дня управиться.

Я сдержал слово, данное Лёхе. В субботу той же недели оформил задачу по всем, как мне казалось, правилам и отправил в парочку научно-популярных журналов заказными письмами. Во-первых, для солидности, а во-вторых, в надежде, что хоть по дороге письма не потеряются. Естественно, никаких ответов ниоткуда я не получил. Лёха тоже больше никогда не возвращался к этой теме – демонстрировал свою гордость. Лишь иногда при редких встречах на стройках я ловил его вопросительный взгляд. Через несколько месяцев я уволился из своего Ремонтно-строительного управления номер 17. Получил трудовую книжку – если так можно выразиться – путёвку в жизнь. С Лёхой попрощаться мне не удалось. В момент моего увольнения он получил 15 суток за хулиганку. Какой-то мелкий мордобой и выбитое окно в пивнушке. Больше я его никогда не встречал, даже случайно.

Нобелевский лауреат

Джэй посмотрел на часы. До встречи с "нобелевским лауреатом" оставалось ещё минут пятнадцать. Можно было ещё потянуть время, поговорить о жизни. Но Джэй почему-то решил иначе.

– Не нужно ли чего-нибудь, кофе или что-то ещё? – поинтересовался он.

– Кофе – было бы неплохо, – отозвался я.

– Кофе... – протянул Джэй и неожиданно спросил: – Ты бегать умеешь?

– Умею! – удивился я.

– Ну, тогда побежали, – предложил он. – Тут не совсем близко, но зато НАСТОЯЩИЙ кофе, – подчеркнул он, – а не это ...

Джэй сдержался, чтобы не назвать вещи своими именами.

Мы выскочили из его кабинета и скорым шагом устремились по коридорам, временами переходя на рысцу в особо безлюдных местах. Я, естественно, обратной дороги бы не нашёл, но Джэй великолепно ориентировался в лестницах, поворотах и проходах.

Наконец-то мы очутились в каком-то особенном месте. Джэй "пикнул" своей карточкой-пропуском. Мы вошли в какое-то особое, не для простых смертных, отделение.

Джэй рванул на себя дверь с надписью "kitchen". В левой стороне "kitchen" блистал хромом, никелем и бесконечным количеством кнопок здоровенный агрегат.

– Какой кофе желаете? – официально, с гордостью, словно работник старбакса, поинтересовался Джэй.

– Можно даже запрограммировать ингредиенты на любой вкус, – продолжал Джэй, одновременно нажимая на кнопки и демонстрируя уникальные возможности агрегата. Я слегка опешил от бесчисленных возможностей.

– Да мне обычный чёрный кофе без ничего.

Джэй слегка удивился моему примитивному выбору.

– Уверен? – лишь только спросил он.

– Уверен! – подтвердил я.

– Ну что ж, – со вздохом небольшого разочарования произнёс Джэй и просто нажал на какую-то кнопку. Агрегат подумал несколько секунд и потом ожил. Замигал лампочками. Послышался звук падающих зёрен кофе, отсыпаемых автоматикой, потом звук мельницы, переходящий от стука в ультразвук. Потом агрегат плюнул первую каплю в стаканчик, и из трубочки наконец полился чёрный напиток. Ещё через несколько секунд агрегат издал писк, сообщая, что кофе готов. Я схватил свой бумажный стаканчик. Джэй услужливо подал крышечку, показывая тем самым, что следует торопиться, и мы выскочили в коридор. Джэй хорошо рассчитал время, но плохо рассчитал "траффик". Неожиданно раньше пустынные коридоры наполнились людьми. Вероятно, только что закончились какие-то лекции. Теперь мы не могли бежать. Лишь медленно ползли вместе со студенческой, галдящей толпой. Джэй явно нервничал. Постоянно посматривал на часы и жалобно пищал "экскьюз ми, экскьюз ми", проталкиваясь через толпу. Я пытался вплотную следовать за ним. Мы опаздывали всего-то на несколько минут, но нервозность Джэя всё нарастала. "Не знаю, насколько его начальник справедлив, но, без сомнения, строг", – подумал я.

Наконец-то мы свернули с главного "хайвэя" и уже галопом помчались по пустому коридору. Ещё через минуту мы оказались возле двери с табличкой "Профессор Джонсон". Мы опоздали всего-то на самую малость. Пять минут, не больше. Джей без стука толкнул дверь. Сделал мне знак

ждать его снаружи и влетел в кабинет. Через несколько минут он вышел оттуда. По просветлевшему его лицу я понял, что взбучки за опоздание ему удалось избежать. Начальник этого просто не заметил. Джэй открыл дверь передо мной и сделал широкий приглашающий жест руками. Я сделал шаг вперёд и услышал, как Джэй мне напутственно шепнул:

– Только не спорь с ним, если хочешь тут работать, – и потом совсем тихонько добавил: – Конечно, если очень хочешь.

Я вошёл в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. Вид мистера Джонсона меня странно поразил. В голове я себе нарисовал совсем иной портрет "нобелевского лауреата".

Я рассчитывал увидеть худого, измождённого человека с запавшими глазами, как обычно выглядят люди, служители науки, горящие на работе от бессонных ночей и праведных трудов. За огромным столом, напротив же, восседал толстенький круглый человечек, с короткими ручками и словно налитыми кровью глазами на пышущем здоровьем лице. Эдакий типичный наглец, "булли" прямо, только что сошедший со ступеней американской хай-скул. Собственно, его внешний вид полностью совпадал с его внутренним содержанием. Он даже не удосужился подняться, протянуть руку для рукопожатия и просто предложить сесть. Лишь только я приблизился к столу, он немедленно задал первый вопрос. Это странное интервью напоминало больше допрос в гестаповских застенках. Лишь только я начинал отвечать, и он

понимал смысл ответа, как он грубо перебивал, не давая закончить фразу, и тут же задавал следующий вопрос. Манера этого интервью-допроса меня ужасно раздражала. В конце концов от злости я тоже перенял его манеру общения и так же нагло стал перебивать его. К моему удивлению, это его несколько не смутило и, по-моему, где-то даже понравилось. По крайней мере, в наглости и беспардонности он ценил умение идти по головам к заветной цели. Наконец-то обойма вопросов кончилась. Он пристально, оценивающе посмотрел на меня. Неожиданно вспомнил, что не предложил сесть, но тут же добавил, что, мол, ты уже сидишь, и начал вкратце описывать работу и работников. Во многом он делал упор на дисциплину и необходимость доставлять результаты любой ценой в нужное время.

– Забудь, что такое часы и что такое календарь, – вещал он. – У меня есть лишь одно слово – “нужно”, и мои работники это прекрасно знают. Нужно – значит, они работают вечерами, хоть до двенадцати ночи. Нужно – значит, и в праздники, и в субботу, и в воскресенье.

– Контракторы получают по часам работы, – заметил я.

Мистер Джонсон слегка напрягся и грубо сказал:

– А я и не собираюсь платить больше, чем за 40 часов работы в неделю. Хоть постоянные работники, хоть контракторы. Ребята выходят на работу и в субботу, и в воскресенье. И это потому, что интересно и нужно.

– Понятно, – сказал я, – свободный труд свободно собрав-

шихся людей.

– Точно, – обрадовался профессор Джонсон. – Отлично сказано. Ты сам придумал?

– Нет, – признался я.

– А кто? – поинтересовался профессор Джонсон.

– Ленин! – ответил я и, поймав его недоумённый взгляд, добавил: – Тот самый. Первый премьер Советского Союза.

Мистер Джонсон замолчал. Моя шутка ему явно не понравилась. Он ещё немного покопался в своих бумагах и записях и неожиданно сообщил:

– А ты ведь решил мою задачу с лампочками. Мне Джэй об этом сказал.

"Да чёрт побери, – подумал я, – тут уж всё равно нечего терять".

– Естественно, решил! – отозвался я. – Да потому что это моя задача. Я её с одним товарищем придумал много лет назад.

Испуг мелкого воришки на мгновение проскользнул в глазах "нобелевского лауреата". Но через секунду он уже справился с собой.

– А я и не говорил, что это моя задача, – нашёлся он. – Это, как обычно, мои ребята ничего не поняли и напутали. Эту задачку я случайно нашёл в одном журнале, который кто-то забыл в самолёте, – наставительно сообщил он. – Я тогда летал в Стокгольм на сессию по поводу представления работ к нобелевским премиям.

Потом он, с секунду помолчав, добавил:

– Я, между прочим, даже помню, как она называлась.

Юрив солюшн.

– Юрьев, – поправил я.

– Юрррив, – попытался повторить мистер Джонсон. – И как можно такое выговорить, – брезгливо сообщил он. – Кстати, кто такой Юрррив?

– Юрьев – один известный профессор, – уже привычно соврал я. – Мы с ним работали одно время над проблемами электромеханики, к этой задаче отношения не имеющими.

– Дааа, – протянул профессор Джонсон. – Наши интересы лежат в иной области. Поэтому я эту фамилию не слышал. Ну и как работалось с мистером Юрррривым? – поинтересовался он.

Я на секунду замолчал. Я думал о странной иронии судьбы, столкнувшей абсолютно разных людей в абсолютно разные отрезки времени. О том, как странный случай полностью изменил судьбу Джэя, о профессоре Джонсоне, одержимом идеей нобелевской премии.

Мистер Джонсон всё так же вопросительно смотрел на меня.

– Это было необычайно интересное и восхитительное время! – ответил я. И мне кажется, что на этот раз сказал правду.

Сказка для взрослых о трех медведях

Недавно я тут кино посмотрел. "Волки Уолл-стрита" называется. Приятный фильм. С юмором и поучительный. И ещё – он мне мои собственные воспоминания наваял. Правда, не про волков с Уолл-стрита. Врать не буду. С таковыми знаком не был. А вот с медведями с Уолл-стрита был знаком и даже пребывал, что называется, "на короткой ноге".

Ну вы, читатель, конечно, мне сразу вопрос подкинете. А

чем, мол, волк с Уолл-стрита от медведя отличается?

А давайте-ка вместе разберёмся. Ну-ка расскажите мне, как вы видите волка? Даже не с Уолл-стрита, а нормального серого волка. Первое, что в голову приходит, – это пословица – "Волка ноги кормят." Правильно. Волк на месте не сидит. Всегда в бегах. Смелый, наглый, жадный. Что найдёт – то его.

Ну, а медведя вы как охарактеризуете?

Ну, естественно, большой и сильный.

А ещё как?

Косолапый и лежебока.

Само собой. А ещё как? Вижу, слегка задумались. Тогда подскажу.

Вы никогда не видели, ну хоть в кино или по телевизору, как медведи рыбу ловят? Зрелище, скажу я вам, юморное. Находит мишка на реке порожек, через который рыбка лосось пробиться не может, и посему приходится ей порожек этот перепрыгивать. Так вот, садится мишка на камушек на этом порожке, чтоб поудобней было и просто открывает рот. Вокруг рыбка так и летает. Прыг – скок. Скок – прыг. Но мишка на это внимание не обращает и продолжает сидеть с открытым ртом. Ну и вот какой-нибудь лосось-неудачник, выпрыгнув из-под порожка, попадает мишке прямо в пасть. Мишка, естественно, "хрум-хрум". Лосося этого проглатывает и опять открывает рот. Опять ждёт халявную рыбку, что сама в рот падает. Так вот, о таких вот мишках-халявщиках в сказке моей речь пойдёт.

Значит так. Жил да был в одном лесу, точнее Силиконовой долине, один мишка. И звали его, как водится в народных сказках, Михал Иваныч. Ну жил, не тужил. Работал много. Деньги заработанные так просто не тратил, на ветер не бросал. Всё домой нёс, откладывал – копейка к копейке. Экономил. Во всём себе отказывал, чтоб потом деткам своим, медвежаткам, на колледж – университет, образование хорошее хватило. И вот как-то в один погожий денёк решил Михал Иваныч работу сменить. Чтоб трудиться поинтересней было, чтоб денег побольше платили, чтоб перспектива какая была. А то вот компания его, где он не один год непосильно трудится, уж совсем захирела. Того гляди на замок пудовый насовсем закроется.

Ну, начал Михал Иваныч себе место новое подыскивать. Время было хорошее. Солнышко ярко светило. Инвестиционный климат был благоприятным. Компании новые открывались, росли как грибы. И всем нужен был такой вот умный-разумный добропорядочный мишка с опытом работы в компьютерных компаниях. Так что выбирать было из чего. Тут тебе и старые добрые компании, и стартапы – компании, только что открывшиеся. Старые компании давили на известность и стабильность, завлекали бенефитами. Новые компании манили зарплатой, перспективами. Но волновал вопрос надёжности. Так что было, о чём задуматься. Ну вот ходил, ходил мишка на интервью, встречи разные, решиться всё никак не мог, пока наконец-то не забрёл он в одну новё-

хонькую компанию. И компания эта ему сразу полюбилась. Работа интересная, перспективная, прям на острие науки современной. Начальников-контролёрщиков над тобой мало. К словам твоим прислушиваются. В долгий ящик не откладывают. Сегодня решили – завтра сделали. Сказать можно – свобода творчества. Так что влюбился Михал Иваныч в компанию эту новую с первого взгляда. Жена Михал Иваныча, правда, была не в восторге. Ей вот надёжности да стабильности хочется. Ей вот надобно, чтоб Михал Иваныч дома вечерком в шесть ноль-ноль, как штык. Чтоб с детками уроки поделал, в кровати уложил, да книжицу на сон грядущий почитал. А тут, в компании новой такого не предвидится. Душа чует, что денно и ночно он там просиживать будет. Только делать нечего. Не может она так просто мужу своему перечить. Одно вот только наказала она мужу своему, Михал Иванычу, – испросить у компании про бенефиты. А бенефиты-то есть штука не сказочная, а вполне человеческая. Только вот коли начнёшь языком человеческим пояснять все штуки-закавыки про иншурансы да планы четыре-ста первые, то дух сказочный тут же и растеряется. Посему на примере мишки нашего, медведя сказочного, я всё это по сказочному и поясню. Так что наострите ушки да слушайте.

Решает как-то раз Топтыгин Михал Иваныч в другой лесок перебраться, потому как в лесу прежнем уж жизни никакой не стало. Гнус-комар заедает, еды не хватает и всяко-другое раздражает так, что сил нет. Ну вот – находит Ми-

хал Иваныч лесок новый, раскидистый. Медведей-старожилов там встречает и начинает расспрашивать, что ж в этом месте хорошего есть.

– Есть, – спрашивает, – у вас речушка какая, чтоб от жары да на радостях там поплескаться?

– Нет такого, – отвечают старожилы, – одни трясины да болота кругом.

– А есть полянка какая поблизости, чтоб в траве душистой поваляться?

– Нет такого, – старожилы отвечают, – одни буреломы кругом.

– Ну а насчёт того, коли заболēju я какой-нибудь болезнью медвежьей. Есть тут у вас доктор Айболит поблизости, али, на худой конец, ёжик-знахарь?

– Нет тут ничего, – опять старожилы отвечают, – коли заболеем, то сами корешками да травкой целебной лечимся.

– Так что ж это получается, – удивляется Михал Иваныч. – У вас вообще нет ничего?

– Да нет! – отвечают старожилы. – Мы тоже не лыком шиты. И у нас кой-чего есть. Пойдём с нами, покажем.

Дальше заводят его в бурелом-чащу и показывают парочку каких-то листиков, из-под земли едва пробивающихся.

– Так вот, – говорят старожилы, – листочки эти – посадки малины. Через год другой малина эта как вырастет, в твой медвежий рост вымахает. То-то мы все малиной этой объедаться будем!

Вы, конечно, поняли, на что это я так грубо намекаю малиной да листиками. На нормальном человеческом языке всё это называется акциями, или шэрами, от английского слова "share". И когда приходит потенциальный работник в новую, так называемую "стартап" компанию, то завлекать его особо нечем. Ну разве что этими вот шэрами, ну и, как водится, давить на перспективу. Даём тебе вот десять тыщ шэр почти-что за бесплатно, по копеечке за шэру. А там, гляди, компания выйдет на рынок на Уолл-стрит и торговаться будут шэры эти по доллару за штучку. А если дороже? А если за пять, а если за десять, а если ... Ну а дальше себе и вовсе трудно представить. К сожалению, всё это обычно оказывается пустыми разговорами. Ни на какой Уолл-стрит компания, конечно, не выходит и через год-другой успешно закрывается, объявив банкротство. Но мечтать никто не запретит. Да и чем "чёрт не шутит". Все теперешние успешные компании тоже когда-то в стартапах ходили.

Вы теперь всё поняли о шэрах. Это было маленькое отступление. Объяснил по-человечески для понятности. А теперь назад в сказку.

Так поговорили, раззадорили, уломали мишку нашего, Михал Иваныча. Акции шэр малиновых десять тысяч штук отвалили. Компьютер ему новый выдали – быстрый, много-памятный. Стол большой, полированный. Телефон чёрный, кнопочный. Кресло раскладное, удобное прикатали – чтоб спина не болела, чтоб на мелочи всякие не отвлекаться, да

по докторам не шляться. Сиди да работай – хороша жизнь.

И работал наш Михал Иваныч тяжело и долго. С утра и до позднего вечера. Домой за полночь приходил. Уж забыл, как детки-медвежатки выглядят. С женой своей, красавицей румяной, не успевал словом перемолвиться. Друзей своих верных уж месяцами не видывал, да и не слышал боле.

Но однажды встретил случайно Михал Иваныч где-то на лужайке, на площадке детской, старую свою знакомую по компании бывшей, Медведицу разумную, большеголовую. Ну там в разговоры пустились, воспоминания. Что да как. Где да почём.

– Как народ в компании моей старой поживает? – Михал Иваныч интересуется.

И залилась тут подруга-медведица слезами горькими.

– Плохо! – отвечает. – Житья совсем не стало. Денег в компании нет вовсе. Уж зарплату задерживают. А менеджмент креативный, что ни месяц, то себе бонус-премию отписывает. По мильёну на рыло поганое.

– Да не плачь, не кручинься, – отвечает Михал Иваныч. – Бросай-ка ты компанию эту поганую. Да переходи к нам. Я за тебя слово замолвлю. И Мишутку, друга нашего, старого, верного, тоже прихватывай. Нечего ему в компании этой паршивой среди злодеев-иродов оставаться.

Сказано – сделано. Перебралась медведица большеголовая в новую компанию к Михал Иванычу. Зарплату ей хорошую выдали – сколь заслуживала. На шэры малиновые не

покупились. Поменьше дали, чем Михал Иванычу, но тоже немало. Аж пять тысяч штук.

А Мишутка – друг их верный – переходить в новую компанию не стал. Уж слишком маленьким он был и пугливым. От жизни своей несчастной ему сильно досталось. Привык к какому-никакому да спокойствию. К маленькой птичке-синичке, да в руках. Но недолго пришлось Мишутке нашему птичкой-синичкой в руках тешиться. В один погожий денёк менеджмент креативный деньги компанейские по карманам своим глубоким рассовал, а на доллар последний замок пудовый купил да на дверь стеклянную повесил. Так что пришлось Мишутке нашему лить слёзы горькие, искать Михал Иваныча да медведицу большеголовую да на работу к ним в компанию проситься, да на любую зарплату, да на любых условиях. Зла, конечно, Михал Иваныч да медведица большеголовая на Мишутку нашего не держали. Помогли Мишутке, упросили начальство свое. На работу его взяли, зарплату добрую подкинули и даже шэр малиновых тысячу штук отвалили.

Ну вот стали они втроём в компании новой трудиться. Всё, как водится в стартапах – не покладая рук, с утра и до позднего вечера. Ну, время шло себе потихоньку. Конечно, не как в сказках. Никто там тридцать лет и три года на печи не лежал. Просто ударно трудились. Делали, что должны и умели. Каждый занимался своим делом. Сапоги тачал сапожник, а пироги пёк пирожник. Компьютерщики занима-

лись делами компьютерными, а президент компании делами президентскими. И вроде как весьма успешно, потому как зачастили в компанию какие-то люди, вида весьма непросто-го. Заходили они в кабинет начальника-президента и долго, долго с ним о чём-то беседовали. Беседами этими президент, естественно, ни с кем не делился, но чувствовали работники компанейские, что варится что-то такое важное, необычное в кабинете с зашторенными окнами. И вот в один погожий денёк случилось то, о чём простые работники даже в снах не мечтали. Собрал президент всех-всех на собрание-митинг и объявил, что завтра компания выходит, что говорится, в "public" и акции – шэры её малиновые будут теперь торговаться на Уолл-стрите. Заодно он и людей каких-то представил, как выяснилось Уолл-стритовских вилер-дилеров. В компании их часто видели, но кто они такие, никто не догадывался.

День завтрашний выдался дождливым, на что президент компании заметил, что это к удаче. И действительно, цена акций – шэр малиновых – покачалась вверх-вниз и к концу дня замерла на цене доллар за штучку шэру.

Хоть сейчас, Михал Иваныч, иди продавай да клади в карман десять тысяч хрустящих долларов.

На работе был скромненький банкет. Дома Михал Иваныч жену свою обрадовал и повел её в китайский ресторан дешёвенький, с салфетками на столах бумажными, событие это приятное отметить.

Ничего особенного в жизни Михал Иваныча, да медведицы большеголовой, да Мишутки не изменилось. Всё так же ходили они на работу, всё так же просиживали они там до позднего вечера и лишь изредка на цену шэров поглядывали.

А шэры жили своей жизнью Уолл-стритовской. Прыжок вверх. Скок-прыг вниз. Но чаще скакали они таки вверх. И так вот, потихоньку, полегоньку доскакали они до десяти долларов за штучку. Сто тысяч долларов в понимании Михал Иваныча. По этому случаю сделал Михал Иваныч подарок супруге своей красавице посерьёзней. Сам надел пиджак с бабочкой. Супругу свою любезную в платье длинное облачил, да и повёл её в ресторан примечательный, где салфетки уж на столах не бумажные, на столах скатерти белые, а ножей-вилочек официанты приносят немерено. Поели, попили, повеселились, отдохнули славненько и домой в хорошем расположении духа прибыли. Но не успел Михал Иваныч даже разуться, а жена его любезная с шеи своей ожерелье драгоценное снять с камнями стеклянными, как стук в дверь. Подивился Михал Иваныч такому визиту позднему. Да делать нечего. Пошёл дверь отпирать. Открыл он двери настежь, а на пороге подруга его – медведица большеголовая. Смотреть на неё страшно. Глаза на выкате. Шерсть дыбом. Рычит. Изо рта слюна брызжет, а в лапе бумажку белую держит. Взял Михал Иваныч эту бумажку. Надел очки и начал читать.

Бумажка эта – была статья какого-то известного финанси-

ста-аналитика с Уолл-стрита об их медвежьей компании. Даже не статья вовсе, а небольшая заметка строчек на десять.

И пишет этот финансист-аналитик примерно следующее. Как джентльмен старой закалки, прошедший университеты, бизнес-школы, наученный читать-писать, а также складывать и вычитать, он не может взять в толк, каким это образом какая-то микроскопическая компания из двух десятков дремучих медведей, не имеющая ни значимого продукта, ни дохода, ни клиентов, ни какого-либо логичного бизнес-плана, оказывается так дорого оцененной и так высоко котирующейся на Уолл-стрите.

Прочёл эту статейку Михал Иваныч. Порвал её на мелкие клочки, затоптал ногами, потом сел на стул и за сердце схватился. Жена Михал Иваныча уж как перепугалась. Забегала, заохала. Водой, валерьянкой его отпаивает и причитает:

– Да не печалься, не волнуйся ты, мой ненаглядный. Как пришли эти тысячи, так и ушли. Без них раньше жили, так и без них теперь проживём.

А Михал Иваныч всё никак успокоиться не может.

– Ну и дурак же я был! – жалуется. – И чего ж это я свои шэры малиновые вчера не продал? Каково бы сегодня было б радостно – листики зелёные, доллары хрустящие пересчитывать.

С трудом огромным жена-медведица оттащила Михал Иваныча на кровать. Одеялом пуховым укрыла, свет потушила, спать велела. Но не спится Михал Иванычу. С боку

на бок ворочается. Думы тяжкие уснуть не дают. Заснул Михал Иванович лишь на рассвете. Будильник проспал. С трудом поднялся. Умылся, оделся кое-как и тихонько на работу поехал. Настроение траурное. Идёт он на работу сам не свой. Ноги ватные еле волочит. Доходит наконец до знакомой двери. За ручку дёргает, в комнату заглядывает и глазам своим поверить не может. Точно Новый Год по телевизору. Конфетти летает, шампанское брызжет, народ уж на столах танцует. Видно, что-то крепко празднуют. Михал Иванович так бочком, бочком в комнату пролез незаметно.

Стоит тихо он и думу думает: "Что ж тут такого празднуют. Неужто команда ихняя там в футбол-бейсбол выиграла?»

Подкрадывается он к одному работнику хорошему и на ушко спрашивает:

– Что за пир горой, чего празднуем?

А ему друг-работник-то отвечает:

– Так ты ещё ничего не знаешь, дурило? После статейки той мерзкой о нашей компании шэры наши малиновые с утра в цене в пять раз вверх прыгнули.

Тут уж и наш Михал Иванович возрадовался. Силушка былая в мгновенье ока в ноги ватные возвратилась. Налил он себе чарку шампанского игристого, на стол свой полированный запрыгнул и тоже в пляс пустился.

"А в чём суть-то? – вы, читатель, наверное, спросите. – Откуда такой маразм взялся?"

Да всё потому, что, как водится, плохая известность, так называемая паблисити, лучше, чем никакая. Как только народ простой статейку эту мерзкую прочёл, то тут же задумался. О финансисте-аналитике этом уже давно в народе слухи ходили, что он не чист на руку.

Пишет враньё всякое. Сведения хорошие утаивает, а информацию достойную своим друзьям-товарищам за деньги сливает. Посему народ-то простой решил, ежели этот финансист-аналитик кого-то ругает, то значит это совсем обратное. И вот с утра пораньше народ скупать шэры-то малиновые и кинулся.

А на другой день сбежались корреспонденты газет местных да Уолл-стритовских. У дверей компании выстроились. Вовнутрь зайти хотят, вопросы задать.

– Что у вас там за дверьми чудо дивное. Покажите, будьте ласковы. Расскажите-то народу любопытному.

Но президент компании – парень не промах. Работникам своим велел рот на замке держать и на все вопросы только глаза закатывать. А сам завёл корреспондентов всяких к себе в комнату и просветил их всех.

– Чудо дивное, – говорит, – мы у себя за пазухой держим, раньше времени не показываем. Но народу вашему объявить можете, что как только чудо это изладится, то весь крещённый мир перевернётся с ног на голову.

На том и разошлись корреспонденты газет всяческих и писать стали про компанию нашу статьи хвалебные. И да-

же финансист-аналитик подлый тоже статейку тиснул, где он горько каялся да покупать шэры малиновые советовал.

Ну, а дальше пошло-поехало. Цена шэр малиновых вверх идёт-летит безостановочно. Ну, заодно и благосостояние всех работников компанийских улучшается. Каждодневно Михал Иваныч обогащается. Причём не просто так, копеечно, а по-серьёзному. Что ни день, то сто тысяч на его душу дописывается, а иногда и все двести. Радуется Михал Иваныч, веселится. Ходит гоголем. И только жена его послушная покою не даёт. Зудит и зудит она каждым вечером. Михал Иваныча словами разными уламывает.

– Ой ты свет ты мой, муж талантливый. У тебя ведь шэр малиновых и так видимо-невидимо. Отними ж ты от них горсточку малую. И давай купим-то на них избушку махонькую. Да хоть на курьих ножках, чтоб голову где притулить можно было на старости.

Достала, короче, Михал Иваныча жена своими причитаниями, и купили они избушку маленькую.

Хотел, было, я сказать, что зажили они там душа в душу, да врать не могу. Потому как по любому поводу доводить теперь до белого каления Михал Иваныч жену свою принял. Это потому, как кажется ему, что с продажей той самой горсточки шэр малиновых он поспешил.

Едут, бывало, они в выходные всей семьёй на отдых, на пикник компанийский по дороге такой красивой, частной, приватной. Останавливается Михал Иваныч возле во-

рот резных, незнакомых. Указывает жене своей на сад, цветущий за воротами, на палаты белокаменные и начинает, к жене обратясь, речь держать.

– Вовсе ты не Василиса Премудрая, а дура набитая. Послушался я тебя, уродину глупую. Продал шэр горсточку за дешёво, купил избушку махонькую да корыто разбитое. А вот придержи я эту горсточку да на недельку-другую, то могли б сами мы в таких палатах белокаменных поселиться.

Ну, дальше жена его, естественно, в слёзы, в истерику. Детки тоже галдят, за мамку хватаются. Короче, когда приезжают они на пикник, то и свет им уж не мил, и настроение испорченное, и уже хочется друг друга никогда больше не видеть.

Ну а медведица большеголовая что поделывает?

Тоже продала она шэр малиновых горсточку по своему хотению. И купила она «Мерседес»-колесницу красивую. Длинную-предлинную. Это чтоб удобней было по полям да долам рассекать. Едет, бывало, днём воскресным медведица большеголовая по дороге просёлочной, меж полей да садов. Видит она, как мексиканцы-работники яблочки наливные собирают. Останавливает она колесницу. Выходит и у работников спрашивает:

– Чьи поля да сады эти бескрайние?

Ну, конечно, мексиканские работники танцуют и поют хором всем нам знакомую песню: "Маркиза, маркиза, маркиза Карабаса".

– Ничего, – отвечает медведица большеголовая, – всё это скоро моим будет!

Потом садится в колесницу и дальше едет.

Ну, всё это в выходные дни делается. А другие дни, как бы рабочие, по-другому проходят.

На работу уж приходит Михал Иванович, да и иные работники компании уж не раненько. Часам к одиннадцати. Уж забыли они, как трудились с утра и до позднего вечера. Потом часок-другой дела свои всякие поделяют и на обед в ресторан хороший. В ресторане беседуют, обсуждают всяко-разное. И все разговоры обычно вокруг трёх тем крутятся.

Начинаются разговоры обычно с того, что поются дифирамбы Америке – стране возможностей, которая даёт возможность талантам всяким раскрыться. Это работники, конечно, себя в виду имеют. Потом слегка поругают Америку за то, что правительство тут сильно мягкотелое и потому содержит на шее талантливых работников всяких там нищобродов. И хорошо было бы нищобродам этим ничего не давать, а денежки, собранные в виде налогов, вернуть законным владельцам – то бишь им, талантливым работникам. Ну, а под конец обеда беседы всякие перетекают в споры об автомобилях. Вы-то, читатель, небось, не знаете, в чём достоинства «Бентли» перед «Роллс-Ройсом». А о недостатках «Феррари» перед «Ламборгини» даже и не догадываетесь. А работники-то наши всё это уж от корки до корки изучили.

А после обеда можно заехать на работу, проверить, как там шэры малиновые поживают, как там благосостояние растёт. А потом домой, или ещё куда. Так, собственно, и проходят дни, как бы рабочие.

Ну, я вам всё, читатель, о Михал Иваныче да Медведице большеголовой вещаю. А про Мишутку-то совсем забыл. А вам, наверное, узнать хочется, а что ж Мишутка наш поделяет? Как растёт его благосостояние.

А вот никак не растёт Мишуткино благосостояние! Потому как продал Мишутка все свои шэры малиновые. Как тикнула там на Уолл-стрите цена хорошая, так и продал Мишутка все свои шэры аж за сто тысяч хрустящих долларов. Целый вечер он доллары пересчитывал, удаче своей радовался. А потом загрустил, потому как выяснилось – Мишутка-то прогадал. На другой день шэры малиновые в цене выросли, и мог бы продать он шэры свои вдвое дороже. И вот сидит Мишутка за столом своим полированным сам не свой. И ничего ему не в радость теперь. Настроение вечно отвратное.

"А почему ж это? – вы, читатель, спросите, – вроде ж повезло человеку. Богатство огромное за просто так на голову свалилось. Считай, в лотерею выиграл".

А я отвечу вам коротко: "Всё это потому, что у медведя-то бывше-советского настроение плохое вовсе не тогда, когда ему самому плохо, а тогда – когда у соседа хорошо".

Ну вот слышит Мишутка крики радостные Михал Иваныча да медведицы большеголовой, и у самого его сердце

кровью обливается. Грусть-тоска его съедает. Да так сильно, что худеть стал Мишутка не по дням, а по часам. Цельных 50 паундов просто так сбросил. И стал он выглядеть ну просто красавцем. Ну прямо спортсмен-олимпиец. Секретарша ему уже глазки строит, а люди всякие посторонние у стола его останавливаются да интересуются. Какую ж диету замечательную Мишутка пользуется, да каким спортом занимается. А Мишутка-то отвечает уклончиво:

– Жизнь я просто веду здоровую.

Ну так вот жили они всей компанией и, как поняли вы, – не тужили. И вот добралось Михал Иваныча благосостояние аж до двадцати мильёнов долларов. Медведицы большеголовой поменьше, правда, – только вот до десяти мильёнов. Но тоже не плохо. И устроили они по этому случаю пир горой для друзей преданных. Мишутка, понятно, на пир этот не пошёл. А жену свою Михал Иваныч звать не стал. Потому как что ж с неё возьмёшь, с дуры набитой. Домой, в избушку свою махонькую, вернулся Михал Иваныч уж за полночь. На кушетку лёг и заснул сном крепким, праведным. На другой день проснулся он позднёхонько. Солнце уж в зените было. Умылся, оделся и побежал скоренько на работу, так называемую. Толкает знакомую дверь. В зал заскакивает и чувствует, что произошло что-то очень неприятное. Гудит компания как рассерженный улей. Стоны, крики кругом. Да слёзы у друзей его товарищей из глаз брызжут. Подкрадывается Михал Иваныч к товарищу своему хорошему и на ушко

спрашивает:

– Что ж за горе такое вот приключилось? Уж никак команда ваша любимая в футбол-бейсбол проиграла?

А товарищ его уж как закричит:

– Какой ещё футбол-бейсбол! Ты что, дурило, ещё не знаешь, что шэры-то наши малиновые за одно утро вдвое попадали!

Теперь Михал Иваныч прикидывает, что благосостояние его за одно только утро сильно уменьшилось. На целых десять мильёнов зелёных долларов.

Бегают, галдят, с ума сходят работнички компании. Гадают, что же произошло, и решают на общем совете, что делать ничего не надо. Что, наверное, инвесторы чего-то недопоняли, или глюк какой с компьютером на Уолл-стрите, и завтра непременно всё исправится. На утро другое приезжают все работнички на работу к 6 утра. Никогда такого в жизни не бывало. Ждут, когда Уолл-стрит откроется. Смотрят на цену шэр малиновых и в обморок едва все не падают, потому как цена шэров опять уполовинилась. То бишь состояние Михал Иваныча уменьшилось теперь на 15 мильёнов зелёных долларов. Крик, вопли, стоны, плач кругом, и вопрос летает: "Что делать?"

Конечно, вы, читатель, тут же скажете: "Как – что делать? Продавать, что осталось. Пять мильёнов долларов – деньги хорошие. Я, мол, таких деньжищ в руках ввек не держал. Беги, продавай, уноси с Уолл-стрита, что осталось!"

Но это вы такое говорите, потому что на месте Михал Иваныча никогда не были и, уверен я, никогда не будете.

Как говорят в Америке, в ботинках Михал Иванычевских никогда не топтались. А у Михал Иваныча после годов работы в той самой компании мозги уж совсем набекрень съехали. Думает он не о том, что у него сейчас есть, а о том, чего у него теперь нету. Что потерял он, якобы, 15 мильёнов долларов и надеется, что авось когда-нибудь всё это обратно отыграется. Так что решает Михал Иваныч ждать дальше и шэры свои малиновые придержать до лучших времен.

Ну вы, читатель, уж, конечно, догадались, что на следующий день произошло. Правильно. Шэры опять упали. И тогда уж взбешённые, разозлённые работнички кличут общее собрание и президента компании на трибуну затаскивают. «Объясни-ка ты нам, народу простому, что ж это такое с шэрами нашими делается».

Взошёл президент компании на трибуну и попытался поговорить с народом по-хорошему. Мол, не только вам плохо, но и мне тоже. Мы ж с вами в одной лодке плаваем. Вы-то по мильёну теряете, а я-то куда больше. Но его причитания, конечно, никто не слушает. Народ свистит, кричит, улюлюкает. Тогда президент компании расшвирипел. Грохнул кулаком по столу и говорит жестким голосом:

– А вы на себя сами взгляните, да со стороны. На кого вы похожи. До одиннадцати на работе никого нет, а после пяти и подавно. Работать совсем перестали. Компьютер вам дан

не для того, чтоб на нём шэры пересчитывать да девок голых разглядывать. А на паркинг наш выйдешь. Сплошь «Мерседесы» да «Ягуары».

В Голливуде такого не увидишь. Уж компании туристические к нам туристов любопытных возят. На паркинг наш компанейский, на автомобили дорогушие полюбоваться. Значит так. С поведением таким я всем приказываю завязывать. Завтра я приведу сюда инвесторов. Чтоб они своими глазами посмотрели, как мы хорошо работаем, и мнение своё о компании исправили. Так, чтоб завтра с утра в девять ноль-ноль, чтоб все у компьютеров сидели и работали. А машины – авто дивные – чтоб дома оставили и приехали сюда да на разбитых корытах, чтоб не моложе десяти лет отроду. И главное, чтоб шэрами нашими малиновыми торговать не вздумали. Чтоб все вокруг видели, как все мы в компанию нашу-то верим. А теперь все свободны.

На следующее утро, точно в былые времена, народ сидит у компьютеров. Кто пытается вспомнить, чем же он таким раньше занимался. Кто другой просто окошки всякие по компьютерному экрану перетаскивает – делает вид, что работает, да украдкой на шэры, на Уолл-стрит поглядывает. И точно. С утра цена шэр-то остановилась на месте, замерла. Даже слегка вверх поползла. Ну, люди, конечно, обрадовались, стали ещё лучше работать. Ещё быстрее окошки всякие по экрану компьютерному таскать. Все ждут прихода президента с инвесторами, всё утро прождали. На обед в ресторан

не ходили. Время уж к вечеру движется. А президента с инвесторами всё нет да нет.

"Ладно уж, – народ думает. – Не успел сегодня – придёт завтра".

И полезли все смотреть, чем же это сегодня Уолл-стрит закроется. И вдруг за минутку до закрытия – хлоп – и шэры-то малиновые в десять раз вниз попадали.

Как потом выяснилось, это президент компании все шэры свои разом продал, никого не предупредивши. Ну, конечно, кругом крик, визг, плач. Трубки телефонные обрывают, президенту названивают, объяснить хотят. А президент, конечно, не отвечает. Тогда кто-то вспомнил, что знает, где президент компании живёт-обитает. Бегом на паркинг, в машины повскакивали и домой к президенту на всех парах летят. Ну, по адресу приехали.

Ходят вокруг да около. В окна да замочную скважину заглядывают. Пусто. Нет никого. Тогда народ начинает интересоваться у соседей.

"А не видели ли вы сегодня вот такого-растакого, президента нашего? Приметы у него такие вот особые. Волосы редкие, в чёрный цвет крашенные. Зубы вставные, белые, фарфоровые. Улыбка мерзкая, пакостная. Голос елейный, слащаво-приторный".

"Как же, как же! – соседи отвечают. – Видели такого. Со всем недавно в такси жёлтое садился с чемоданами. И девица-то при нём была. Красавица писаная. Прямо с обложки

журнала всемирного. Видно, он уж обо всё позаботился. Надолго уехал".

Так вот, не солоно хлебавши, вернулись ребяташки к себе в компанию. С горя водки выпили, да о том о сём побалагурили. Поняли они наконец-то, что это в старые добрые времена первыми с тонущего корабля бежали крысы. А нынче-то первыми с корабля валят капитаны дальнего плавания. Потому что стоят они высоко на мостике, и им всё виднее, чем матросам, в трюмах обитающим.

Ну, а на следующий день торговлю шэрами малиновыми вообще остановили. Уолл-стрит перевёл их в разряд копеечно-мусорных.

Ну народ ещё по инерции продолжал в компанию приходить. Настроение, конечно, у всех траурное. Лица серые, землистые. Руки дрожат как у алкоголиков. И лишь только Мишутка наш один цветёт. Ну, это уж мы знаем почему. Медведю-то бывше-советскому хорошо и радостно вовсе не когда ему самому хорошо, а когда соседу плохо.

Ну, так вот медведи-то наши на как бы работу в компанию ещё ходили, ходили. А потом и они ходить туда перестали. Потому как воду от компании отключили и свет вырубили.

Ну вот, собственно, и сказке конец. Могу закончить известной присказкой:

"Сказка – ложь, да в ней намёк. Добрым молодцам урок".

Хотя, честно сказать, лжи-вранья в моей сказке было совсем немного.

Справка

Еврейский вопрос Саши Голдэнмахера решился положительно, хотя пришлось изрядно поволноваться. Саша долго готовился к интервью в американском посольстве. Писал

рассказ – легенду о преследованиях со стороны КГБ и кровавого коммунистического режима. Что-то добавлял, вычеркивал разучивая легенду в лицах. Просиживал перед зеркалом пытаясь изобразить на своем лице скорбное выражение. Кричал на непонятливую жену, которая путалась в деталях легенды. И все зря. Сашин рассказ слушать не стали, оборвали на полуслове и задали вопрос который Саша забыл подготовить.

"Вы еврей?" – как бы невзначай спросил американский чиновник.

"Да!" – с гордостью сообщил Саша и полез в карман за документами.

Чиновник жестом остановил его и как показалось Саше издевательски спросил – "Тогда расскажите, пожалуйста какие еврейские праздники вы справляете."

И тут Саша поплыл. Внизу живота он ощутил неприятный холодок. Все тело сковало непреодолимое чувство страха. Такое же чувство охватывало его лет десять назад в институте на государственном экзамене по научному коммунизму. Тогда Саша блестяще отвечал на вопрос о переписке Энгельса с Каутским, как его оборвал преподаватель коммунист. Глядя на Сашу безжизненными рыбьими глазами он попросил Сашу перечислить "три источника, три составных части марксизма". Потом еще долго глумился над Сашей приговаривая что он не может подписать диплом инженера электрика человеку который не удосужился изучить

самые основы марксистско-ленинского учения. И лишь наигравшись вволю, доведя Сашу до слёз и взяв с него честное комсомольское слово о том, что Саша в тот же вечер изучит бессмертную Ленинскую работу, ни с того ни с сего поставил ему четверку.

Теперь на Сашу свысока, издевательски взирал американский чиновник с точно такими же безжизненно рыбьими глазами, как и у преподавателя научного коммунизма.

Саша не знал ровным счетом ничего. Где-то из глубины сознания выплыла картина далекого детства. На кухне орудовала бабушка, а он пятилетний еврейский ребёнок сидел за столом и вилкой колотил какой-то блин из теста. Потом блин перекочевав в печку извлекался оттуда в виде самодельной с обугленными краями мацы.

Ничего другого Саша не помнил. Все его еврейство легко умещалось в пятую графу советского паспорта нового образца.

Саша почувствовал, как из-под ног уплывает пол, а вместе с ним желанный американский берег.

"Маца" – лишь пролепетал Саша угодливо и с надеждой подняв глаза на американца.

Как обычно Сашу выручила его жена. Несмотря на строжайшие Сашины указания молчать во время интервью, она начала говорить.

"Ну, новый год, еврейский справляем, роша шану, йом-кипур, халу печем на праздники, если конечно муку сумели

достать."

Это последнее замечание как будто бы тронуло американского чиновника.

Взглянув на Сашину жену он как будто бы небрежно бросил – "Думаю что у вас с этим больше проблем не будет" – и перешел к следующим вопросам анкеты.

Потом быстро свернув интервью он поднялся и давая понять что встреча закончена пояснил – "Решение о предоставлении политического убежища будет принято в течение недели."

Саша тоже поднялся. "А можно ли надеяться ..." – привычно занудил он.

"Thank you, a lot" – перебила Сашу его жена, Жанна и больно ткнув Сашу в бок потащила к выходу.

Лишь только закрылись двери комнаты, как к Саше и жене, словно стайка студентов, сдающих экзамен бросились какие-то люди.

"Ну как там? Что они спрашивают? Что нужно подготовить?" – зазвучали вопросы.

Жанна остановилась начав отвечать и давать советы. Но на этот раз, словно взяв реванш, Саша ткнул жену в бок и потащил ее к выходу злобно нашептывая на ухо: "Что ты им все рассказываешь? Они же конкуренты! Мест в Америке на всех не хватит."

Последующие дни Саша сидел словно на иголках вспоминая и перепесочивая все детали интервью.

"Что он имел в виду когда сказал, что у вас с этим проблем больше не будет?" – вопрошал Саша.

"Наверное он имел в виду то что в Америке можно купить муку без проблем." – отвечала уже вконец замученная жена.

"Это я и сам знаю!" – раздражался Саша.

"Наверное он имел ввиду что когда мы приедем в Америку то сможем купить муку без проблем" – радостно заключал Саша.

"Наверное" – соглашалась Жанна с логическим ходом мыслей своего мужа.

"Тогда почему он оборвал меня когда я рассказывал о КГБ?" – с беспокойством задавал очередной вопрос Саша.

"Наверное потому что не поверил."

"А почему не поверил?" – беспокоился Саша.

"А потому, что все это вранье!" – просто и без эмоций отвечала Жанна.

"Но не мог же он этого знать!" – горячился Саша.

"Мог!" – заключала жена.

"Почему?"

"Потому что все это вранье, и потому что это у тебя на лбу написано!" – безжалостно заключала Жанна, чем вгоняла Сашу в беспросветную тоску.

На третий день пыток Сашина жена не выдержала и запустила в него турецкой тарелкой с узорами, купленной во время кооперативной деятельности на Стамбульском рынке, особой гордостью Саши.

На четвертый день не дотерпев положенного семидневного срока, Саша набрал телефон посольства. Безэмоциональный женский голос сообщил, что Саша со всем его семейством получил звание политического беженца того что осталось от Советского Союза.

Саша Голдэнмахер никогда не останавливался на достигнутом. Это и хорошо и плохо. Хорошо тем что это является признаком смелого динамичного характера с потенциальными возможностями достичь невиданных высот. А плохо тем, что Саша даже не успев порадоваться, мгновенно забыл о всех страхах терзавших его еще день назад и тут же нашел новую причину для беспокойства.

Успешно решенный "еврейский вопрос" гармонично перерос в плохо решаемый вопрос финансовый.

Саша Голдэнмахер был кооператором, если так можно выразиться – по неволе. После развала Советского Союза, после того как на заводе "измерительных приборов", где работал Саша перестали платить зарплату, Саша двинулся в бизнес. На вопрос чем занимается его кооператив, Саша горделиво отвечал, что занимается международной торговлей.

На самом деле Саша был одним из тех, кого в бывшем Союзе именовали челноками. Закупив в разоренных магазинах и на стороне всякую всячину, в компании таких же горе-кооператоров, как и он, с сумками и баулами, Саша отправлялся в соседнюю Турцию. Потом простаивал на Стамбульском рынке денек другой, распродав имеющийся советский товар,

и закупив товаров турецких, Саша ехал домой. С турецкими товарами он днями простаивал на колхозном рынке, бешено торгуясь за каждую копейку. Потом распродав заграничные товары таскался по магазинам "уцененные товары" в надежде найти чегонибудь ценного.

После благополучно решенного "еврейского вопроса", к Сашиним проблемам добавились заботы по продаже бывше-советского домашнего имущества. Стандартный набор успешного советского человека в виде чешской стенки, всемирной библиотеки каких-то приключений, сервиз "мадонна", туркменский ковер, менялся на доллары и уплывал из Сашиной двухкомнатной квартиры.

Результатом Сашиной кооператорской и прочей финансовой деятельности оказались пустые, обшарпанные стены квартиры, раскладушки с матрасами на полу, остатки посуды, пара-тройка граненых стаканов, масса чемоданов, но самое главное – увесистая пачка в 5 тысяч долларов купюрами разного достоинства.

Теперь перед Сашей маячил новый вопрос – как перевезти в Америку деньги.

Старые, добрые надежные советские сберкассы денег в Америку не переводили. Новые нарождающиеся банки брали за эту услугу гигантские суммы – что-то типа десятины. Были, впрочем, и другие возможности. Открывается скажем на главной улице кооператив с ласкающим ухо названием "Алиса энд Базилио – деньги трансфэр интэрнэшнл". Захо-

дишь в комнату, то есть офис. По стенам развешаны иностранные плакаты – корабли, отели, полуголая девица с бутылкой пива. Так сказать, типовой интерьер солидной западной компании. Ну и работники также под стать – вежливые, улыбочивые. Гарантируют быструю доставку перевода куда угодно – хоть в Африку, хоть в Антарктиду за какую-то минимальную плату. Но Саша и сам был кооператором и понимал, что вероятность доставки денег по назначению не больше чем рассказы лисы Алисы и кота Базилио из сказки "золотой ключик" про золотое дерево.

Теперь Саша метался в поисках оптимального решения между Сциллой и Харрибдой, словно древнегреческий Одиссей. Отдать честно заработанные пятьсот долларов за перевод. Либо везти все доллары с собой рискуя потерять их при встрече с бандитами. Сашу уже однажды грабили по дороге домой из Турции, так что его страхи были более чем обоснованными.

Саша подумал, посоветался и решил идти на рискованный шаг – везти деньги "вживую" на себе. План был прост и смел – почти как план Наполеона по взятию Москвы.

На станции отправления быстро занимается заранее купленное купе, запирается и баррикадируется изнутри. Бандиты находящиеся в поезде баррикадную дверь не взломают, а взрывать не посмеют. Ночь в запертом купе, естественные потребности в ночной горшок и в окно. На так называемой границе дверь открывается таможенникам. Получаем справ-

ку, что деньги честно ввезены на территорию России, дальше таким же "макаром" до Москвы в баррикадном купе. Потом московский вокзал, такси, аэропорт, последний редут – таможня где и предъявляется та самая справка. Беспрепятственный проход в самолет, приятные 12 часов полета ... Чем хуже спрашивается плана Бонапарта?

У Наполеона серьезные неприятности начались где-то под Бородино. У Саши гораздо раньше – на пограничной станции Кишертъ.

Начиналось все хорошо, спокойно. Заняли купе, забаррикадировались. Впрочем, это даже было лишне. Саша где-то даже успокоился и позволял себе короткие перебежки в вагонный туалет. Все шло как нельзя лучше. За окном тьма и вьюга. Вагон тихонько постукивает на стыках рельс, идет удивительно точно по расписанию и вот минута в минуту прибывает на последнюю станцию бывшей советской республики.

Вышли немногочисленные пассажиры. Саша откупорил свое купе и прислушался. Где-то издалека должен был донестись привычный хамский говор "Граждане, документики для проверочки. Запрещенное есть? Штраф готовим." Но голосов не было слышно. По вагону слонялись заспанные пассажиры. Выскакивали покурить на перрон, забирались обратно, ругали длинную остановку и запертый туалет.

"Таможня" – тихонько выдохнул Саша.

"Где?" испуганно вскрикнул мужчина из соседнего купе.

"Та-мо-ж-ня" – уже громче позвал Саша.

"Ух" – облегченно произнес тот же мужчина – "Везет нам, паря. Сдается не будет сегодня таможни."

"Как это не будет?" – визгливо закричал Саша – "мне нужно таможню, здесь, сейчас".

Глаза мужчины округлились от удивления.

"Зачем?" – прошептал он и отодвинулся, решив видимо, что рядом сумасшедший.

"Таможню надо мне, таможню. Таможню надо мне, сейчас." – уже стихами кричал Саша пробираясь по вагону к купе проводника.

"Таможенный осмотр когда будет?" – обратился он.

"Откуда я знаю?" – грубо ответила проводница – "Когда надо, тогда будет, а не будет, значит не надо."

"Но мне нужно, очень нужно." – едва не плача выдохнул Саша.

"Ну сбегай тогда на станцию, в буфет" – со смешком ответила проводница – "может они там квасят. Попросишь, они тебя и прошманают. Индивидуально ..."

До отхода поезда еще оставалось минут 15. Саша выскочил на перрон, ворвался в здание вокзала, взлетел на второй этаж, пробежал мимо дверей с множеством табличек и остановился возле двери с надписью "таможня". Таможня не подавала признаков жизни. Щель под дверью была темна, а сама дверь наглухо заперта. Саша спустился вниз, подошел к двери с табличкой "милиция", вежливо постучал, тихонько

открыл дверь. За столом спиной к входу сидел милиционер и смотрел телевизор.

"Извините, вы не знаете ... " – начал Саша

"Не знаю." – оборвал его милиционер даже не обернувшись.

Саша тихонько закрыл дверь и медленно прошел по пустому перрону к своему вагону. Он стоял возле подножки вагона совершенно не обращая внимание на холодный ветер, все вглядываясь в темный проем возле вокзала, все надеясь на чудо. О как же ему хотелось, чтобы сейчас, сию минуту из этого проема вынырнула машина, полная людей в таможенной форме, оттащили поезд на запасной путь, а потом 3 часа подряд ШМАНАЛИ, шманали, шманали. Но ничего не происходило. Проем был пуст и черен. Подошло время отправления. Проводницы привычно повисли на поручнях вагонов, размахивая флажками. Вот уже дернулся поезд, передавая скрип и скрежет от вагона к вагону, за окнами тихо поплыл перрон. Саша на секунду закрыл глаза и словно галлюцинации, словно сон он увидел Кощея бессмертного в синей форме московского таможенника, со своими длинными крючковатыми пальцами, перебирающими его Сашины доллары, со скрипучим голосом повторяющим одну страшную фразу – "так, значит, добро народное из державы увозим." Дальше Саша уже ни о чем не думал. Ноги сами собой несли его к спасительной красной рукоятке со свинцовой plombой, повисшей на ржавой проволочке. Саша вздохнул, подпрыг-

нул и сорвал Стоп-Кран.

Раздался пронзительный визг остановившихся колес. Словно слепые щенки вагоны толкались, напоздали друг на друга, отползали обратно и толкались опять. Неожиданно все стихло. Еще несколько секунд и тишина наконец поглотилась грубыми человеческими голосами.

"Что случилось, чего стоим, задавили кого-то?"

Представившаяся картина выглядела комедийно-сюрреалистически. Саша Голдэнмахер висящий на стоп-кране, головы выглядывающие из всех купе и очумелая проводница устремившаяся к Саше.

"Ты что творишь?" – срывающимся голосом закричала проводница.

Саша отпустил стоп-кран, выпрямился во весь свой небольшой рост и четким ледяным голосом произнес – "Поезд никуда дальше не пойдет, пока не прибудет таможня."

"Поезд то пойдет" – вконец взъярилась проводница – "а ты вот отправишься куда следует."

"Маша!" – крикнула она подошедшей проводнице из соседнего вагона – "вызывай милицию".

В соседних вагонах просыпались люди, сползали с коек и вливались в толпу недоумевающих и негодующих. В поезде уже рождались и ползли самые невероятные слухи.

"Там в восьмом вагоне какой-то еврей стоп-кран сорвал. Зачем? Таможню говорит надо, встретить там кого-то. А за-

чем. Бриллианты должен был передать, а они запоздали. А зачем передать. Что б в Израиль увезти. Так взять или передать?"

"Пошли разбираться" – предложил кто-то.

Негодующие и просто любопытствующие устремились в соседний вагон. Вагон быстро наполнялся людьми и воплями.

"Отойди от крана, всем ехать надо."

Саша, серый как лист оберточной бумаги уже молчал. Собравшиеся бушевали. Назревал суд Линча.

"Граждане, расступитесь, дайте пройти" – послышался, наконец, спасительный голос милиционера. – "Что происходит, зачем кран сорвали, почему хулиганим?"

"Товарищ, то есть господин милиционер" – едва сдерживая слезы выдохнул Саша – "Пожалуйста пройдемте в купе. Я вам все объясню."

Дальше всхлипывая и утирая слезы Саша рассказал о своей истории с таможней и перспектив потерю пяти тысяч честно нажитых долларов. Милиционер даже расчувствовался.

"Ну, мил человек, что я могу сделать?"

"Таможню" – угрюмо произнес Саша.

"Знаешь что" – милиционер начал заметно раздражаться – "я могу тебя задержать, могу оштрафовать за остановку поезда и выдать квитанцию."

"Квитанцию?" – переспросил Саша и словно ухватившись за спасительную соломинку затрещал – "Да, да конечно кви-

танцию и справочку с печатью. И штраф я не один уплачу, а сразу три. И квитанций то мне не надо, ну разве что одну маленькую и справочку, справочку с подписью и печатью."

Милиционер на секунду задумался. Идея с тройным штрафом явно пришлась ему по душе. Но справка

"Что я справку тебе писать буду?"

"Да не беспокойтесь, товарищ, то есть господин милиционер" – продолжал трещать Саша – "Я ее сам прямо сейчас напишу, вы только штампом ее припечатайте."

"Лады" – согласился милиционер – "я за печатью в дежурку, а ты уж садись да быстро пиши, как говорится, одна нога здесь, то есть, одно перо здесь, а другое там."

"Будет, будет сделано" – уже кричал Саша от радости – "Вернетесь и все будет готово".

Милиционер поднялся и вышел в коридор вагона.

"Граждане, расходитесь по своим местам. Поезд тронется через пять минут" – объявил он – "сейчас только оштрафую этого гаврика и поедете."

Народ в коридоре повеселел, зашевелился. Толпа начала рассыпаться.

"Товарищ милиционер" – кто-то весело крикнул из толпы. – "вы уж выпишите ему такой штраф, что б весь Израиль не расплатился."

"Выпишем, выпишем. Не беспокойтесь. Что положено, то и выпишем." – ответил милиционер проталкивающийся к выходу. Милиционер вернулся через пять минут.

"Готово?"

"Всегда готово" – бодро, по-пионерски ответил Саша.

Милиционер взял бумажку и начал читать временами останавливаясь и восхищенно выкрикивая. "Ну молодец, во дает, в жисть такое не сочинить!"

"С П Р А В К А, Настоящая. Выдана гражданину Голдэнмахеру в том что находясь в вагоне номер 8 международного пассажирского поезда следующего по маршруту Кишинев – Москва, на пограничной станции Кишертъ, Березовского района, Дубосанской области после получения машинистом вышеуказанного поезда разрешения на отправку и после начала движения вышеупомянутый гражданин привел в действие стоп-кран в вышеуказанном вагоне что вызвало незапланированную остановку вышеуказанного поезда в чем заключалось административно-хозяйственное нарушение порядка безопасного использования железнодорожного транспорта предусмотренного статьей 26 пункта б правил осуществления безопасной эксплуатации железнодорожного транспорта при перевозке пассажиров, при этом факт данного правонарушения был признан гражданином Голдэнмахером поясняющий свой поступок необходимостью пройти таможенный досмотр в установленные сроки и установленными правилами для получения необходимых документов для продолжения следования."

Милиционер дочитал Сашино произведение и удовлетворенно хмыкнул - "Ну писатель, Достоевский. Тебе б прямо в

справочном бюро работать".

"А вот и штраф" – елеино улыбаясь прошептал Саша, протягивая сложенные купюры – "Пересчитайте, пожалуйста".

"Верю" – ответил милиционер, не глядя засовывая деньги в карман. Затем он достал печать.

"Преступление" – громко поведаль он, потом громко дыхнул на печать и с грохотом приклепнул листок бумаги – "и наказание" – заключил он.

"Все, инцидент исчерпан" – объявил он проводнице – "отправляйтесь".

Еще через несколько минут поезд тронулся. Повеселевший Саша больше не прятался в купе, справедливо рассудив что по фронтовой мудрости, снаряд в одно и то же место не падает, а хуже того что было уже ничего не произойдет. Уже свободно и спокойно как в бывшие советские командировочные времена расхаживал он по вагону.

Остальная часть путешествия в поезде и даже переезд в аэропорт прошли без единой зацепки. Оставался последний редут – московская таможня.

С семьей, кучей чемоданов Саша ввалился в аэропорт. Докатил тележку с чемоданами до таблички "Таможенный досмотр", перевел дух и осмотрелся. Таможенные работники были заняты своей привычной работой. На полу валялись разодранные чемоданы, кучи вещей, по которым как ни в чем не бывало ходили товарищи в синей таможенной форме.

В воздухе стоял детский плач, крики женщин и привычные окрики – "не положено".

"Почему, почему нельзя?" – слышались голоса – "эта же ложечка память о бабушке."

"Ничего не знаю" – привычно отвечал таможенник – "серебро к вывозу запрещено".

"Да какое ж это серебро" – пыталась вступить в спор какая-то зареванная женщина – "смотрите, ложечка то желтого цвета, это ж латунь."

"Я что не разбираюсь" – парировал таможенник – "это особо ценное желтое серебро к вывозу запрещенное."

"Ну ладно уж" – в конце концов соглашался таможенник, тонко уловив момент, когда клиент уже созрел – "плати штраф и вези свою ложечку. Можно прямо здесь и в валюте за то что ложечка не декларирована."

По соседству шакалил веселый таможенник, собирающий дань с помощью волшебной рулетки.

"Ага, посмотрим!" – сообщал он, прикладывая измерительную ленточку к очередному чемодану – "Экая незадача, опять превышение. 92 сантиметра вместо разрешенных 90".

"Но я же дома всё измерял!" – недоуменно бубнил ошарашенный товарищ с чемоданом – "Всё было в пределах нормы, даже меньше."

"Загадка природы, да и только" – весело отзывался таможенник – "Значит, надо полагать, что за время пути чемоданчик успел подрасти ... Ну что? Платим штраф за превы-

шение, или оставляем чемоданчик на родине?"

Шуршащие зеленные бумажки извлекались из сумочек и карманов "растаможенных" граждан и исчезали в оттопыренных карманах представителей власти."

Сашу била нервная дрожь. По мере продвижения очереди дрожь усиливалась. Ко времени когда Саша стоял перед входом в таможенный зал он уже не мог выговорить ни слова. Он просто протянул злополучную справку. Таможенник у входа брезгливо взял бумажку и начал читать. Он пробежал ее глазами, потом попытался прочесть еще раз, но медленно. Опять ничего не понял. Потом перевернул ее вверх ногами в надежде что так будет яснее. Потом с опаской взглянул на Сашу.

Было в чиновнике что-то от акулы. Такой же бездумный, безжалостный немигающий взгляд и в тоже время благоразумная акуля осторожность. Хорошо известно, что вблизи берега акулы питаются тюленями, поджидая этих усатых, милых, жирненьких зверьков. Вкусно, калорийно и главное безопасно. Но иногда случаются конфузы. Заплывет бывало какой-нибудь человек-серфер, одетый в черную тюленью униформу в гущу тюленьего стада и тут уж до беды недалеко. Подслеповатая акула случайно хватает этого малоподвижного тюленя. Но надкусив она мгновенно понимает что схватила чего-то не то и выплевывает добычу. Работает простая акуля логика сложившаяся и отшлифованная за 250 миллионов лет. Если чего-то не так, то уж лучше поголодать, чем

подавиться чем-либо непонятным типа морского ежа.

Таможенник Вася интеллектом ушел недалеко от акулы. Все эти бюрократические изыски подsunутой справки он так и не сумел охватить. Единственное что он понял, это то что справка "настоящая" и кто-то специально остановил поезд что бы господин Голдэнмахер смог увезти пять тысяч долларов.

"Ну если уж ради этого поезда останавливают" – подумал Вася – "то это наверняка крупная шишка. С таким лучше не связываться." Вася оскалился, попытавшись изобразить улыбку и вежливо произнес: "Все в порядке, пожалуйста проходите господин Голдэнмахер". Одновременно с этим он подал незаметный знак коллеге таможеннику, что означало "опасно, возможна провокация". Следующий таможенник чуть заметно склонил голову, что означало "вас понял" и произнес "Сюда, пожалуйста, проходите. Разрешите помочь чемоданчики перенести". Саша обалдел, наблюдая как таможенник перетаскивает их чемоданы. Жена лишилась дара речи.

Таможенник нарочито медленно развернул документы, заполненную декларацию. Сделал вид, что ее читает. Потом приоткрыл уголок чемодана и сообщил "Все в порядке господин Голдэнмахер. Счастливого пути. Может вам помочь перенести багаж?"

"Нет, нет, нет. Огромное спасибо" – выдохнул вконец обалдевший Саша – "Мы уж тут сами с женой управимся, а

то у вас работы много, не смеем отвлекать."

"Ох много" – согласился таможенник алчно поглядывая на извивающийся хвост очереди – "в ту дверь проходите, пожалуйста".

Саша вез тележку в направлении заветной двери, провожаемый уважительными взорами таможенников и завистливыми взглядами растаможиваемых путешественников.

Еще секунда и Саша втолкнул тележку в заветную дверь и переступил полосу на полу отделяющую Россию от всего прочего мира. Саша остановился, вздохнул. Какая-то мокрота появилась у него под глазами.

"Вот она, свобода" – подумал он. Поэтический подъем толкался в его груди. Саша поднял голову и начал патетически читать:

"Прощай немытая Россия ..."

Когда-то давно он про себя решил, что как только он переступит границу то обязательно прочтет это стихотворение Лермонтова. Он ни с кем не делился этой мечтой. И теперь, стоя в полуметре от бывшей великой империи он ощущал себя героем покорившим высочайшую вершину планеты.

"Страна рабов, страна господ.

И вы мундиры голубые.

И ты послушный им ..."

Договорить не дали. Болезненный тычок в зад стащил Са-

шу с поэтического олимпа и вернул к действительности.

"Чего стоишь, остолоп."

Саша обернулся и увидел тележку с растерзанными чемоданами и искривленную от злости физиономию своего бывшего и одновременно будущего соотечественника. Саша хотел было что-то сказать, типа "не надо хамить, мы теперь с вами в свободном мире", но понял что этот гражданин пожалуй так быстро не перевоспитается.

"Сашок, Сашуля. Тут места свободные" – услышал он знакомые вопли жены – "быстрее, не то займут."

Не сказав обидчику ни слова, Саша привычно и быстро покатил свою тележку.

Четыре места, отбитых его женой оказались весьма удачными – возле окна, вдали от суеты и стратегически близко к туалетам. Здесь можно было с удовольствием провести 4 часа остающиеся до посадки. Саша наконец сел. Посидел минут пять. Но генетическая жажда деятельности не давала ему удобно устроиться в кресле и читать какую нибудь брошенную газетную макулатуру, валяющуюся под креслами. Саша поворочался еще немного, потом вскочил. Бросил шапку в кресло, показывая всем стоящим, что место занято, сказал коротко жене "Охраняй" и пошел исследовать свободный мир Шереметьевского аэропорта.

Внимание Саши привлек съестной запах доносящийся откуда-то из-за обшарпанных колон. Саша пошел на запах. На месте бывшего советского буфета располагался коопе-

ратив с прощальным названием "Счастливого пути" и подписью чуть пониже "исключивные права". Ассортимент был старым советским, цены хорошо заграничными. Для непонятливых граждан висела табличка "Все цены в долларах". Саша глянул на меню и вдруг неожиданно для самого себя заговорил словами Кисы Воробьянинова. "Котлеты телячьи – восемь, сосиска говяжья – пять, кофе черный – три доллара. Однако!" Взбешенный этим невиданным грабежом Саша бросился к знакомой двери с полосочкой на полу, абсолютно позабыв все свои страхи, колотившие его еще четверть часа назад. Возле двери стоял солдат внутренних войск с автоматом за спиной.

"Слышь, друг" – сходу обратился он к солдатику – "будь человеком, выпусти на пять минут. Я тут сбегая в буфет, кофе куплю. Пить хочется, не вмоготу".

"Не положено" – привычно ответил солдатик.

"Ну мало ли что не положено" – продолжал Саша – "Я быстро, одна нога здесь другая там"

"Не положено" – опять откликнулся солдат – "Вон там буфет, иди и покупай".

"Буфет, кооператив" – задохнулся Саша – "знаешь там цены какие. Кофе – три доллара, а здесь всего-то 20 копеек".

"Ну и что?" – ответил солдат – "Гляди, другие же покупают". И указал в сторону каких-то пассажиров, жующих сосиски и прихлебывающих кофе из белых фаянсовых чашечек.

"Так они ж миллионеры" – быстро нашелся Саша – "им три доллара выкинуть, как бумажку, а у меня на всю жизнь в Америке всего-то сто долларов."

Солдат пожал плечами – "Ну и что, знал же куда едешь".

"Слышь, друг" – опять взмолился Саша – "а может ты сходишь. Я тебе десять рублей дам. Всего-то кофе купишь, а сдачу себе возьмешь."

"Ну да" – возмутился солдат – "Я брошу пост и пойду тебе кофе покупать. Может тебе и автомат дать, посторожить."

"А что, я могу." – развеселился Саша – "Я посторожу. Когда-то тоже в карауле стоял."

Кто-то легонько тронул Сашу за плечо. Саша обернулся. Рядом стоял караульный офицер с двумя солдатами, явно услышавшим Сашин разговор.

"Слышь, мудака!" – произнес офицер, ласково заглядывая в Сашины испуганные глаза – "Вали ка отсюда, вон в то кресло, возле параша" – Офицер указал в сторону туалетов "А не то я тебя сейчас отсюда достану и увидишь ты свою Америку лет через десять."

"За что?" – пролепетал Саша.

"За переход государственной границы." – отчеканил лейтенант и указал на Сашин ботинок, предательски оказавшийся по другую сторону полоски разделителя. Саша сгорбился, обиженно свернул губки бантиком и пошел в направлении указанному лейтенантом.

Оставшиеся часы до отлета Саша тихо просидел в кресле.

Настроение было абсолютно испорчено. Саша смотрел в пол и тихонько шептал: "Хамье... Правильно что я уезжаю... 10 лет... За что... Ничего, приеду, сразу напишу сенатору..."

Двенадцать часов перелета в Боинге прошли спокойно. К концу полета Саша уж совсем повеселел и с удовольствием поддерживал разговор с женой и соседями.

"Вот это Америка! Вот это самолет! Громадина! Не то что этот аэрофлотовский курятник."

До того дня я Сашу не знал и ничего о нем не слышал. Поехал встречать его совершенно случайно, потому – как попросили знакомые. У кого-то сломалась машина, у кого-то машина мелкая японская, а в мой старый американский Шевролет можно было упрятать два десятка чемоданов, в которых свежие эмигранты везли советское добро "на первое время". Владельцы таких вот здоровенных машин ценились на вес золота в ново-эмигрантских кругах, поскольку они были незаменимым средством при встречах многочисленных родственников и частых переездах между "апартаментами". В то время среди вновь прибывших ходили многочисленные слухи-легенды. Среди них была история об одном пронырливом эмигранте который купил за 500 долларов слегка поезженный, но списанный катафалк из похоронного бюро.

"Представляешь" – завистливо говорил рассказчик – "Машина почти что новая, ухоженная, мотор – зверь. Впихать внутрь можно, что хочешь. Хоть квартиру целиком. На

природу выехать – без проблем. Посадил всю семью включая дедушек и бабушек. Приехал на озеро и наслаждайся." Я тоже слушал эти байки поражаясь находчивости и изворотливости "наших" и представлял как бы изумились местные американцы увидев где-нибудь на отдыхе, как на парковку причаливает катафалк из которого с радостными воплями выбегают детишки, выходят их родители и убуленное сиденьями старшее поколение.

К счастью на встречу Саши мы приехали как нормальные люди – одна большая американская машина и несколько японок. Прибыли мы слегка заранее, да и самолет слегка запаздывал. Так что можно было спокойно побродить по аэропорту, без спеха разыскать нужный "gate". В те спокойные времена можно было спокойно подходить прямо к месту прилета – посадки. Мы расселись в абсолютно пустом зале. Все необходимые формальности связанные с приездом Саша прошел в Нью-Йорке и летел сюда совсем как "белый" человек – внутренним рейсом. Операция "Встреча" должна была пройти быстро и без хлопот. Вскоре сквозь темное окно мы увидели, как к воротам подрулил белый лайнер. Сашины родственники прилипли к стеклам, наблюдая за священнодействиями наземной команды аэропорта.

Огромная черная кишка соединила аэропорт с самолетом. Прошло еще несколько минут и из двери начали появляться первые пассажиры. Вначале по одному, потом непрерывным потоком, потом вновь по одному, потом уж совсем

редко словно каплями из незавернутого крана. Потом все стихло. Марина бросилась к окну причитая – "они же по-английски не говорят" видимо полагая, что Саша случайно сумел выйти не в ту дверь. Марина была двоюродная сестра Саши и вероятно лучше других представляла Сашины способности.

"Может они на рейс не успели" – высказал кто-то предположение "Ничего страшного, прилетят следующим рейсом."

"Но как мы узнаем" – начала было Марина, как вдруг в глубине кишки мы увидели вальяжно вышагивающего Сашу с женой и двумя детьми.

"Мы уже здесь, можно и не торопиться" – сказал Саша делая вид, что обнимает Марину, и словно опережая очередной вопрос добавил – "Да мы там разложились, потом вещи собирали, потом со стюардессой разговаривали..."

"О чем?" – удивилась Марина.

"Да я не знаю" – простодушно сообщил Саша – "Она же по-английски говорила"

У Марины округлились от удивления глаза. Остальные встречающие тоже с интересом начали рассматривать Сашу.

Саша понял, что спорил глупость, но немедленно нашелся: "Это, я имею в виду что она по-английски говорила с американским акцентом. А мы к этому непривычны."

Чтобы снять глуповатую ситуацию, Марина поинтересовалась: "Ну как долетели?"

"Ну в общем неплохо" – начала Жанна – Сашина жена. – "но только ..."

Здесь Саша уже привычно перебил жену и затараторил – "Кошмар, ужас, давайте пошли. Что стоим. Уже поздно. Всем наверно завтра на работу или еще куда. Ужас словами не расскажешь."

Сашу понесло. Он в лицах пересказывал свои злоключения со справкой.

"Вот она" – потрясал он клочком бумаги – "Сколько же я из-за этого натерпелся. В поезде антисемиты меня едва не растерзали. Где тут урна чтобы выкинуть эту проклятую бумажку."

"Дай прочесть" – попросил я.

Саша слегка удивился. "Ну возьми, почитай." – согласился он, протягивая смятую бумажку – "Только потом вернешь."

Мы тащились по бесконечным коридорам аэропорта. А Саша уже кончив рассказ о злоключениях в поезде уже перенесся в Шереметьево.

"Такого нигде не увидите," – кричал он – "только в России. Представьте себе настроили кооперативов с безбожными ценами. Кофе, чашечка – три доллара. Грабят народ. Валютчики, одним словом. Да за это в советские времена расстреливали."

Вдруг он остановился.

"Вот что я искал" – сообщил Саша, показывая в сторону

аэровокзального буфета. – "На секундочку давайте зайдем. Я тогда вот в Москве в аэропорту себе сказал. Приеду в Америку – первым делом возьму и кофе выпью. Только вот на секундочку, вы же не торопитесь?"

Небольшая русскоговорящая толпа остановилась и засеменила вслед за Сашей, бодро вышагивающему к стойке буфета.

"Так, что тут есть, посмотрим" – сообщил он.

Саша задрал голову и начал читать вслух.

"Хам-бургер – восемь," – сообщил он – "хот дог – пять ..."

Наконец Саша добрался до напитков.

"Кофе – три! Это что в долларах?" – спросил Саша.

"Нет, в рублях." – выкрикнула Марина. – "Ну покупай, раз мы уже здесь!"

Саша повернулся с надеждой посмотрев в нашу сторону. Видимо он рассчитывал услышать спасительную фразу "Угощаю".

Выдержав паузу Саша пробормотал – "Три доллара. Однако!" – и полез в карман.

"Марин, как по-английски кофе будет?" – неожиданно спросил он.

"Так и будет – кофе!" – со злостью выдохнула Марина – "А ты, я смотрю, наши советы по поводу английского, судя по всему, проигнорировал!"

"Да нет. Я на курсы ходил, даже справку привез." – опять

нашелся Саша и словно отмахиваясь от назойливой мухи добавил – "Я просто забыл что кофе и чай слова иностранные."

"Так" – сказал он извлекая двадцатку из кармана – "Плиз кофе энд чай."

Парнишка продавец удивленно вскинул брови.

"Ти, смол" – подсказала Марина.

Парнишка кивнул и быстро наполнил бумажные стаканчики. А Саша вдруг повеселел.

"Давайте, давайте сюда вот так все вместе, сфотографируемся. Так сказать первая фотография в Америке. Вот у меня фотоаппарат есть. Минолта называется. В Турции купил. Давайте сюда, кто фотографировать будет?" – шумел Саша.

Понятливый мальчишка буфетчик уже бежал к нам.

"Плотнее, плотнее" – по привычке командовал Саша – "Я держу кофе в правой руке. Жанна иди сюда. Ты держишь чай в левой. Мы готовы!"

"Чи..из" – послышалось стандартное американское "приветствие".

Полыхнула вспышка и словно отрезая прошлое от настоящего, вытащила из темного угла нестройную русскую толпу и стеклянную стойку буфета со сморщенными хамбургерами.

Начиналась новая жизнь.